

МАТЕРИАЛЫ XXVI МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАОЧНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК:
СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ,
ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ**

Новосибирск, 2013 г.

УДК 3
ББК 6/8
А43

А43 «Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история»: материалы XXVI международной заочной научно-практической конференции. (15 июля 2013 г.) — Новосибирск: Изд. «СибАК», 2013. — 146 с.

ISBN 978-5-4379-0311-7

Сборник трудов XXVI международной заочной научно-практической конференции «Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история» отражает результаты научных исследований, проведенных представителями различных школ и направлений современных общественных наук.

Данное издание будет полезно аспирантам, студентам, исследователям и всем интересующимся актуальным состоянием и тенденциями развития общественных наук.

Рецензенты:

- канд. филос. наук Гужавина Татьяна Анатольевна;
- канд. ист. наук Купченко Константин Владимирович;
- канд. филос. наук Карпенко Виталий Евгеньевич;
- канд. ист. наук Прошин Денис Владимирович;
- канд. ист. наук Соловенко Игорь Сергеевич;
- канд. ист. наук Сорокин Александр Николаевич.

ISBN 978-5-4379-0311-7

ББК 6/8

© НП «СибАК», 2013 г.

Оглавление

Секция 1. Политология	6
1.1. История и теория политики	6
ФРЭНСИС БЭКОН И НОВОЕ ПОНИМАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕЙ Трунов Анатолий Анатольевич	6
1.2. Политика в России	15
СИМВОЛИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ Сукало Сергей Александрович	15
ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ПРЕДМЕТ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ Филина Нина Владимировна	23
1.3. Мировая политика	34
УКРАИНА В СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗМЕРЕНИЯХ Адыгёзалов Тогрул Аскер оглы	34
РЕАЛИИ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА В ЕВРОСОЮЗЕ И В СНГ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ Бурганова Инна Николаевна	43
ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ II ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА — НАЧАЛА XXI ВВ. Громцев Олег Владимирович	50
Секция 2. Социология	61
2.1. Социология управления	61
СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ Гусева Татьяна Степановна	61
УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ В ВОИНСКОМ КОЛЛЕКТИВЕ Коваль Пётр Ростиславович	68

Секция 3. Философия	76
3.1. Динамика современной культуры	76
МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА XX ВЕКА: К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ, ЗНАКОВОМ ОФОРМЛЕНИИ И ТЕКСТУАЛИЗАЦИИ Петинова Марина Александровна	76
ЭКЗИСТЕНЦИАЛ ЗЕРКАЛА И ЗАЗЕРКАЛЯ В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНСКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ПРОЗЕ Грибовская Дарья Анатольевна Барабанова Елена Анатольевна	81
3.2. История философии	87
ЭСТЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СОВРЕМЕННОЙ ПАТОГРАФИИ: ФЕНОМЕН «МОЛЧАНИЯ» И «ЛОЖНОЙ СМЕРТИ» В ТВОРЧЕСТВЕ А.А. АХМАТОВОЙ («СЕВЕРНЫЕ ЭЛЕГИИ») Петрык Янина Юрьевна	87
ФЕНОМЕН «ПОЭТИЧЕСКОГО» В ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ Петрык Янина Юрьевна	94
3.3. Онтология и теория познания	101
МЕТОДОЛОГИЯ ФИЛОСОФИИ В ТЕХНОИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ: УНИВЕРСАЛИЗМ И ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ КРУГ Карпенко Виталий Евгеньевич Сумченко Светлана Владимировна	101
Секция 4. История	113
4.1. Всемирная история	113
ВЛИЯНИЕ АФГАНСКИХ БЕЖЕНЦЕВ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ПАКИСТАНЕ В 80-Е ГГ. XX В. Кулумбегов Мурман Мурадович	113
АРАБСКИЙ ВОСТОК И ВЕЛИКОБРИТАНИЯ: ПРИНЦИПЫ СОСУЩЕСТВОВАНИЯ Чикаидзе Циснами Михайловна	117

4.2. Этнология	123
ОСОБЕННОСТИ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ ЗАКАРПАТЦЕВ В РФ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА (РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ) Кичак Оксана Юрьевна	123
4.3. Археология	135
АРХИТЕКТУРНЫЙ ДЕКОР ЗОЛотоОРДЫНСКИХ ПАМЯТНИКОВ МИЗДАХКАНА Уталиев Сакен Айладырович	135
4.4. Историография, источниковедение и специальные исторические дисциплины	140
ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ ГРАЖДАН СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА К СЛУЖБЕ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1960-Х—1991 ГОДЫ) Макипов Аскар Советканович	140

СЕКЦИЯ 1.

ПОЛИТОЛОГИЯ

1.1. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ПОЛИТИКИ

ФРЭНСИС БЭКОН И НОВОЕ ПОНИМАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕЙ

Трунов Анатолий Анатольевич

*канд. филос. наук, доцент,
Белгородский университет кооперации, экономики и права,
г. Белгород*

E-mail: trunovv2013@yandex.ru

FRANCIS BACON AND A NEW UNDERSTANDING OF POLITICAL IDEAS

Trunov Anatoly Anatolyevich

*candidate of philosophical sciences, associate professor,
Belgorod cooperative university, economics and law,
Belgorod*

АННОТАЦИЯ

В статье проанализированы основные вехи интеллектуальной биографии известного мыслителя и государственного деятеля Ф. Бэкона. Особое внимание уделяется характеристике его учения об «идолах», предвосхитившего содержания некоторых классических теорий идеологии. Также рассматривается его концепция диагностики и профилактики смут, мятежей, гражданских войн и революций. Делается вывод о том, что Бэкон является крупнейшим политическим теоретиком раннего Нового времени.

ABSTRACT

The article analyzes the main milestones of intellectual biography of a famous thinker and statesman F. Bacon. Special attention is paid to characteristics of his teachings about the «idols» which has anticipated the content of some classical theories of ideology. Also it deals with the concept of diagnostics and prophylaxis of the unrest, riots, civil wars and revolutions. Concludes that Bacon is the largest political theorist early modern period.

Ключевые слова: Фрэнсис Бэкон; знание; власть; политика; конспирология; идеи; идолы; смуты; мятежи.

Keywords: Francis Bacon; knowledge; power; policy; conspirology; ideas; idols; distemper; riots.

Оригинальная интерпретация знания, власти и некоторых практических аспектов разработки и распространения политических идей впервые была предложена Фрэнсисом Бэконом (22 января 1561 г., Лондон — 9 апреля 1626 г., Хайгет), английским философом, писателем, юристом и государственным деятелем, одним из признанных родоначальников философии, науки и всего интеллектуального дискурса Нового времени.

Бэкон родился в семье лорда-хранителя большой королевской печати — сэра Николаса Бэкона [1, с. 5]. Он получил превосходное по тем временам образование: сначала учился в Тринити-колледже в Кембридже (1573—1576 гг.); затем по совету отца несколько лет находился в составе английской дипломатической миссии в Париже [1, с. 6—7]; далее практиковался в известной юридической корпорации Грейс-Инн (1579—1582 гг.), из стен которой вышло немало государственных деятелей, ставших заметными фигурами политической жизни конца XVI — первой половины XVII в.

В 1586 г. Бэкон возглавил эту элитную юридическую корпорацию, став её старшиной. Продолжая семейное дело, он вёл обширную судебную практику, неоднократно избирался в парламент. По словам известного английского драматурга Б. Джонсона, «никогда и никто не говорил с большей ясностью, с большей сжатостью, с большим весом и не допускал в своих речах меньше пустоты и празднословия», чем Ф. Бэкон [цит. по: 1, с. 7].

Высокие государственные должности Бэкон начал занимать при короле Якове I Стюарте (1603—1625 гг.), который испытывал к мыслителю чувство практически безграничного уважения, ценя в нём блистательного интеллектуала и знающего юриста. В 1616 г. Бэкон был назначен членом Тайного совета, через год — хранителем Большой

королевской печати, а в 1618 г. — Верховным канцлером [1, с. 13]. При этом Бэкон не переставал активно заниматься научной, философской и литературной деятельностью.

Философия Бэкона соединила в себе натуралистическое мирозерцание с началами аналитического метода, эмпиризм — с грандиозной программой радикальной реформы всего интеллектуального мира. Это был оригинальный проект консолидации учёных и философов, носителей уникальных научных знаний, позволяющих со временем преодолеть существующие разномыслия и споры и приобрести реальную власть над миром.

Разумеется, это не могло вызвать даже молчаливого одобрения со стороны конкурирующих представителей правящей элиты, поэтому Бэкону приходилось «маскироваться», прибегать к аллегориям и аллюзиям, высказывать свои мысли не напрямую, а иносказательно, что вполне соответствовало политическому стилю эпохи. Возможно, именно поэтому у позднейших исследователей творчества Бэкона сложились несколько упрощённые представления об его реальных достижениях. Почему-то Бэкона не принято относить к числу крупнейших политических теоретиков раннего Нового времени. Устранить эту несправедливость отчасти призвана данная статья.

Будущее человечества, его могущество и благосостояние Бэкон связывал с успехами наук в познании природы и её законов, а также с осуществлением на этой основе полезных для человечества изобретений. По словам философа и науковеда Д.Л. Сапрыкина, проект Бэкона по созданию научного «царства человека» относится к числу наиболее ярких и амбициозных интеллектуальных попыток нескольких последних столетий [4, с. 18] Человеческая власть над природой в этом «царстве» устанавливается через «Великое восстановление наук» [1, с. 57—577], к которому так стремился Бэкон.

Значительное место в системе научных, философских и политических воззрений Бэкона занимали вопросы идеологии, хотя данного термина он никогда не употреблял. Его учение об «идолах» может быть рассмотрено как предвосхищение многих современных представлений об идеологии как о разновидности «ложного сознания» [3].

Согласно Бэкону, «идолы» — это особые ментальные матрицы, «которые уже пленили человеческий разум и глубоко в нём укрепились, так владеют умом людей, что затрудняют вход истине» [2, с. 18].

Проанализировав природу человеческих заблуждений, Бэкон пришёл к выводу, что они могут быть порождены следующими обстоятельствами:

- во-первых, особенностями ума, присущими всему человечеству («идолы рода»);
- во-вторых, склонностями, свойственными отдельным группам учёных, философов и некоторым индивидам («идолы пещеры»);
- в-третьих, дефектами и ошибками языка («идолы площади»);
- в-четвертых, доверчивым, некритическим усвоением чужих мыслей («идолы театра»).

«Идолы рода» детерминированы чувственной природой познания. Ум человека, полагает Бэкон, уподобляется неровному зеркалу, «которое, примешивая к природе вещей свою природу, отражает вещи в искривлённом и обезображенном виде» [2, с. 19].

«Идолы пещеры», по Бэкону, представляют собой индивидуальные заблуждения конкретного человека. «Ведь у каждого помимо ошибок, свойственных роду человеческому, есть своя особая пещера, которая ослабляет и искажает свет природы. Происходит это или от особых прирождённых свойств каждого, или от воспитания и бесед с другими, или от чтения книг и от авторитетов, перед какими кто преклоняется, или вследствие разницы во впечатлениях, зависящей от того, получают ли их души предвзятые и предрасположенные или же души хладнокровные и спокойные, или по другим причинам» [2, с. 19].

«Идолами площади» Бэкон обозначил то, что в наши дни называется стереотипами, упрощёнными образами реальности. Сначала они закрепляются в устойчивых речевых формах, а затем (после интериоризации) получают массовое распространение. Впрочем, это объективный процесс: поскольку речевая коммуникация повсеместно выступает как инструмент социальной интеграции, лояльный социальной системе субъект вынужден «усваивать» и соответствующие ей заблуждения («идолы площади» в терминологии Бэкона).

Мыслитель исходит из того, что «люди объединяются речью. Слова же устанавливаются сообразно разумению толпы» [2, с. 19]. При этом Бэкон задолго до современных политехнологов обратил внимание на то, что некоторые слова «прямо насилуют разум, смешивают всё и ведут людей к пустым и бесчисленным спорам и толкованиям» [2, с. 20].

«Идолы театра» имеют метафизическую природу, проистекая из «разных догматов философии, а также из превратных законов доказательств» [2, с. 20]. Ибо мы считаем, утверждает Бэкон, «что, сколько есть принятых или изобретённых философских систем, столько поставлено и сыграно комедий, представляющих вымышленные и искусственные миры» [2, с. 20]. В процессе

«встраивания» в интеллектуальный дискурс «идолы театра» не только приобретают характер базовых смысловых доминант, но и некоторым образом деформируя реальность «инициируют» многие заблуждения людей, маскируя их видимостью философских рассуждений.

Согласно Бэкону, «если зеркалом служит толпа, то исходящая от неё похвала обычно лжива и бесполезна и высказывается она, скорее, людям тщеславным, чем добродетельным. Ведь простой народ не понимает многих высших добродетелей — низшие добродетели вызывают у него похвалу, средние — его удивление или недоумение; но о самых высоких добродетелях он не имеет ни малейшего представления или вообще не воспринимает их [...] Безусловно, молва подобна реке, которая несёт на своей поверхности лёгкие и пустые предметы и топит вещи тяжёлые и прочные» [2, с. 472].

Бэкон вовсе не надеялся полностью очистить сознание людей от иллюзий, заблуждений, мифов и других «идолов». Если от двусмысленного употребления слов и непрояснённых терминов, приобретённых из мнений и учений философов, предрассудков и т. п. ещё как-то можно освободиться, то врождённые дефекты мышления присущи природе самого разума. Поэтому они пребудут с человечеством вовеки. Тем не менее, его критика «идолов» оказала значительное влияние на последующее развитие научной, философской и, конечно же, политической мысли.

Кроме того, Бэкон заявил о себе в качестве великолепного социального наблюдателя. Произведения Бэкона содержат яркие, выразительные зарисовки человеческих характеров, нравов, чувств и склонностей людей, обнаруживающие в их авторе превосходного историка, тонкого психолога и социолога, знатока человеческих душ, придирчивого и строгого судью человеческих поступков.

Особый интерес вызывает целенаправленная пропаганда Бэконом миссии ученых-интеллектуалов по контролю над обществом, а также тщательно вынашиваемая им идея конспирации интеллектуалов. Ведь «философы» Бэкона — это отнюдь не заурядные университетские профессора, монотонно и уныло излагающие студентам схоластические знания, совершенно не пригодные для жизни, а представители особой конспирологической структуры орденского типа, хорошо понимающих, что «знание есть сила, а сила есть знание». Данное учреждение («Дом Соломона») выступает в качестве своеобразного «мозгового центра», декларируя свои далеко идущие стратегические цели: «изучение творений Господних»; «познание причин и скрытых сил всех вещей»; «расширение власти человека над природою» до тех пор, пока всё не станет для него возможным [2, с. 504, 514].

Бэконовский «Дом Соломона» имеет жёсткое иерархическое устройство. При этом его деятельность носит замкнутый характер. Никакого контроля со стороны государства или общества тут нет и в помине. Здесь — конспирология без прикрас. «На наших совещаниях мы решаем, какие из наших изобретений и открытий должны быть обнародованы, а какие нет. И все мы даём клятвенное обязательство хранить в тайне те, которые решено не обнародовать; хотя из этих последних мы некоторые сообщаем государству, а некоторые — нет» [2, с. 532]. Вся эта научная и организационно-функциональная «секретность» Бэкона весьма напоминает эзотеризм многих оккультных обществ, хотя современными исследователями высказываются и другие точки зрения по данному вопросу [4, с. 18—73].

Со временем первостепенную важность приобрели именно те положения Бэкона, которые пропагандировали пути реформирования общественной жизни «под присмотром» интеллектуальной элиты, ставшей весьма активно воздействовать на умы правящих слоёв. Эти наставления обнаруживаются на страницах знаменитой философской утопии Бэкона «Новая Атлантида» [2, с. 488—524], которая считается эзотерическим политическим трактатом и до сих пор привлекает всевозможных адептов «тайного знания».

Не менее занимательны рассуждения Бэкона «о смутах и мятежах», которые могут использоваться не только в научных, но и в практических целях. На это обстоятельство обратил внимание известный французский философ и историк науки М. Фуко, когда отметил, что в очерке «о смутах и мятежах» Бэкон даёт «целое описание, целый анализ, целую физику — мятежа и мер предупреждения мятежей, соответствующего управления людьми, и этот анализ имеет огромное значение» [5, с. 349]. На наш взгляд, эта оценка Фуко вполне точно передаёт суть первоисточника, почему-то обойдённого вниманием отечественных философов и политологов.

По Бэкону, предвестниками всех смут и мятежей, гражданских войн и революций «следует считать пасквили и крамольные речи, когда они часты и смелы, а также ложные слухи, порочащие правительство, когда они возникают часто и охотно подхватываются [...] Обсуждения, отговорки и придирки к распоряжениям властей — всё это уже попытки стряхнуть ярмо и упражнения в неподчинении, особенно если при этом сторонники приказа высказываются робко и нерешительно, а противники его — с дерзостью» [2, с. 380, 381].

Безбоязненная критика властей — это первый индикатор надвигающейся «политической бури». Ведь мятежи и мятежные слухи не более отличаются друг от друга, чем мужской пол от женского, «особенно когда уже и самые благие постановления правительства,

коим надлежало бы вызвать всеобщее одобрение, толкуются превратно и в дурном смысле [...] И пусть монархи и правители пред лицом недовольства не утешаются тем, что так-де бывало уже не раз и, однако же, никакой беды не случалось; ибо хотя и верно, что не всякая туча приносит грозу, но верно и то, что гроза, много раз пройдя стороной, наконец разражается» [2, с. 380, 382].

Другим индикатором нарастающей напряжённости выступает системный политический кризис, который выражается в появлении четырёх взаимосвязанных проблем.

Первая проблема связана с легитимностью власти. Обычно она вызвана тем, что носитель высшей государственной власти перестаёт восприниматься как символический Отец всего народа. «Если Государь, обязанный быть Отцом всем своим подданным, отождествляет себя с какой-либо из партий и склоняется к одной из сторон, он уподобляет своё правление кораблю, который опрокидывается от неравномерного размещения груза [...] Ибо, когда монаршая власть окажется подчинена партийным целям, появятся иные узы, связующие крепче, нежели узы подданства, монарха можно считать уже почти низложенным» [2, с. 381].

Вторая проблема — резкое ухудшение качества жизни населения, у которого появляются объективные основания для недовольства властями. «Причины же, коими вызываются мятежи, бывают dvojкие: великий голод и великое недовольство. Можно сказать наверное: сколько в государстве разорённых, столько готовых мятежников [...] А если к разорению и оскудению знати прибавляется обнищание простого народа, опасность становится велика и неминуема, ибо мятежи, вызываемые брюхом, есть наихудшие. Что касается недовольства, то оно в политическом теле подобно мокротам в теле человека, которые способны вызывать жар и воспаляться» [2, с. 382].

Третья проблема — ослабление контроля над знатью (политической элитой), готовой забыть присягу и призвать народ к мятежу. Параллельно с этим ослабевают контроль над низами. «Напомним, что в каждом государстве имеются (как известно) два сословия: знать и простой народ. Когда недовольно одно из них, опасность ещё не велика, ибо простой народ не скор на подъём, если вельможи его к этому не возбуждают; а те бессильны, если сам народ не расположен к возмущению. Опасность тогда велика, когда знать только и ждёт смуты в народе, чтобы тотчас выступить самой» [2, с. 384].

Четвёртая проблема — «религиозные новшества, налоги, изменения законов и обычаев, нарушения привилегий, всеобщее угнетение, возвышение людей недостойных или чужеземцев, недород, распущенные после похода солдаты, безрассудные притязания какой-

либо из партий, — словом, всё, что, возбуждая недовольство, сплачивает и объединяет народ на общее дело» [2, с. 382—383].

Бэкон не ограничивается только лишь анализом указанных проблем, но и предлагает рациональные пути их решения.

Один из них — своевременная диагностика кризисной ситуации, выявление её главной, «материальной причины». По его словам, вернейшим средством предотвращения мятежа «является именно устранение его материальной причины. Ведь когда горючий материал налицо, можно отовсюду ждать искры, которая воспламенит его» [2, с. 381—382]. Если кругом разбросаны сухие дрова, то совсем неважно от какой именно искры загорится костёр.

Второй путь заключается в создании механизмов, обеспечивающих большую степень прозрачности и открытости власти, которая в своих же интересах инициирует «диалог» с обществом. «Даровать народу некоторые вольности, возможность приносить жалобы и изливать недовольство (лишь бы это было без излишней наглости и угроз) тоже будет спасительной мерой; ибо, кто загоняет гнилые мокроты внутрь и допускает внутреннее кровоизлияние, вызывает этим злокачественные нарывы и смертоносные язвы» [2, с. 384].

Третий путь — это гибкая идеологическая политика, которая обязательно включает в себя элементы манипуляции общественным сознанием. Она заключается в том, чтобы «искусно и ловко тешить народ надеждами». Вот как об этом пишет сам Бэкон: «В самом деле, искусно и ловко тешить народ надеждами, вести людей от одной надежды к другой есть одно из лучших противоядий против недовольства. Поистине, мудро то правительство, которое умеет убаюкивать людей надеждами, когда оно не может удовлетворить их нужды, и ведёт дело таким образом, чтобы любое зло смягчено было надеждой; а это не так уж трудно, ибо как отдельные лица, так и целые партии весьма склонны тешить себя надеждами или хотя бы заявлять о них вслух, если сами уж им не верят» [2, с. 384].

В последние годы жизни в силу целого ряда неблагоприятных причин (происки врагов, обвинения в коррупции, судебное разбирательство, опала короля) «великий и загадочный» Бэкон был отстранён от активного участия в серьёзной политике. Он занимался исключительно научной, философской и литературной деятельностью. Многие иллюстрирует тот факт, что Бэкон скончался от простуды, которую получил, проделывая научный опыт.

Подведём итог. На наш взгляд, именно Бэкон является одним из наиболее ярких мыслителей раннего Нового времени, предложивших чрезвычайно интересное толкование научного знания, власти и политики в их взаимосвязи. Его учение об «идолах»

предвосхищает содержание классических теорий идеологии, рассматривающих её как разновидность «ложного сознания», не осознающего истинной природы своего бытия. Рассуждения Бэкона «о смутах и мятежах» [2, с. 380—385] предлагают практически ориентированную методологию захвата и удержания государственной власти, получившую дальнейшее широкое распространение и не утратившую своей практической востребованности в наши дни. Всё это и многое другое свидетельствует о том, что Бэкон является крупнейшим политическим теоретиком раннего Нового времени.

Список литературы:

1. Бэкон Ф. Сочинения: В 2-х т. — М.: Мысль, 1971. — Т. 1. — 590 с.
2. Бэкон Ф. Сочинения: В 2-х т. — М.: Мысль, 1972. — Т. 2. — 582 с.
3. Гальцева Р., Роднянская И. *Summa ideologiae*: Торжество «ложного сознания» в новейшие времена: Монография. — М.: Посев, 2012. — 128 с.
4. Сапрыкин Д.Л. *Regnum Hominis* (Имперский проект Френсиса Бэкона): Монография. — М.: Изд-во «Индрик», 2001. — 224 с.
5. Фуко М. Безопасность, территория, население: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977—1978 учебном году: Пер. с фр. — СПб.: Наука, 2011. — 544 с.

1.2. ПОЛИТИКА В РОССИИ

СИМВОЛИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ

Сукало Сергей Александрович

аспирант, СПбГУ,

г. Санкт-Петербург

E-mail: ser.sukalo@yandex.ru

SYMBOLIC SPACE OF THE MODERN RUSSIAN PARTY SYSTEM

Sukalo Sergey

graduate student, St. Petersburg State University,

St. Petersburg

АННОТАЦИЯ

В статье раскрываются особенности функционирования феномена символической политики и символических политических практик в условиях современной российской партийной системы. Автор раскрывает понятия «символическая политика», «политическое поле», «габитус» в контексте методологической стратегии социального конструктивизма при описании деятельности российских политических акторов. Классифицирует основные поля политического противодействия и раскрывает их специфику.

ABSTRACT

The article describes the features of the functioning of the phenomenon of a symbolic policy and symbolic political practices in modern Russian party system. The author reveals the concept of "symbolic politics," "political field", "habit" in the context of methodologically strategy of social constructivism in the description of the activities of the Russian political actors. Classifies the major fields of political opposition and reveals their specificity.

Ключевые слова: габитус, партийная система, политическое поле, символическая политика, символическое пространство.

Keywords: habitus, party system, political field, symbolic politics, symbolic space.

Специфика функционирования современной российской партийной системы заключается в том, что каждый политический актор выстраивает обособленное, в ряде случаев персонифицированное идейно-символическое пространство, как поле противодействия идеологических концепций. Одним из векторов современного понимания характера символического политического взаимодействия в партийной системе является подход, основанный на использовании научных концепций, разработанных в трудах П. Бурдьё, П. Бергера, Т. Лукмана, Ю. Хабермаса, М. Эдельмана и др. авторов. Символизация политической сферы, связанная с постмодернистским характером общественного развития, актуализирует проблему дисбаланса между глубиной и масштабом политического влияния на социум и его недостаточным теоретическим осмыслением в политической культуре и идеологии.

Необходимо признать, что категориальный аппарат объекта и предмета исследования символической политики, реализуемой политическими акторами, требует уточнения и определенной интерпретации ряда понятий, в отдельных случаях их гипостазирования. Это дает методологическую возможность «стартовой операциональности», обеспечивает возможности построения формализованных объяснительных и, в отдельных случаях, прогностических моделей символической политики партий в рамках проблематики исследования.

Потребность в политологической концептуализации понятия «символическая политика», разработке операциональных моделей пространственного и культурно-политического анализа и прогнозирования, формирования и реализации данной политики в современной российской партийной системе обусловлена наличием целого ряда актуальных проблем как в современной политологии в целом, так и в исследованиях идейно-символического пространства, в частности. Символическое пространство формируется как новая политическая реальность, как совокупность полей силового противодействия, сублимации агрессии личностей и социальных групп, как определенная сфера решения социальных проблем в постиндустриальном (постмодернистском) обществе.

Это позволяет рассмотреть символическую политику как сферу конкуренции различных способов интерпретации социальной реальности, включающую политические идеи, программы, лозунги, символы, образы, акции и действия, субъективируемые человеческими

чувствами и эмоциями, реализующиеся в политическом поведении людей и деятельности социальных институтов.

Поскольку символическое пространство представляет собой совокупность полей как системное образование, то политическое поле, по определению французского социолога Пьера Бурдьё, — это место, где в конкурентной борьбе между агентами, которые оказываются в нее втянутыми, рождается политическая продукция, проблемы, программы, анализы, комментарии, концепции, события, из которых и должны выбирать обычные граждане, низведенные до положения «потребителей» и тем более рискующие попасть в просак, чем более удалены они от места производства [2, с. 180]. В нашем случае, под профессионалами и агентами мы понимаем политические партии, реализующие на практике различные формы символической борьбы, и существующие в условиях российской партийной системы.

Одним из ключевых понятий, включённых в категориальный аппарат рассматриваемой нами темы, является понятие «габитуса», введённое П. Бурдьё. Габитус понимается как система схем восприятия и оценивания, как когнитивные и развивающие структуры, которые агенты получают в ходе их продолжительного опыта в какой-то позиции в социальном мире. Габитус есть одновременно система схем производства практик и система схем восприятия и оценивания практик [2, с. 75]. Если свести это понятие к простой парадигме, то можно сказать, что габитус — это то, как мы оцениваем и понимаем явление с точки зрения своего социального положения.

Далее П. Бурдьё пишет: «Габитус производит практики и представления, подающиеся классификации и объективно дифференцированные, но они воспринимаются непосредственно как таковые только теми агентами, которые владеют кодом, схемами классификации, необходимыми для понимания их социального смысла... Мы знаем также, что точки зрения будут разные и даже антагонистические, ведь они зависят от точки, с которой смотрят, поскольку для каждого агента видение пространства зависит от его положения в этом пространстве» [2, с. 73—75].

В политической истории России символическое противостояние всегда было фактором особого рода. Специфическое отношение к власти и собственности, к правам и свободам формировалось посредством кратких и емких лозунгов, постулированием национальной (позже интернациональной) идеи, цветом знамени, образами рабочего и колхозницы, символикой герба СССР, доминированием одной общественной группы (класса) над другой. В период перестроечного и постперестроечного этапов — демократическими лозунгами и символикой, идеологией абстрактной

свободы и прав человека, обретавшей в массовом сознании сакрализованное значение. Специфика понимания этих сюжетов трансформируется в особое видение места в современном мире и перспектив исторического развития России политическими акторами.

В новейшей истории России, с установлением авторитарного режима власти, символическая политика как деятельность, связанная с производством определенных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование, обрела новые формы. Либеральное поле политического оппонирования, провозглашавшее с начала перестройки курс на тотальную демократизацию всех сторон общественно-политической жизни, сменилось консервативным полем с установкой на упорядочивание и структурирование политических и социальных институтов страны, выстраивание определённой административной иерархии, позволяющей, хоть и формальным образом, стабилизировать работу всех ветвей государственной власти. С другой стороны, властью инициированы новые формы развития гражданского общества — создание общественной палаты, института полномочных представителей Президента Российской Федерации в федеральных округах, молодёжного правительства и аналогичных структур в регионах Российской Федерации.

Практика партийного строительства последних 20 лет доказывает, что в электоральных предпочтениях российских политических акторов ещё очень сильны архаичные идеологические формы. Массовый запрос на коммунистические, националистические, социалистические партии и движения прямо указывает на то, что страна сильно раздроблена по экономическому и социальному признакам. В то время как в мировой практике сформирована тенденция к уходу от классических политических идеологий, созданию т. н. «манипулятивных идеологий», работающих по принципу “catch all parties”, в российской политической практике мы наблюдаем несколько иную картину. Несмотря на то, что программы КПРФ или партии «Справедливая Россия» идут, в основном, в тренде диверсификации классических идеологий и постулатов, политический дискурс в современной России ретроспективно отсылает к конституированию этих форм. Политические партии, в свою очередь, вынуждены отвечать на эти электоральные сигналы, если они хотят оставаться в авангарде политической жизни. Таким образом, возможности партий как производителей смыслов значительно снижаются.

Противостояние двух ключевых политических полей всегда играло ведущую роль в истории России. Особенно остро это противостояние стало проявляться в последнее десятилетие.

Либеральные идеи, оказавшись на периферии на данном этапе общественного развития, тем не менее, активно популяризируются за счёт расширения влияния оппозиционных СМИ и проектов, позиционируемых в качестве показателей общества открытого доступа (демократизация политической системы, возможность свободно вступать в ассоциации и т. п.). Лидерами общественного мнения, зачастую, становятся сторонники либеральных концепций (блоггеры и оппозиционные политики). Несмотря на то, что они не получают массовой общественной поддержки, либеральный дискурс имеет существенное влияние на принятие политических решений.

Следующее поле связано с рассмотрением различными политическими силами проблемы национально-культурной идентичности, поиска своего рода «единого знаменателя», по вопросу о котором смогли бы договориться все социальные и этнические группы, населяющие Российскую Федерацию. Данная проблема до настоящего времени так и не решена и вряд ли будут определены в обозримом будущем «ценностные индикаторы», ориентиры общественной консолидации. Таким образом, данное поле политического оппонирования характеризуется символами национализма, идеями патриотизма, государственности, абстрагированными интерпретациями особого места России в мире, ее роли в мировой истории и культуре и т. п.

В 1998 году на одном из своих публичных выступлений в академической аудитории, опальный в тот период А.А. Собчак заявил, что нет никакой русской национальной идеи и российской специфики, а есть универсальные ценности — демократические свободы и права человека, которых необходимо придерживаться. Разрешение данного противоречия, ценностная интеграция демократических ориентиров и символов в культурное пространство России при учете национального и поликультурного своеобразия, скорее, дело времени. Концепции и проекты формирования толерантности в обществе представляются малоэффективными и ресурсоемкими. Толерантность как понятие и компонент мировоззрения не являются нравственными категориями, во всяком случае, для российского общественного сознания. Это, скорее, идеологема, очередной универсалистский конструкт.

В то же время стоит отметить, что все парламентские политические силы страны имеют единое мнение по ключевым вопросам осуществления государственной власти, таким как: сохранение целостности территории страны, необходимость борьбы с экстремизмом и сепаратизмом, противодействие наркотрафику и коррупции, разжиганию этнической и религиозной розни, поиску

национально-культурной идентичности, как некоего способа сплочения всех граждан страны.

Третье поле символического противодействия — поле социального противостояния. Обилие политических концептов в интерпретации социальной реальности, в данном пространстве, обусловлено как историческим прошлым, так и социальной напряженностью сложившейся в современном обществе. Габитус успеха, престижности, превосходства и богатства полярен габитусу «униженных и оскорбленных», обездоленных, «ненужных и лишних» людей. В данном пространстве наиболее остро ощущается и воспринимается электоральными группами символика, отражающая противостояние политических сил.

Четвёртое поле — символической экспансии новых ценностей, как инструмента завоевания инокультурного пространства. Технология символического, а затем и реального освоения территорий выстраивается примерно по следующей схеме: сначала продвигаются символы, которым придается позитивная окраска и значимое смысловое оформление. Когда население к ним привыкает, следуют более существенные проекты, в основном социального порядка (благотворительные акции, построение и обустройство школ и больниц, обеспечение продовольствием голодающих и т. п.). На финальной стадии экспансии, когда население уже подготовлено, привычно к иной символике и иным интерпретациям, ставшим частью аутентичной культурной среды, носители данной символики уже принимаются со знаком плюс. Подобную схему символической экспансии можно было наблюдать в странах Восточной Европы (Польша, Грузия, Украина) в ходе смены политических элит в этих странах. Важнейшую и ключевую роль в этих процессах, несомненно, играют политические партии.

Главной функцией любой политической партии в демократическом обществе является выражение интересов различных групп населения. Но не менее важной выступает и работа по поиску средств стабилизации институтов демократии, эффективных способов модернизации и оптимизации социальных, экономических и политических институтов, выработке определённого вектора внутренне и внешнеполитического развития страны. В последнее десятилетие в политической практике современных российских партий наблюдается определённая стагнация, прямо указывающая на возможность неформальной договорённости между акторами в отношении государственной власти. Каким бы острым не был предвыборный политический дискурс, в конечном итоге, все парламентские силы признают (пусть и неформально) легитимность как самих выборов, так и политического порядка, в рамках которого они существуют.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что символично-политическое пространство, конструируемое политическими партиями, во многом направлено на поддержание социально-политического порядка, укрепление существующей государственной власти. Символическая политика, в сущности, сводится к легитимации политического порядка. Развитие демократических институтов и модернизация большинства спектров общественной жизни, в свою очередь, существенно изменяют социально — культурную реальность. Деформируются старые и формируются новые политические поля символической борьбы профессионалов противостоящих друг другу по иным полям символической борьбы.

Сложившаяся точка зрения о том, что российские политические структуры формируются как самодостаточные системы идей и ценностей, предлагающие альтернативные модели общественного устройства, представляется дискуссионной в контексте российских внутривнутриполитических событий последних лет. Политическое противостояние партий начинает принимать сугубо конъюнктурный характер, отводя идеологические позиции на второй план.

Прохождение партии в парламент, де факто, является более значимой целью, чем возможность или невозможность провести через слушания тот или иной законопроект. Макс Вебер, в классической работе «Политика как призвание и профессия», говоря о германских партиях, отмечал: «Ущемления в распределении должностей воспринимаются партиями более болезненно, чем противодействие их предметным целям» [3, с. 656]. В такой ситуации политическое оппонирование неизбежно начинает принимать символические формы, сводя «партийную борьбу» к спору о различных способах интерпретации социальной реальности в формате телешоу.

Выводы.

1. Символическое пространство современной российской партийной системы представляет собой совокупность полей, где в конкурентной борьбе создается политическая продукция: программы, анализы, комментарии, концепции, акции, нацеленные на решение актуальных общественных проблем. Граждане, как потребители политической продукции, могут выбирать варианты предлагаемых решений и производить символический обмен своего мнения (в виде голосов) на декларируемые предпочтения.

2. В качестве акторов символической политики выступают, с одной стороны политически организованные на основе идеологии структуры, с другой — агенты, оценивающие и понимающие явление с точки зрения своего социального положения, схем производства

восприятия и оценивания социальных практик. Габитус есть отражение наиболее типичных вариантов данных схем.

3. Динамика экономических, социальных, информационных и политических процессов в начале XXI века, отличающихся определенным отходом от «правил соблюдения договоренностей и обязательств» в международных и внутривнутриполитических отношениях, широким применением технологий организации цветных и псевдосоциальных революций с одной стороны, и широчайшим использованием мобильного информационного пространства с другой, заставляет по-новому оценить технологию и тактику действий современных политических акторов.

4. Политическая практика «игры или боев без правил» заставляет задуматься не только о стратегических целях акторов, но и тактических способах их воплощения в политическую реальность. Довольно существенную роль в этих процессах играют политические символы и образы как инструментарий формирования массовых представлений о современном мире и окружающей действительности.

5. Развитие демократических институтов в современном российском обществе и модернизация большинства спектров общественной жизни существенно изменяют социально-культурную реальность и современное политическое поле. Формирующееся символическое пространство в современном обществе предстает как специфическая знаково-коммуникативная система, включающая политические идеи, программы, лозунги, символы и образы, акции и действия как инструментарий социальной коммуникации. Политическое противостояние партий, их противодействие все более обретает символические формы, что отражает объективный вектор развития цивилизационных процессов в политической сфере. В данном контексте эффективное решение конкретных политических задач возможно посредством формирования символического политического продукта и его эффективного продвижения политическими акторами.

Список литературы:

1. Бергер П. Социальное конструирование реальности [Текст]: Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман; авт. вступ. ст. Е.Д. Руткевич. — М.: Медиум, 1995. — 323 с.
2. Бурдые П. Социология социального пространства [Текст] / П. Бурдые. — СПб.: Алетея, 2007. — 288 с.
3. Вебер М. Политика как призвание и профессия [Текст] / М. Вебер // Избранные сочинения. — М.: Прогресс, 1990. — 808 с.

4. Головченко В.И. Партийно-идеологический фактор политической трансформации современной России [Текст]: автореф. дис. ... докт. полит. наук: 23.00.02: защищена 24.12.09 / Головченко Владимир Иванович. — Саратов, 2009. — 51 с.
5. Идеино-символическое пространство постсоветской России: динамика, институциональная среда, акторы [Текст]: сборник науч. ст. / РОССПЭН; Ред. О.Ю. Малиновой — М.: РОССПЭН, 2011. — 285 с.
6. Чижов Д.В. Российские политические партии: между гражданским обществом и государством [Текст] / Д.В. Чижов. — М.: РОССПЭН, 2008. — 224 с.

ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ПРЕДМЕТ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Филина Нина Владимировна

*аспирант негосударственного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Омской гуманитарной академии»,
г. Омск*

E-mail: permusik@rambler.ru

CHURCH-STATE RELATIONS AS A SUBJECT POLITICAL STUDIES

Filina Nina

*graduate student of private educational institutions of higher education
"Omsk Academy of the Humanities",
Omsk*

АННОТАЦИЯ

Статья раскрывает содержание понятия «церковно-государственные отношения». Основное внимание автор акцентирует на критическом анализе статистических данных по внедрению религии в образовательную среду. Затрагивает вопросы светскости государства. В ходе анализа автором были выявлены проблемы тормозящие развитие церковно-государственных отношений, а также предложен новый вектор сотрудничества.

ABSTRACT

The article reveals the concept of "church-state relations." The focus of the author focuses on a critical analysis of statistical data on the introduction of religion into the educational environment. Raises questions of the secular state. During the analysis the author has identified problems hindering the development of church-state relations, but also provides a new vector of cooperation.

Ключевые слова: церковно-государственные отношения; органы государственной власти; формы взаимоотношений; религиозное образование.

Keywords: church-state relations, public authorities; forms of relationships, religious education.

В России, как и в любом цивилизованном государстве, вопросы взаимоотношения между государством и религиозными организациями становятся актуальными и злободневными. Однако при более полном анализе вопросов о сотрудничестве религиозных организаций с органами государственной власти понимаем, что правовое поле этого взаимодействия недостаточно сформировано. С 2010 по 2013 год можно наблюдать что, религия мощно двинулась в политику, не смотря на светский характер церковно-государственных отношений. Подобные процессы сращивания религии, политики, общества, происходят не только в России, но и в таких государствах как Иран, Грузия, Турция, Саудовская Аравия. В этих государствах исторически существуют конфессиональные предпочтения. Что же касается России, то лидирующие позиции занимает Русская православная церковь, мы являемся свидетелями того что иерархи церкви стремятся оказать прямое или косвенное воздействие на решение происходящих в стране социально-политических изменений.

Однозначную оценку этим фактам сложно дать. Что это? Попытка навязать государственную религию или под лозунгом православия объединить мировые религии? Конституция Российской Федерации закрепила светский характер государства, но, не смотря на это, сотрудничество между религиозными организациями и государством носит политический, императивный характер. Церковь пытается взять под свой контроль систему образования, так с 2002 года фактически во всех субъектах федерации был введен предмет «Основы православной культуры». Этот вопрос бурно обсуждался в средствах массовой информации [5]. По данным фонда

общественного мнения на вопрос, о введении в государственных учебных заведениях преподавания религии, смотри таблицу 1 [15].

Таблица 1.

Мнения респондентов по вопросу о введении в государственных учебных заведениях преподавания религии (в %)

	право- славные	мусуль- мане	католи- ки	протес- танты	иудеи	буд- дисты
Преподавание религии должно быть обязательным	23,8	19	24,5	25,5	5,5	11,1
Преподавание религии допустимо по желанию учеников и родителей вне школьной программы	38,3	30,8	37,7	30,1	31,8	41,1
Религия не должна преподаваться в государственных учебных заведениях	13	20,2	6,4	16,1	26,4	13
Целесообразно преподавание знаний об основных религиях	20,5	21,9	25,5	17,5	29,1	25
Затруднились ответить	4,5	8,1	6,4	11,2	7,3	9,3

За обязательное преподавание религии в государственных образовательных учреждениях выступает меньшая часть респондентов. Причем если проследить этот показатель по конфессиям, то у иудеев и буддистов этот показатель много ниже. Это объясняется тем, что конфессиональные меньшинства опасаются что, через государственную образовательную систему произойдет навязывание им религии большинства. На вопрос о допустимости преподавания религиозных предметов на добровольной основе положительно ответили примерно 30 % опрошенных. Меньшая часть опрошенных, (примерно 15—20 %) выступает за то, чтобы религиозные предметы не преподавались в государственных образовательных учреждениях.

Таким образом, за полностью безрелигиозный характер образования выступает меньше половины опрошенных, тогда как четверть допускает факультативное изучение религиозных предметов, а пятая часть поддерживает идею религиоведческого учебного курса. Следовательно, половина неверующих соглашается с тем, чтобы учащиеся государственных образовательных учреждений в той или иной форме получали знания о религии, и, таким образом, признают значимость религиозной культуры для современного человека.

Какова же реакция россиян на взаимодействия церкви и государства? По данным фонда общественного мнения (эти данные публикуются в интернете, и они открыты широкому кругу читателей) за период 2005—2011 годов на вопрос: «имеет ли право религиозная организация оказывать воздействие на принятие важнейших государственных решений?» смотри рисунок 1.

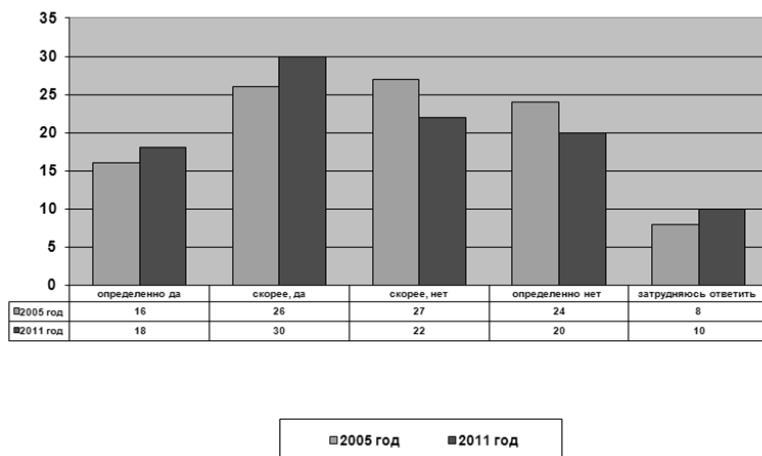

Рисунок 1 Должна ли церковь оказывать влияние на принятие государственных решений

В 2005 году больше половины 51 % ответили отрицательно, 42 % респондента выступили в поддержку и лишь 8 % затруднились с ответом. В 2011 году ситуация несколько изменилась. По данным фонда общественного мнения за 2011 год [15], 48 % ответили

положительно, 42 % респондента ответило отрицательно и лишь 10 % затруднились с ответом.

Анализ статистических данных показал дисбаланс общественного сознания. Причем сторонников партнерских отношений религиозных организаций и государственных органов власти меньше чем противников.

На вопрос: «следует ли государственным органам власти учитывать в своих действиях религиозный фактор?», положительно ответили 43 % опрошенных, негативно высказались 46 % опрошенных, и 11 % респондентов затруднились с ответом.

Таким образом, сторонников тесного сотрудничества церкви и государства меньше чем его противников. Однако общественное мнение идет в разрез с мнением чиновников, которые выступают за сотрудничество с церковью.

В настоящее время мы стоим на грани резкой и весьма противоречивой политизации религиозных отношений, которые стали широко использоваться как церковной, так и политической властью. Сращивание власти и религии не несет блага ни государству, ни обществу, ни религиозным объединениям. Поиск оптимальных церковно-государственных отношений и невмешательства церкви в систему управления государством остаются важными на наш взгляд противоречивыми вопросами. Не решив которые могут возникнуть социальные разногласия на конфессиональной основе, которые могут привести к ксенофобии, социальному расслоению общества, где главную роль сыграет религия, направив свои рычаги власти против государства, толерантности, взаимопонимания народа.

Соотношение государства и церкви определяло «лицо» власти, образ правителя, следовательно, и общий политический климат в стране, легитимность государственных институтов, устойчивость развития всех сфер общества.

В науке взаимосвязь государственных органов власти с религиозными организациями изучаются через призму церковно-государственных взаимодействий. Церковно-государственные взаимодействия в современном политологическом пространстве представляют собой многообразие моделей, форм, статусов направленных на сотрудничество институтов государства с религиозными организациями.

Современные исследователи М.Г. Тирских, К.Н. Колесникова, под церковно-государственными отношениями понимают отношения акторов, созданных на мировоззренческих стереотипах, которые выражаются в сотрудничестве, договоренностях, возникающих в различных сферах общественной жизни: идеологической, управленческой, правовой.

С нашей точки зрения, церковно-государственные отношения — сотрудничество государственных органов власти и религиозных

организаций, направленных на достижение общих целей и реализацию интересов. Исходя из этого, церковно-государственные отношения можно представить в виде схемы «Понятие церковно-государственных отношений» смотри рисунок 2.

Рисунок 2 Понятие церковно-государственных отношений

Из схемы видно, что сотрудничество и партнерство являются наиболее приоритетными формами. Под сотрудничеством в толковом словаре С.И. Ожегова понимается — работать действовать вместе, принимать участие в общем деле, быть сотрудником [12]. Под партнерством понимают систему взаимоотношений между субъектами. Партнерство может быть гражданским, социальным, государственным, частным и т. д. [13].

Таким образом, партнерство и сотрудничество характеризуют доверительными, милосердными взаимодействиями.

В основе церковно-государственных отношений лежат нормативно-правовые акты закрепившие место и роль религиозной организации в социально-политическом процессе, основные направления, компетенции всех участников этих отношений. Церковно-государственные отношения становятся не патриархальным пережитком, а потребностью общества, индивида, государства. Современная Россия стоит на пороге формирования новой вероисповедальной политики, которая будет основой долгих плодотворных, социально значимых государственно-конфессиональных отношений. Новая политика должна удовлетворять интересы общества, государства и религиозных организаций на наш взгляд это способна сделать гражданская религия, где должны соблюдаться принципы равенства, законности, гласности.

На смену политике железного занавеса во всех сферах гражданского общества пришла демократия, которая дала широкие возможности

для граждан России и. В экономике — развитие предпринимательства, в политике — гласность и плюрализм, в праве — гражданские права и возможность конфессионального самоопределения. Важным фактором в социально-политической жизни стала религия.

В настоящее время, с одной стороны, декларируется отделение религиозных объединений от государства, с другой происходит активное сотрудничество государственных институтов с религиозными организациями.

Факты сближения светской и церковной элиты [4] позволяют говорить о том, что Церковь в лице его высшего руководства стремится к обладанию политических прав, а власть, в свою очередь, использует религиозный ресурс для поддержания легитимности своих действий [9].

В связи с этим возникает вопрос: светское ли российское государство. Обращаясь к Конституции Российской Федерации, к статье 14 в которой, закреплен «светский характер государства, который определяет, что в России нет, и не может быть обязательной религии. Вместе с тем, гарантируется свобода совести, вероисповедания, свобода религиозных организаций» [2, с. 3].

В свободной энциклопедии википедии дается следующее определение: «Светское государство — государство, появившееся в результате отделения церкви, которое регулируется на основе гражданских, а не религиозных норм; решения государственных органов не могут иметь религиозного обоснования» [1].

По нашему мнению, светское государство — это правовая характеристика государства, которая определяет статус религиозных организаций, закрепляя права, обязанности и гарантии. Государственные органы власти должны быть отделены от церкви.

В последнее время средства массовой информации часто на всю страну ведут трансляцию из храма, где крупным планом показывают представителей власти, которые недавно вели активную антирелигиозную пропаганду. Вера человека — это таинство, которое не рекламируется. С трудом верится, что все государственные лица одновременно стали верующими. Пристальное внимание со стороны религиозных организаций проявляется в социальных учреждениях и вооруженных силах. Церковь направляет свои действия на систему образования, здравоохранения, в армию, тюрьмы, средства массовых коммуникаций. Практика взаимодействия зачастую носит противоречивый характер, происходит нарушение характерных черт светского государства.

Священник Александр Добродеев, заведующий синодальным отделом по взаимодействию с вооруженными силами и правоохранительными органами, считает, что структуры власти должны иметь углублённое представление о религиях своей страны и непременно

учитывать это знание в своей деятельности. «Я бы хотел видеть взаимодействие между государством и религиозными организациями в сфере правоохранительной деятельности. Все государственные структуры, которые задействованы в наведении правопорядка в стране, должны иметь сущностное представление о религии. На данный момент они не имеют никаких представлений о религиозных основах жизни людей своей страны» [10, с. 4], — заметил он.

«Наша власть в лице своих представителей достаточно далека от религии и с этим связана профанация правовых взаимоотношений. Взять хотя бы глубокий нравственный упадок в среде сотрудников правоохранительных органов: от полиции до судов и прокуратуры. Во всем государственном аппарате, в Вооруженных силах и т. п. ситуация не лучше. Религиозное сознание, если бы оно у них было, препятствовало бы такому невиданному разгулу коррупции, недобросовестности, потребительства, вообще беспринципности, этой жажде жить, лишь для собственной корысти», [10, с. 4—5] — сказал отец Александр. Священник Александр считает что, окрестив всех сотрудников аппарата принуждения, государство окончательно решит вопрос с взяточничеством, коррупцией, и превышением должностных полномочий. Осталось только выяснить какая религия сможет им в этом помочь. И не противоречит ли это действующей Конституции Российской Федерации.

При выборах Президента Российской Федерации, формировании Правительства Российской Федерации, принятии государственного решения, обсуждении закона церковь, патриарх, занимает лидирующие позиции. Являясь негласным органом власти, инструментом в руках государства при формировании общественного мнения. Со стороны государственных органов власти наблюдается негласное навязывание обществу православия. Нормы Конституции Российской Федерации никто не отменял, и в государстве нет официальной религии и быть не может т. к. Российская Федерация многоконфессиональное и многонациональное государство.

Исследуя природу светского государства необходимо определить степень вмешательства религиозной организации в политическое пространство, формируя при этом модель взаимодействий допустимых, возможных для всех субъектов церковно-государственных отношений.

Русская православная церковь в 2000 году в своём документе «Основы социальной концепции Русской православной церкви» открыто высказала свою позицию по вопросу сотрудничества с государственными органами власти направленную на отделение религиозной организации от государства. Однако уже с 2003 года произошёл перелом в пользу партнёрства, а в 2010 году Патриарх

и Президент обсуждали стратегию развития государственно-конфессиональных отношений на современном этапе. С 2012 года в российских школах вводится новый предмет «основы православной культуры». В средствах массовой информации дается неоднозначная оценка происходящих в России в последнее десятилетие событий, государственно-конфессиональным отношениям дают негативную оценку. Источником этих недовольств являются сами органы государственной власти и глава государства. Демонстрируя свою принадлежность христианской вере.

Таким образом, необходимо чётко определить возможность сотрудничества религиозных организаций, с государственными органами власти проведя мониторинг возможного, необходимого сотрудничества со стороны всех участников государственно-конфессиональных отношений. В случае положительного решения — отказываться от светского характера государства, определяя допустимую модель сотрудничества. При отрицательном решении, необходимо четко следовать Конституции Российской Федерации не вмешиваясь в вопросы религии.

Анализируя различные точки зрения и позиции к определению церковно-государственных отношений как предмета политологического исследования можно сделать вывод, что сущность этих процессов должна лежать в правовом поле, главным признаком которого является невмешательство в вопросы религиозных организаций и недопущение их к решению социально-политических вопросов. В Российской Федерации не допустима официальная или обязательная религия.

На наш взгляд характерными чертами светского государства являются:

- право граждан на свободное самоопределение конфессиональной принадлежности;
- недопущение со стороны государства навязывание официальной религии;
- отделение государственных органов власти от церкви;
- законность;
- невмешательство церкви в образование, политику.

Однако практика расходится с теорией. Мировая практика показывает, что процесс перехода от светского к несветскому государству не всегда зависит от практики взаимодействий и нормативного содержания. Российский опыт государственно-конфессиональных отношений показывает, что светское государство может обладать определенным набором форм и методов сотрудничества с религиозными организациями при реализации основных функций государства.

Таким образом, церковно-государственные отношения на современном этапе трансформируются, выходя на новую ступень развития, где государственные органы власти активно сотрудничают с религиозными организациями в вопросах национальной безопасности, культуры, образования, социума. Государство выступает активным субъектом сотрудничества, так как религиозные организации являются неотъемлемым институтом гражданского общества в социально-политических процессах. Новая ступень развития во взаимодействии государство-общество-церковь должна стать духовно-нравственной основой социально-политических процессов.

Следовательно, церковно-государственные отношения носят политический характер. Вероисповедальная политика государства зависит от модели взаимоотношений религиозных организаций и государства. Эти взаимодействия строятся на принципах со товарищества, взаимопомощи, одновременно законодательно закрепляя светский характер государства. Церковь проявляет относительную настойчивость в вопросах сотрудничества с государственными органами власти, однако в силу несовершенства нормативно-правовой базы тормозит развитие партнерских отношений. Церковь была и остается важным институтом гражданского общества, а также влиятельным субъектом на политическую власть, которая реализует собственные интересы.

Сегодня государство для решения социально-политических задач на первый план выдвигает Русскую православную церковь, как традиционную религиозную организацию наделяя её особым статусом. Однако этот вопрос на сегодняшний день остается актуальным и вызывает дискуссии в политологическом пространстве. На наш взгляд, необходимо уравнивать Русскую православную церковь с религиозными организациями в вопросах социально-политического взаимодействия с государственными органами власти. В противном случае в церковно-государственных отношениях может произойти раскол.

Список литературы:

1. Википедия [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D1%E2%E5%F2%F1%EA%EE%E5_%E3%EE%F1%F3%E4%E0%F0%F1%F2%E2%EE (дата обращения: 22.01.2013).
2. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. // Российская газета. — 1993. — 25 декабря. — № 237.
3. Митрохин Н.А. Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы. [Текст] М: Новое литературное обозрение, 2004. — 648 с.

4. О выступлении Патриарха Кирилла на встрече с Владимиром путинным [сайт] новостной портал [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://newsinten.ru/politika/vybory/o-vystuplenii-patriarxa-kirilla-na-vstreche-s-vladimiro-putinym.html> (дата обращения: 22.01.2013).
5. Опасения противников преподавания религии в школе не подтвердились, утверждают в РПЦ 1 сентября 2011 [сайт] "JesusChrist.ru — сервер христианского общения". [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://jesuschrist.ru/news/2011/9/1/16130> (дата обращения: 22.01.2013).
6. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/141422.html> (дата обращения: 22.01.2013).
7. Основные богословские положения Российского объединенного Союза христиан веры Евангельской Москва 2002 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://www.cef.ru/about/ustavnie/?id=2> (дата обращения: 22.01.2013).
8. Осипова Л.Н. Взаимоотношения государственных институтов и религиозных объединений, а современной России. [Текст]: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Осипова Лариса Николаевна. — Уфа, 2004. — 187 с. РГБ ОД, 61:04-23/189.
9. Приём от имени Президента России в честь архиереев — участников Поместного собора Русской православной церкви [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://kremlin.ru/transcripts/3033> (дата обращения: 22.01.2013).
10. Священнослужители о месте религии в светском государстве. [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://www.regions.ru/news/2316625/> (дата обращения: 22.01.2013).
11. Современные лики теократии / Ж.Т. Тощенко// Мир России. — 2010. — № 2. — с. 19—58. — (Духовная жизнь: власть и общество). — Библиограф.: с. 55—58.
12. Толковый словарь С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: http://www.jobtoday.com.ua/slovar/slovo_search.php (дата обращения: 22.01.2013).
13. Толковый словарь С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://www.jobtoday.com.ua/slovar/slovo.php?gnm=22320> (дата обращения: 22.01.2013).
14. Тульский О.М. Роль церкви в жизни российского общества [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: http://religion.ng.ru/printed/caesar/2000-08-09/3_role.html (дата обращения: 22.01.2013).
15. Фонд общественного мнения [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://bd.fom.ru/report/map/dd011431> (дата обращения: 22.01.2013).

1.3. МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

УКРАИНА В СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗМЕРЕНИЯХ

Адыгёзалов Тогрул Аскер оглы
аспирант кафедры страноведения
Института международных отношений
Киевского национального университета имени Тараса Шевченко,
г. Киев
E-mail: t.a.adigozalov@gmail.com

UKRAINE IN THE MODERN GEOPOLITICAL DIMENSIONS

Adigozalov Toghrul
aspirant of countries` studies department of the International relations
Institute, Kyiv national university Taras Shevchenko`s name

АННОТАЦИЯ

Формирование новой системы международных отношений, основой которой будут Большие пространства, предполагает, что национальные интересы Украины лежат в плоскости повышения своей роли и, следовательно, субъектности в процессе интеграции в одно из них. При этом ЕС четко оценил роль Украины в качестве соседа без перспективы вступления. Отказ от обсуждения евразийского вектора интеграции для Украины может привести к тому, что государство будет поставлено перед фактом поглощения в евразийскую модель интеграции на менее выгодных экономических и социально-политических условиях.

ABSTRACT

The author of the research worked out the idea of a new stage of the Great Eurasian space integration on the basis of the Ukrainian economic system going out of a position of the periphery, the development of comprehensive cooperation, creation of a competitive idea in the area of senses, implementation of mechanisms for control of material

consumption of the elites, the development and realization of a wide social project.

Ключевые слова: Большое евразийское пространство; интеграционные модели; национальные интересы; Украина.

Keywords: the Great Eurasian space; integration models; national interests; Ukraine.

Выделение и исследование геополитических особенностей украинского пространства дает возможность определить уровень субъектности государства при интеграции в различные модели Больших пространств. При этом необходимо учитывать, что современное украинское государство складывалось из различных частей трёх империй: Османской, Австро-Венгерской и Российской.

Геополитические параметры Украины можно свести к следующим:

1. разделённость государства по линии цивилизационного разлома, производной которого является геополитическое районирование страны;

2. украинская территория является границей — промежуточным пространством между Европой и Россией. Причем эта разграничительная линия проявляется не только в народонаселении, традициях и религии, но и прохождении климатических изотерм, что обуславливает производственные цепочки, особенности ведения сельского хозяйства, строительства и другие важные для жизнедеятельности общества факторы. При этом, если для Большого евразийского пространства данные территории представляются чрезвычайно привлекательными для размещения конечных звеньев производственных цепочек, вследствие радикально сурового климата в других его частях, то для Большого европейского пространства данные окраины не выглядят такими презентабельными, из-за более благоприятных климатических условий [3, с. 30—31];

3. неравномерное распределение точек экономического роста и производства: Восток — крупная промышленность, Запад — сельское хозяйство. Только четыре региона (г. Киев, Киевская, Донецкая и Днепропетровская области) через свою внешнеэкономическую деятельность формируют 60 % всего торгового оборота Украины в 2008—2009 гг. и 56 % в первом полугодии 2010 г. Одновременно доля 13 областей Украины (АР Крым, Винницкая, Волынская, Житомирская, Кировоградская, Ровненская, Сумская, Тернопольская, Херсонская, Хмельницкая, Черкасская, Черновицкая и Черниговская) колеблется в границах 0,4—1,8 % от показателей торгового оборота товарами. Доля Закарпатской, Запорожской, Ивано-

Франковской, Харьковской, Луганской, Львовской, Николаевской, Одесской, Полтавской составляет 2—9 % [5, с. 270].

4. наличие значительных водных (пресных) ресурсов. Причем, исходя из евразийской особенности рек (правильное половодье), на Востоке Украины почти не присутствует такой фактор, как разрушительные наводнения, вследствие весеннего разлива. В то же время, в западных регионах, вследствие природных особенностей, присущих в большей мере Европе, данное природное явление является регулярным;

5. наличие благоприятной ресурсной базы для развития тяжелой промышленности, металлургии и сельского хозяйства;

6. украинское пространство является транзитным. Данная особенность является системной — если в период Киевской Руси основные потоки проходили с Севера на Юг «Из варяг в греки», то в настоящее время основные транспортные пути, идущие через Украину, функционируют в широтном направлении с Востока на Запад и наоборот;

7. Украина располагает выходом в Черное море, что обуславливает ценность украинских портовых мощностей для Евразии, в то же самое время, в экономической плоскости данный фактор делает Киев конкурентом восточных окраин (Румыния) Большого европейского пространства;

8. геополитическое районирование государства даёт следующие производные: Запад и Восток Украины, исходя из исторических особенностей формирования территории, ориентируются на конкурентные геополитические центры, элиты данных регионов способны сформировать внешнеполитический курс государства и определиться с цивилизационным путем развития. В то же время, центральные области государства присоединяются к данному выбору, практически безболезненно реагируя на смену парадигмы развития.

Украинский исследователь А. Никифоров пишет в этом контексте: «Формирование современной государственной территории Украины происходило в рамках Российской империи — СССР и включало в себя ряд этапов. Первый (конец XVI — конец XVII вв.) характеризуется вычленением из состава Речи Посполитой территории Малороссии (Среднего Приднепровья) и началом колонизации Слобожанщины (Восточной Украины)... Второй (вторая половина XVIII—XIX вв.) имел характер ускоренного колонизационного освоения Северного Причерноморья... Здесь малороссы обосновываются также одновременно с великороссами. На этот этап приходится и присоединение к Российской империи Правобережья Днепра (Полесье, Подолье, Волинь).

Третий (до середины XX в.) ознаменовался включением в состав СССР Восточной Галиции (1939 г.), Северной Буковины, Южной Бессарабии (1940 г.) и Закарпатья (1945 г.), а также передачей Крымского полуострова в административное подчинение УССР (1954 г.)... Если на восток и юг украинцы продвигались в процессе переселенческой колонизации, то западные этнические украинские земли отбирались у государств, в состав которых они входили более или менее долгое время (Правобережье — у Речи Посполитой; Галиция — у Польши; Северная Буковина и Южная Бессарабия — у Румынии; Закарпатье — у Чехословакии)» [2, с. 75—90].

Как отмечает украинский исследователь Ю.В. Павленко, обвальная крах СССР способствовал процессу переориентации идентичностей в национальную плоскость, а средства массовой информации большинства государств сразу же после провозглашения их независимости активно принялись закреплять в массовом сознании ценности этно-государственной идентичности, не понимая, как правило, что современные нации создаются не на основе этноязыковых признаков (что естественно тоже немаловажно), а на общегражданском, в пределах государства как социально-политического организма, единстве людей безотносительно к их национальному происхождению. Но такие пропагандистские усилия (тем более при катастрофическом ухудшении качества жизни абсолютного большинства граждан новых государств в течение первого десятилетия их независимого существования), вполне не закономерно с теоретической точки зрения, но неожиданно для национал-радикалов стали давать в Украине протиположный эффект. Оказалось, что для основной массы обитателей Украины, восточных, южных, а также в значительной мере, и в центральных областях, ценности и приоритеты советского времени — минимальная социальная защита, скромный, но гарантированный достаток и пр. куда важнее, чем этно-национально-языковые ценности. Первостепенная для многих жителей преимущественно западных и, отчасти центральных областей национально-языковая самоидентификация оказывается далеко не главной в ценностной системе представителей других регионов Украины [7, т. 2, с. 443].

По мнению американского политолога-международника С. Хантингтона, Украина — расколота страна с двумя различными культурами. Линия разлома между цивилизациями, отделяющая Запад от православия, проходит прямо по её центру вот уже несколько столетий. В различные моменты прошлого западная Украина была частью Польши, Литвы и Австро-Венгерской империи. Значительная часть её населения является адептами униатской церкви, которая совершает православные обряды, но признает власть Папы Римского [6, с. 256].

Исторически западные украинцы говорили по-украински и были весьма националистичны в своих взглядах. Население Восточной Украины, с другой стороны было в массе своей православным, и значительная его часть говорила по-русски. В начале 1990-х гг. русские составляли до 22 %, а русскоговорящие — 31 % населения Украины. Большая часть учеников начальных и средних школ получала образование на русском языке. Крым в подавляющем большинстве населения является русским и был частью России до 1954 г., когда Хрущев, якобы в честь принятого Хмельницким 300 лет назад решения, передал его Украине. Наиболее очевидно этот раскол Востока и Запада проявился на президентских выборах в июле 1994 г. Действующий президент, Л. Кравчук, который, несмотря на тесные связи с российскими лидерами, идентифицировал себя как «национального политика», победил в двенадцати областях западной Украины с большинством, достигающим до 90 %. Его оппонент Л. Кучма, который во время предвыборной кампании брал уроки разговорного украинского языка, одержал победу в 13 восточных областях, набрав 52 % голосов.

В Западной Украине, входившей в качестве периферийной зоны в Западно-Центральноевропейскую общность в течение шести веков, этническая принадлежность была жестко связана с другими статусными позициями индивида и в значительной, если не в решающей, степени определяла жизненные способности человека. Украинцы (русины) были преимущественно крестьянами, поляки — панями и землевладельцами, евреи управляющими и арендаторами. В обстановке, когда попытка перейти на другой язык или в другую веру воспринималась, как измена, к тому же не имевшая практического смысла: свои такого человека отторгали, а чужие полностью в свой круг не принимали. Национальность, таким образом, заведомо определяла круг знакомств и профессиональную ориентацию, доступ к той или иной культурной традиции, возможности социального продвижения. Таким образом, жесткая национально-языково-конфессионально-культурно-социальная сегрегация при возможности политической консолидации по национальному признаку создавала тип национально акцентированного человека, в первую очередь идентифицировавшего себя как личность со своим народом.

В евразийском пространстве (Российской империи) положение украинцев было принципиально другим. Они были интегрированы в политическую, интеллектуальную и духовную элиту в общеимперском проекте и представлены во всех социальных слоях. Более того, по свидетельствам евразийца Н.С. Трубецкого на рубеже XVII и XVIII вв. произошла украинизация великоросской духовной

культуры, когда украинский человеческий, культурный и духовный потенциал нашел свою реализацию в модернизации Российской империи [4, с. 321]. В последствии такая интеграция украинцев в элиту Большого евразийского пространства проявляется уже в советском проекте при Н. Хрущеве и Л. Брежневе.

Производной данной ситуации является разновекторные интеграционные устремления украинской политической элиты.

К примеру, как отмечает украинский исследователь С.В. Юрченко: «... в новейшей истории Украины, пожалуй, нет вопроса, более разделяющего элиту и население, чем проблема вступления в НАТО. Украина выступает в качестве субрегионального объекта политики трех центров силы: России, ЕС и США. Поэтому стоит вопрос — либо выбор внешнеполитической ориентации на конкретную военно-политическую силу, либо сбалансированный курс... За последние 200 лет, то есть именно в эпоху национализма и формирования и реализации национальных проектов, в Украине сложилась традиция позиционирования относительно России и Европы... В конце 1980-х она вернулась на территорию Украины и после 1991 стала доминирующей в сознании интеллектуальных элит... Указанная дихотомия оказывает влияние на внешнюю политику страны, отражая раскол политических элит в выборе вектора внешнеполитической ориентации. При этом особую роль играют представители финансово-промышленных группировок, связанных с черной металлургией, экспорт продукции которой дает две трети валютной выручки. Эти круги заинтересованы как в расширении рынков сбыта в Европе, так и в сохранении благоприятного режима поставок энергоресурсов из России [8].

В результате данного разделения отношения Украины и России могут развиваться тремя путями: конфликт, хотя и маловероятный с Россией, раскол Украины по линии разлома на две части, восточная из которой войдет в состав России, и третий, наиболее вероятный — Украина останется единой, расколотой, независимой и в целом будет тесно сотрудничать с Россией. Поэтому американский исследователь С. Хантингтон призывает «мозговые центры США» готовиться к двум сценариям — развалу Украины по линии цивилизационного разлома и сохранению её в качестве единого государства.

Однако у украинского раскола есть свои специфические особенности. Так, Ю.Н. Пахомов отмечает, что характерной особенностью (удивительной для обездоленной страны) украинского раскола, явно проявившегося в 2004 г., состояло в том, что за пределами первого тура (где были и основательно обессилившие левые) не было традиционного противостояния по линии «богатые-бедные». Основной причиной такого положения дел является девальвация и обесцени-

вание левой идеи советского образца. Задержка с появлением новой левой идеи в Украине связана напрямую с продажностью нашей демократии, со скупкой голосов и приходом не только во власть, но и в политику в основном самых богатых, — за счет банальной скупки электоральных голосов. Ведь у нас в парламенте 300 миллионов — это в самой бедной стране! Это привело к отсечению от Верховной Рады других слоев общества, в том числе интеллигенции. Возникшая пустота социальной идеологии была заполнена, условно говоря, «этно-социо-регионализмом» [7, т. 3, кн. 2, с. 572, 573].

В этом контексте будет справедлив вывод о том, что украинские политические элиты эксплуатируют достаточно высокий образовательный уровень населения страны, выдвигая в своих программах не социальные (самые необходимые потребности человека в пирамиде Маслоу), а идейные этно-религиозные факторы электорального поля, «удешевляя» тем самым свои социальные обязательства.

При определении уровня субъектности Украины целесообразно обратиться к методологии З. Бжезинского, который разделяет государства на две категории — геостратегические действующие лица и геополитические центры. Геостратегическими действующими лицами являются государства, которые обладают способностью и национальной волей осуществлять власть или оказывать влияние за пределами собственных границ, с тем, чтобы изменить — до степени, когда это отражается на интересах Америки, — существующее геополитическое положение [1, с. 54]. В тоже время другая категория — геополитические центры — это государства, чье значение вытекает не из силы и мотивации, а скорее из их важного положения и последствий их потенциальной уязвимости для действий со стороны геостратегических действующих лиц. Исходя из приведенной схемы, Украина является геополитическим центром, то есть государством с низким уровнем субъектности. Все попытки сделать государство региональным лидером обречены на провал, вследствие необеспеченности адекватными ресурсами данной политики.

В определении уровня субъектности Украины при вхождении в европейский или евразийский интеграционные проекты необходимо учитывать ретроспективный анализ политики, которую проводили Запад и Восток в отношении украинских земель. В этом плане необходимо отметить, что, несмотря на масштабную мистификацию последних двадцати лет совместного российско-украинского прошлого, западные ассимиляционные подходы в отношении украинских земель исключали какую-либо форму компромисса по сохранению украинского языка, культуры и даже религии. Создавались социально-политические условия, при которых украинцы должны были стать

поляками, венграми или чехами или упасть на социальное дно без украинского будущего для своих детей. Россия же проводила более толерантную политику, что связано с реализацией восточных имперских традиций. Еще одной производной указанной модели взаимодействия Украины и Большого европейского пространства является тот факт, что, как правило, та часть элиты Украины, которая пытается заручиться поддержкой Большой Европы в антиевразийских устремлениях, платит за реализацию своих интересов территорией государства. В этом плане прослеживается тенденция «неравнозначного обмена», так как государственное пространство является одной из высших ценностей системы народов, ведущих оседлый образ жизни (исключение могут составлять цыгане, хотя понятие пространства и территории для них тоже существует, но в других, клановых категориях). Последним историческим примером является прецедент с Румынией в 2009 г. В этом контексте украинское пространство является объектом исторических и политических претензий Румынии, Венгрии и Польши, которые активно разрабатывают и реализуют программы по отторжению своих «национальных», как им представляется, пространств, используя ресурсы ЕС.

Используя цивилизационный подход украинские исследователи Е. Сулима и М. Шепелев, в этом контексте отмечают, что каждое государство характеризуется моноцивилизационной или полицивилизационной идентичностью в зависимости от того опирается ли она на одну или несколько цивилизационных традиций либо формируется, как пограничное пространство определенной цивилизационной системы. Цивилизационную идентичность Украины можно охарактеризовать, как осознанную принадлежность к континентальному типу цивилизаций, а формирование её государственности происходило на основе православной цивилизационной традиции с учетом современного цивилизационного раскола страны. Современный внешнеполитический курс, напротив, направленный на вовлечение Украины в иноцивилизационные политические, военные и экономические структуры, что в свою очередь закрепляет ее место в качестве периферии, усиливая тем самым процессы её маргинализации [3, с. 487].

Таким образом, геополитические характеристики Украины можно свести к следующему.

Во-первых, государство является разделенным. Линия разлома делит геополитическое пространство страны как минимум на две части.

Во-вторых, за исключением узкой прибрежной полосы Крыма, по климатическим признакам рассматриваемая территория относится к евразийскому пространству.

В-третьих, государство является объектом геостратегических процессов.

В-четвертых, в системе координат реалистической внешнеполитической стратегии данные характеристики пространства ставят выбор между интеграционными моделями, которые поддерживают и повышают уровень геополитической субъектности и проектами, которые продолжают его снижать. Гипотетический вариант европейской интеграции предполагает место в периферии данного пространства (пространственной, интеллектуальной, экономической и политической). Как показывает исторический и геополитический опыт, евразийская интеграция дает возможность попасть в ядро формирующегося Большого евразийского пространства.

Список литературы:

1. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. — М.: «Международные отношения», 1999. — 256 с.
2. Никифоров А.Р. Геополитический смысл Украины // Русский геополитический сборник. — 2000. — № 4. — С. 75—90.
3. Суліма Є.М. Глобалістика: підручник / Є.М. Суліма, М.А. Шепелєв. — К.: Вища освіта, 2010. — 544 с.
4. Трубецкой Н. Наследие Чингисхана. — М.: Эксмо, 2007. — 736 с.
5. Україна в 2010 році: щорічні оцінки суспільно-політичного та соціально-економічного розвитку: монографія / за ред. А.В. Єрмолаєв. — К.: НІСД, 2010. — 528 с.
6. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. — М.: ООО Издательство АСТ, 2003. — 603 с.
7. Цивилизационная структура современного мира: [в 3 т.] / под редакцией Ю.Н. Пахомова, Ю.В. Павленко [и др.]. — Киев: Видавництво «Наукова думка» НАН України, 2007. — 691 с.
8. Юрченко С.В. Внешняя политика Украины очень нуждается в паузе [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://www.bigyalta.com.ua/story/211>. (дата обращения 12.06.2013).

РЕАЛИИ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА В ЕВРОСОЮЗЕ И В СНГ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Бурганова Инна Николаевна

*канд. полит. наук, доцент, ФГБОУ ВПО
«Оренбургский государственный педагогический университет»,
г. Оренбург*

E-mail: burganovain@yandex.ru

REALITIES OF MULTICULTURALISM IN THE EUROPEAN UNION AND THE CIS: OPPORTUNITIES AND PERSPECTIVES

Burganova Inna

*doctor of Political Sciences, associate professor,
Federal State Educational Institution
“Orenburg State Pedagogical University”,
Orenburg*

АННОТАЦИЯ

Статья раскрывает эволюцию политики мультикультурализма в Евросоюзе и в СНГ. Особое внимание обращается на проблемы включенности мигрантов в общее пространство ЕС и СНГ.

ABSTRACT

The article reveals the evolution on the policy of multiculturalism in the EU and the CIS. Particular attention is drawn to the problem of inclusion of migrants in the total space of the EU and the CIS.

Ключевые слова: Евросоюз (ЕС); СНГ; мультикультурализм; международные отношения; национальная идентичность.

Keywords: European Union (EU); CIS; multiculturalism; international relations; national identity.

Ключевым вопросом, волнующим любое государство является организация диалога между властью и обществом. Именно это становится главным условием стабильности существующей политической системы.

Особенно актуальным такой диалог становится в условиях мультикультурализма.

Расширение миграционного потока по-разному воспринимается и властными структурами, и обществом. Если не так давно властные структуры задумывались над вопросом как создать необходимые условия для включенности мигрантов в общую культуру страны, поскольку это позволит изменить динамику роста населения страны, увеличить макроэкономические показатели государства. Население в свою очередь не воспринимало небольшой поток мигрантов в негативном ключе, так как они не угрожали их рабочим местам.

Однако процессы миграции приводят к трансформации в различных сферах общества, начиная от социально-экономической и заканчивая политической. В последнее время такая трансформация имеет и негативные последствия, так как противоречия и конфликты на межнациональной и межконфессиональной почве увеличиваются.

Многие европейские страны в 2011 г. высказались за ограничение потока мигрантов и беженцев из других государств. Таким образом, для большинства европейцев число мигрантов, которые прибывают с арабского Востока, стран Африки приближается к критической массе. Участники Евросоюза и СНГ сталкиваются с проблемой включенности мигрантов в общую гражданскую идентичность страны.

Для многих политиков, экспертов, обычных людей это стало поводом заговорить о кризисе мультикультурализма. Идея мультикультурализма предполагает культурный плюрализм, а, значит, государства должны обеспечить всем этносам и культурам одинаково равное положение.

Однако сегодня мультикультурализм в ЕС терпит фиаско. Желание титульных наций целиком ассимилировать иммигрантов наталкивается на стремление последних жить по своим законам и нормам. Во Франции в апреле 2011 г. вступил в силу закон о запрете ношения паранджи и хиджаба в общественных местах [12].

Такая общеевропейская тенденция может привести к росту исламского экстремизма, а также насилия против мусульман [3]. Таким образом, политические элиты и лидеры Евросоюза однозначно высказались за ограничение мигрантского потока из других стран (в основном из стран Азии и Африки), что совпадает с мнением большинства граждан, проживающих в ЕС.

Сами же иммигранты не удовлетворены в свою очередь высоким уровнем безработицы в их среде, запретом на ношение никабов и прочих головных уборов, состоянием обездоленности и маргинализаций населения, криминализации населения, отсутствием возможностей для собственной реализации и отсутствием экономических возможностей.

Лидеры стран ЕС начинают отказываться от идеи мультикультурализма. **Для многих обычных людей, экспертов, политиков становится очевидным, что** мультикультурная модель будет эффективна лишь в том случае, если приехавшие в страну люди будут иметь работу, свои собственные деньги, а также ощущать социальную ответственность. В противном случае это безработные, которые ведут пассивную и несознательную жизнь на социальном пособии [4].

Главный вопрос сегодня: сможет ли мультикультурализм обеспечить полное единство любой страны. Ответ: нет. Если пришлые народы заинтересованы в сохранении своей уникальности, то коренное население не желает видеть эту уникальность. Национальная идентичность в условиях глобализации становится камнем преткновения для многонациональных государств. Коренные жители готовы бороться с желаниями иммигрантов о своем самоопределении, а пришлое население видит в любых шагах большинства проявление дискриминации. Мнение официальных структур власти и общественных институтов едины в том, что необходимо ограничить поток мигрантов.

Для стран СНГ идея мультикультурализма такая же актуальная, как и для участников Евросоюза. Если лидеры большинства государств ЕС признали политику мультикультурализма несостоявшейся, то для ряда стран СНГ это пока не является проблемой.

Однако в последнее время власти обеспокоены утерей контроля над нелегальной миграцией, поскольку это становится почвой для криминала. Муниципальные власти озабочены массовым уклонением мигрантов от налогов и сборов, дополнительным и некомпенсируемым давлением на коммунальные службы, поддержанием правопорядка на рынках, где работают мигранты и т. д. [7].

Что касается населения, то феномен антииммиграционизма объясняется тем, что общество болезненно реагирует на необходимость жить в условиях конкуренции за ресурсы, за сферы занятости, за бизнес [1].

Российская Конституция фактически закрепляет основные идеи мультикультурализма. По ст. 29 Конституции РФ «Не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства» [7].

Для меньшинств существуют особые права, носящие характер преференции (например, для малочисленных народов Севера). Таким образом, реализуются основные постулаты мультикультурализма — защита государством (в определенной степени) отдельных групп, культурно отличных от основной массы населения [5].

В известной мере целям мультикультурализма отвечает и принятый в 1996 г. Закон «О национально-культурной автономии», который предусматривает сохранение самобытности, языка, культуры на уровне федерации и регионов [5].

Но, не смотря на это, в России в свое время перестало функционировать Министерство по делам национальностей. Но уже в октябре 2011 г. Общероссийский народный фронт (ОНФ) предложил создать Министерство культуры и по делам национальностей, сделав Минкультуры ответственным за гармонизацию межэтнических отношений.

Сегодня в России увеличивается межэтническая напряженность, нетерпимость, во многом. Особенно сильны проявления национализма и расизма в крупных городах страны, куда едут иммигранты. Резкое ухудшение ситуации на Северном Кавказе, где постоянно совершаются теракты, выступления националистов на Манежной площади, негативное отношение к мигрантам, распространение ксенофобии — это свидетельства неспособности государства создать эффективную модель диалога между представителями разных конфессий и культур.

Практика мультикультурализма ставится под вопросом в России, когда около 80 % населения составляют русские.

Проблема культурного взаимодействия остро стоит не только в отдельно взятых бывших республиках СССР, но и во всем СНГ в целом.

Например, такая цель Содружества, как мирное разрешение споров и конфликтов, реализуется не в полной мере. Препятствием к нормальному диалогу выступают следующие факторы:

1. несовпадение официальных и этнических границ (Азербайджан-Армения, Россия-Украина, Россия-Казахстан, Узбекистан-Кыргызстан-Таджикистан);

2. конфликты между титульным этносом и компактно проживающим этническим меньшинством, которое добивается отделения и создания собственного суверенного государства (Приднестровье-Молдова, Чечня-Россия, Абхазия и Южная Осетия — Грузия);

3. дискриминация этнических меньшинств, в первую очередь русскоязычного населения (Казахстан, Узбекистан, Украина) [2].

Поиск новыми независимыми государствами национальной идентичности зачастую идет вразрез с курсом, намеченным в уставных документах СНГ (русский язык по Уставу Содружества является средством межгосударственного общения). Русский язык признан лишь в Беларуси и Кыргызстане. В бывших советских республиках наблюдается сокращение школ и вузов, ведущих преподавание на русском языке.

Мультикультурализм имеет не только сильные стороны, например, позволяет находить общие точки соприкосновения между разными народами и культурами, но и обладает целым рядом недостатков. Среди них: увеличиваются проявления ксенофобии, экстремизма и национализма, нарастание напряженности в межэтнических и межконфессиональных отношениях, способствует маргинализации молодежи этнических общин, фрагментации культурного пространства. Вместо налаживания сотрудничества происходит рост конфликтов и противоречий.

Провал идеи мультикультурализма, состоит в том, что совместное проживание разных народов в одном государстве при сохранении их идентичности невозможно.

Титульные нации теряют собственную идентичность на фоне четко осознающих свою национальную идентичность иммигрантов. С одной стороны, разговоры и увещания о толерантности к пришлому населению, с другой — рост национального самосознания.

Мультикультурализм по своей идее должен решить одну из главных проблем глобализации, как обеспечение без каких-то негативных последствий слияние коренного населения и мигрантов.

Можно выделить следующие перспективы мультикультурной политики:

- Сценарий «интеграции без ассимиляции», то есть отказ от построения мононационального государства и создание единой гражданской идентичности и государственной целостности (модель Канады).

- Сценарий «обратной дискриминации» («дискриминации дискриминаторов»): достижение равноправия представителей различных рас, этносов и конфессий посредством устранения исторической и/или социальной несправедливости или дискриминации (модель США).

- Сценарий «функциональной толерантности» имеет место в тех случаях, когда государство приглашает или принимает иностранную рабочую силу на временной, зависящей от экономической ситуации, при этом работники не получают полноценных гражданских прав, но имеют возможность работать и жить, сохраняя свою «идентичность» (модель Германии).

- Сценарий «размена», нацеленный на улучшение внешнего имиджа страны и привлечение иммигрантов для устранения дефицита трудовых ресурсов, государство поощряет иммигрантов к проживанию с сохранением этнокультурных различий при условии их лояльности и принятия базовых ценностей и принципов демократического общества (модель Австралии) [11].

Таким образом, идея мультикультурализма стоит в ЕС и СНГ под разным углом. Если в Евросоюзе пошли по пути стирания последних границ идентичности, выраженных в границах национальных государств — Германии, Франции, Италии и других, вошедших в Европейский союз, т. е. если раньше гражданин мог себя идентифицировать как немец, как француз, итальянец, то со стиранием границ внутри ЕС исчезла последняя возможность самоидентификации. В этой ситуации не просто ослабления, но полной потери собственной идентичности коренной европеец ежедневно сталкивается с людьми, которые приезжают в Европу из стран мусульманского мира, из арабских стран, стран Африки, у которых с идентичностью как раз все в порядке. Нарастающая волна приезжих, которых призывают не трогать, к которым приказано испытывать толерантность, как раз свою идентичность знает хорошо [9]. Европейские политические лидеры и элиты пришли к мнению об ограничении потока мигрантов и беженцев из других государств в условиях мультикультурализма (что соответствует общей точке зрения населения ЕС).

На постсоветском пространстве после распада СССР бывшие республики только обрели независимость. Поэтому национальная идентичность не только не потеряна, но и приобрела совершенно другое звучание. Если раньше население СССР воспринимало себя как граждан единого советского государства, то сейчас человек себя точно идентифицирует как «русский», «казах», «украинец» и пр. Другое дело, что взаимодействие народов в самих государствах-участниках СНГ приобретает все более конфликтные очертания.

Подводя итогу, можно сказать, что, не смотря ни на что, диалог власти и общества в условиях мультикультурализма в Евросоюзе и СНГ принимает идентичную форму — ни власть, ни население пока не готовы оценивать мигрантов как носителей общей национальной идентичности страны, как следствие этого вместо налаживания сотрудничества происходит рост конфликтов и противоречий.

Список литературы:

1. Без мигрантов у России нет будущего. Страна. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.newsinfo.ru/news/2007-10-31/migrant/703330/> (дата обращения 31.10.2007).
2. Бурганова И.Н. Политическая интеграция на постсоветском пространстве: проблемы и перспективы: дис. канд. полит. наук. СПб.: 2007. — 188 с.
3. Во Франции вступил в силу закон, запрещающий закрывать лица в общественных местах. Идут задержания мусульманок [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.newsru.com/religy/11apr2011/france.html> (дата обращения 11.04.2011).

4. Галушко И. Европа разочаровалась в мультикультурализме [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.inosmi.ru/video/20110215/166515845.html> (дата обращения 15.02.2011).
5. Дерябина С.Р. Россия и опыт мультикультурализма: за и против С.Р. Дерябина (Опубликовано в журнале «Этнопанорама» № 1—2 2005, с. 14—18) [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0231/analit03.php> (дата обращения 31.02.2006).
6. Дятлов В. Перспективы Дальневосточного региона: население, миграция, рынки труда. Рабочие материалы Московского Центра Карнеги, Выпуск 2, июнь 1999 г.) [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://subscribe.ru/archive/science/humanity.chineseinrussia/200503/08180257.html> (дата обращения 31.02.2006).
7. Конституция РФ [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://az-libr.ru/index.shtml?Law&Constn/KRF93/krf029> (дата обращения 23.02.1995).
8. Коровин В. Брейвик как зеркало европейского кризиса идентичности» [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.km.ru/spetsproekty/2011/09/02/mezhnatsionalnye-otnosheniya-v-mire/breivik-kak-zerkalo-evropeiskogo-krizisa> (дата обращения: 02.09.2011).
9. Котельников В. Мультикультурализм для Европы: вызов иммиграции [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.antropotok.archipelag.Ru/text/a263.htm> (дата обращения: 22.09.2003).
10. Мамонова В.А. Мультикультурализм: разнообразие и множество [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.intelros.ru/2007/07/06/vamamonova_multikulturalizm_raznoobrazie_i_mnozhestvo.html (дата обращения 06.07.2007).
11. Никитаев В. Мультикультурализм и машины этничности [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.russ.ru/pole/Mul-tikulturalizm-i-mashiny-etnichnosti>. (дата обращения 05.09.2011).
12. Франция запретила носить хиджаб и паранджу [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://news.bcm.ru/society/2011/4/11/59890/1> (дата обращения 11.04.2011).

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ II ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА — НАЧАЛА XXI ВВ.

Громцев Олег Владимирович

аспирант, СПбГУ,

г. Санкт-Петербург

E-mail: gromtsevoleg@mail.ru

GENERAL DESCRIPTION OF LABOUR MIGRATION II HALF OF THE TWENTIETH CENTURY — BEGINNING OF THE TWENTY FIRST CENTURY

Gromtsev Oleg

graduate student, St. Petersburg State University,

St. Petersburg

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается вопрос перемещения трудовых ресурсов со второй половины XX века по настоящее время и связанные с этим разные подходы государств мира в формировании миграционной политики. Описаны миграционные модели, применяемые европейскими странами, а также приведен пример классификации экономически развитых государств по типу иммиграционной политики. Отдельно рассмотрен вопрос трудовой миграции в России, её основные сходства и различия с миграционной политикой в Западной Европе.

ABSTRACT

The article discusses the movement of labor in the second half of the twentieth century to the present, and related approaches are different states of the world in shaping migration policy. Describes the migration models used by European countries, as well as an example of the classification of economically developed countries by type of immigration policy. We consider separately the issue of labor migration in Russia, its main similarities and differences with the migration policy in Western Europe.

Ключевые слова: трудовая миграция; Европейский Союз; миграционные модели; классификация иммиграционной политики.

Keywords: labor migration; the European Union; migration patterns; the classification of immigration policy.

Миграция — давно известное и значительное явление в истории человечества. В самом общем виде понятие миграции предполагает перемещение людей на достаточно большое расстояние и достаточно длительный срок [10].

Особую нишу в современной миграции занимает добровольная трудовая миграция — перемещение с целью найма на работу. Рассмотрим алгоритм одного из наиболее распространенных видов миграции — миграции по экономическим причинам:

1. Уровень социально-экономического развития различных регионов и, соответственно, уровень жизни существенно отличается.

2. Человеку свойственно стремиться улучшить уровень жизни и условия своего существования.

3. Когда различие в уровне жизни между регионами достигает определенной величины, наиболее миграционно подвижная часть населения устремляется из регионов с низким уровнем жизни в регионы с более высоким уровнем социально-экономического развития [2].

Постоянное увеличение количества трудовых мигрантов — естественный общемировой процесс. Христианское население западных стран быстро стареет, и прецедент, созданный Бельгией в середине 50-х годов XX века, когда впервые в Западной Европе из-за нарастающего дефицита рабочих рук были открыты границы для трудовых мигрантов, вызвал лавину последователей. Миграционные потоки приобретают в последние десятилетия огромный масштаб.

Возникшая как форма адаптации населения к новым социально-экономическим условиям, трудовая миграция стала не только действенным средством предупреждения бедности, но и постепенно превратилась в реальный и эффективный способ повышения уровня жизни и благосостояния для определенной части экономически активного населения.

То есть, трудовая миграция, в своей основе, является экономическим решением: если ожидаемая заработная плата в чужой стране с учетом издержек переезда и упущенной выгоды от жизни дома (где не нужно искать жилье, обзаводиться связями и проч.) превышает заработную плату дома от того же (или близкого) вида деятельности, рациональный человек выберет переехать в другую страну и работать в ней.

Под воздействием разнообразных обстоятельств в определенные промежутки времени темп миграции в разных странах то увеличился, то снижился.

По оценкам ООН, в 2005 г. количество международных мигрантов достигло 190 млн. чел., что составило примерно 3 % численности мирового населения, причем 91 млн. чел. приходился

на развитые индустриальные страны, а 51 млн. — на страны со средним уровнем доходов на душу населения. К настоящему времени в мире сложились конкретные центры, наиболее привлекательные для многочисленных мигрантов из разных стран. К ним относятся экономически развитые государства Европейского союза, США, Канада, Австралия, нефтедобывающие страны Ближнего Востока, новые индустриальные «драконы» Юго-Восточной Азии. Причем, Западная Европа стала одним из основных центров притяжения международных мигрантов [6].

Согласно данным, представленным комиссией Европейского Союза (далее — ЕС), на 1 января 2003 года суммарное число мигрантов, проживающих в 25 странах-членах ЕС, составило 15,2 млн. человек, что составляет 3,35 % [8] общей численности населения региона. Положительное сальдо миграции было зафиксировано почти во всех государствах-членах ЕС, за исключением Эстонии, Латвии, Литвы, Нидерландов и Польши.

На 1 января 2012 года иностранное население ЕС-27 увеличилось до 20,7 млн., что составляет 4,1 % от общего населения ЕС. При этом в абсолютном выражении наибольшее число иностранцев, проживающих в ЕС на 1 января 2012 года, было обнаружено в Германии (7,4 млн. человек), Испании (5,5 млн.), Италии (4,8 млн.), Великобритании (4,8 млн.) и Франции (3,8 млн.). Лиц без гражданства в этих пяти государствах-членах ЕС — в общей сложности 77,1 % от общего числа неграждан, проживающих в странах ЕС-27. В относительном выражении в государствах-членах ЕС самая высокая доля неграждан отмечена в Люксембурге, на их долю пришлось 43,8 % от общей численности населения. Высокая доля неграждан (10 % или более от численности постоянного населения) наблюдался также на Кипре, в Латвии, Эстонии, Испании, Австрии и Бельгии [12].

Около 3,2 млн. человек эмигрировали в одну из стран ЕС-27, в то время как, по меньшей мере, 2,3 млн. эмигрантов покинули государства-члены ЕС. Следует отметить, что эти цифры не отражают миграционные потоки в / из ЕС в целом, так как они также включают в себя потоки между различными государствами-членами ЕС. Так, в Австрии число родившихся в другой стране граждан к 2005 году составило 12,5 %, в Германии — 12,1 %, притом, что в традиционно считающихся «плавильным котлом» национальностей США эта цифра составляет 12,3 % [9].

Несмотря на то, что имеющиеся статистические данные не дают надежной картины о размерах и характере миграции (каждое государство-член ЕС использует различные наборы статистических категорий, разные определения, различные способы записи жителей

и граждан), обобщенные сведения полезны в понимании глобальной тенденции в области миграции. Так, для последних нескольких десятилетий характерны значительные перемещения населения между регионами и в рамках европейского континента. Европейцы все чаще перемещаются с Запада на Восток и люди со всего мира все чаще мигрируют в государства-члены ЕС [8].

Анализ иммиграционной политики европейских государств дает основание вычлнить различные существующие здесь модели инициирования миграции и последующих попыток ее регулирования. Как отмечает С.В. Михайлов, при всей их условности и взаимоналожении друг на друга, эти модели обладают несомненными специфическими чертами (особенно применительно к начальным стадиям процесса) [5]. Причем, разными авторами выделяются различные миграционные модели. Так, например, в сборнике материалов «Европейская иммиграция» 2007 года идет речь о пяти типах стран, различающихся их отношением к трудовой миграции: старые реципиенты, новые реципиенты, малые острова, страны переходной экономики, страны без иммиграции [8]. Т.С. Кондратьева и И.С. Новоженова выделяют 3 модели: «этническая», «политическая» и «мультикультурная», которые довольно четко прослеживаются в политике интеграции иммигрантов, проводимой крупнейшими европейскими государствами — Германией, Францией и Великобританией [4].

Предложенная С.В. Михайловым классификация содержит четыре модели: швейцарскую, английскую, франко-германскую и итало-испанскую:

1. Швейцарский вариант. В начале послевоенного периода почти во всех европейских странах вербовка иностранных рабочих рассматривалась как явление временное; считалось, что процесс миграции поддается контролю и может быть обратимым. В наибольшей степени реализовать подобную установку на практике удалось в Швейцарии. Данная модель регулирования иммиграции оценивается исследователями как наиболее жесткой, последовательной и прагматичной. Благодаря применению такой модели Швейцарии, в отличие от других европейских стран, удалось избежать многих проблем, порождаемых иммиграцией.

Приток мигрантов и их пребывание в Швейцарии регулировались законодательством, которое предусматривало выдачу дифференцированных разрешений на въезд в страну. Если иммигранты нарушали установленные «правила игры», они подлежали немедленной депортации. Таким же образом швейцарские власти поступали и с нелегальными иммигрантами, появившимися впервые в стране в 60-х годах [5].

2. Особенностью Английской модели является ее ориентация на привлечение иностранной рабочей силы главным образом из стран Британского содружества. Если поначалу среди иммигрантов преобладали жители английских владений в зоне Карибского бассейна (так называемая Вест Индия), прежде всего, из Барбадоса и Ямайки, то с конца 50-х годов на роль ведущего поставщика иностранной рабочей силы в Великобританию выдвигается новый регион — полуостров Индостан (Индия, Восточный и Западный Пакистан).

Великобритании суждено было стать первой европейской страной, столкнувшейся с феноменом «второго поколения» иммигрантов из неевропейских стран как с массовым явлением. Другими словами, английская модель являет собой вариант прямолинейного, форсированного и скоротечного перенесения очень большой массы людей, сильно различающихся в расовом, конфессиональном и социокультурном отношении, в принципиально иные условия существования.

Сегодня иммигранты участвуют и в организациях гражданского общества, создают разного рода ассоциации, формируемые по региональному, религиозному, этническому принципам, издают свою «этническую» прессу.

Последнее время исследователи все чаще стали говорить о том, что британская «мультикультурная модель» переживает кризис. Эта модель позволяет создавать на территории Великобритании крупные анклавные выходцев из стран Третьего мира с чуждой европейцам культурой, не разделяющих и зачастую отторгающих ценности западного общества. Замкнутый характер этнических общин, в первую очередь мусульманских, непроницаемость их для контроля со стороны государственных структур облегчают распространение здесь исламского экстремизма, о чем и свидетельствуют теракты, совершенные в Великобритании в 2005 г. [4].

3. Франко-германская миграционная модель названа так условно, поскольку с поправками на определенную национальную специфику, она применяется и в Бельгии, Голландии, Люксембурге, а также в скандинавских странах. Ее суть состоит в своеобразной комбинации двух предыдущих моделей, точнее, в постепенной трансформации одной в другую.

В первые послевоенные годы все эти страны активно использовали излишки рабочих рук, имевшихся в странах Южной и отчасти Восточной Европы. Обращение к этим источникам шло по уже отработанным в предвоенные десятилетия схемам. Дальнейшее развитие иммиграции идет по «типовому» сценарию. Потребности в дополнительной рабочей силе быстро иссякают, но желающих

из стран третьего мира предложить свои услуги в этой области становится все больше, при этом они не проявляют желания возвращаться на родину, даже если у них нет работы и шансов ее отыскать. В отличие от «английского варианта», на континенте процесс превращения временных иностранных рабочих из неевропейских стран в новые, «навечно» обосновавшиеся здесь национальные меньшинства проходил не столь быстро и прямолинейно, но конечные результаты в принципе оказались одинаковыми [5].

Германскую модель выстраивания политики в отношении иммигрантов скорее можно назвать не моделью интеграции, а моделью противодействия включению иностранцев в германскую нацию [4].

Комплекс мер по регулированию миграционных процессов в основном сводился к трем составляющим, главной из которых был неоднократный пересмотр миграционного законодательства в сторону его ужесточения. В ФРГ, например, с 1960 г. «подготовка иностранцев к возвращению на родину» стала одной из официальных целей федерального правительства. Новый курс предусматривал введение ограничений на въезд новых рабочих-иммигрантов; на вызов семей (в частности, снижалась возрастная планка для детей, которых можно было привозить с собой); на подготовку к возвращению на родину части из осевших в стране иммигрантов; а также оказание помощи в интеграции определенных категорий иностранцев, проживающих в немецком обществе.

Другим направлением политики «выдавливания» осевших в стране иностранцев, не подпадающих под разрешительные статьи миграционного законодательства, была практика групповых депортаций. Большого распространения, однако, она не получила, поскольку поиск потенциальных объектов высылки в уже сложившихся и солидарных общинах был крайне затруднен, сама депортация вызывала шумный резонанс в средствах массовой информации, и главное, ее результаты в общенациональном масштабе были невелики.

Столь же неэффективным на поверку оказался и метод «пряника». Финансовые выплаты, которые практиковались в 80-х годах во Франции, Бельгии и ФРГ и были адресованы каждому согласившемуся вернуться на родину, сколько-нибудь заметного воздействия на динамику роста иммигрантских общин не оказали. Развитие же этих общин явственно шло по «английской модели».

4. Итало-испанская миграционная модель претерпела еще более разительную эволюцию. Италия и Испания, выступив как крупнейшие поставщики рабочих рук в сопредельные европейские страны, в последние 10—15 лет сами превратились в объекты притяжения мигрантов.

Возрастающий интерес к перемещению в Италию или Испанию стали проявлять представители тех этнических групп, которые уже «освоили» другие европейские страны. Речь идет, в первую очередь, о выходцах из близлежащих государств Магриба. Особой активностью отличались марокканцы, которым было достаточно пересечь Гибралтарский пролив, чтобы оказаться в Испании. Североафриканский (арабский) компонент на Пиренейском и Аппенинском полуостровах уже превысил полумиллионную отметку. Подобно арабам, часть сенегальцев, в прошлом однозначно ориентированных на Францию, стала обосновываться в Испании. Как в Италии, так и в Испании очень быстро стали расти общины филиппинцев, центром притяжения которых издавна являлись США.

Другой компонент миграции более традиционен. Это выходцы из бывших колониальных или зависимых территорий тех или иных стран. В эту схему полностью вписывается, например, возникновение и рост общин эритрейцев или ливийцев в Италии. Даже в Португалии основу небольшой по нынешним европейским меркам иммигрантской общины составляют выходцы из колониальных владений этой страны — из Анголы и с островов Зеленого Мыса [5].

Таким образом, все рассмотренные выше модели (за исключением разве что швейцарской) обнаруживают эволюцию к усилению (вплоть до полного преобладания) в миграционных этнических потоках представительства неевропейских стран, с одной стороны, и становлению на базе общин временных иностранных рабочих новых национальных меньшинств — с другой.

Следует отметить, что сама по себе международная миграция населения не является чем-то новым, присущим исключительно нынешнему этапу глобальной трансформации мировой системы. Многие исследователи указывают на циклический характер миграционных процессов.

Так, А.М. Мессина выделяет три волны послевоенной миграции: 1945—1979 гг., 1973—2007 гг. и 1989—2007 гг. [11].

Первая волна послевоенной иммиграции характеризовалась массовыми перемещениями избыточной рабочей силой из менее развитых стран в более развитые. Основным катализатором этой волны было начало послевоенного экономического бума, который создал острый дефицит рабочей силы и негибкость рынка труда. Для решения этих экономически проблем частные работодатели и правительства активно вербуют и создают условия для прибытия в страны легионы иностранных работников.

Рост миграции был связан с концентрацией инвестиций и расширением производства в высокоразвитых странах. В результате

большое количество трудовых мигрантов из развивающихся стран приехали на работу в индустриальные страны Западной Европы, в США, Канаду и Австралию. Конец этого этапа был отмечен кризисом 1973 г. Последовавший за ним спад в экономике дал толчок к реструктурированию мировой экономики, к вовлечению капиталовложений в новые индустриальные области и внедрению новых технологий, изменил направления торговли. Результатом этих экономических сдвигов стал второй этап международного перемещения, начавшийся в середине 1970-х гг. На этом этапе появились новые формы перемещения, затронувшие старые и новые страны получения. При этом до середины 1970-х годов мигрировали в основном рабочие, а после этого стали мигрировать и их семьи, что привело к образованию диаспор и ухудшению экономического положения.

Отрицательные последствия иммиграции для принимающей страны очевидны: это и дополнительная нагрузка на бюджет, и социокультурные конфликты, и убежденность большей части общества (в том числе многих политических и профсоюзных деятелей) в том, что иммиграция — источник безработицы [3].

Учитывая в целом неоднозначные последствия внешней миграции для экономики и общества, все государства, так или иначе, регулируют этот процесс. Причем любопытно, что, в отличие от международной торговли, где в последние годы снимаются многие ограничения и политика становится более либеральной, в сфере миграции ограничительные меры, наоборот, ужесточаются. Даже беглое рассмотрение исторических и современных моделей миграции для иммигрантов в принимающих странах приводит к неизбежному выводу о том, что основные усилия государств направлены на ограничение числа лиц, въезжающих на их территорию [11]. Правительства, вынужденные считаться с этими обстоятельствами, разрабатывают внутригосударственные и межгосударственные соглашения, ограничивающие въезд иностранных работников.

Тем не менее, введение нового законодательства неодинаково по различным странам. В целом, если попытаться классифицировать экономически развитые страны по типу государственной иммиграционной политики, можно условно выделить три группы государств:

1. «Классические» с точки зрения иммиграции страны — США, Канада, Австралия, — которые поощряют постоянную, а не временную миграцию, разрешают воссоединение семей, предоставляют постоянным мигрантам гражданство. К той же группе сегодня можно отнести и Швецию. Эта политика «открытых дверей» предполагает, тем не менее, определенную селекцию качества рабочей

силы, четкое планирование необходимых объемов и профессионально-квалификационной структуры миграционных потоков.

2. Другая группа, куда входят, например, Франция, Нидерланды и Великобритания. Здесь правила приема иммигрантов строже, предпочтение отдается жителям бывших колоний, хотя разрешается воссоединение семей и есть возможность получить постоянное гражданство, но часто этого нужно ждать несколько лет.

3. Страны, которые пытаются реализовать строго «гостевую» модель миграции), — Германия, Швейцария, Бельгия — здесь поощряется только временная иммиграция, запрещается практика «воссоединения семей», используются очень строгие критерии натурализации. Иностранец, получивший рабочую визу, после окончания работы обязан выехать из страны и в следующий раз может обращаться за разрешением на въезд только после истечения установленного срока. Такую политику можно характеризовать как «запретительную» [3].

Что касается особенностей трудовой миграции в России, то развал СССР, разрушение сложившейся в течение 70 лет государственной политической и социально-экономической системы, централизованного механизма регулирования демографических процессов привели к массовому перемещению населения и в России [7], на данный момент в стране проживает около 10 млн. граждан других государств. «Это целая Португалия, если брать европейские аналоги», — заявил глава Комитета Госдумы РФ по международным делам К. Косачев. По его словам, иностранных мигрантов в России становится все больше, и к 2050 году их число может превысить треть населения страны [1].

При этом Россия столкнулась с другой проблемой: возвращением русских из стран, которые теперь объявили о своем суверенитете. Таких было около 25 миллионов, 3 из которых вернулись почти сразу [13]. За десять лет с момента распада СССР из стран СНГ и Прибалтики в Россию прибыло около 4,4 млн. человек. В большинстве своем они не были беженцами или вынужденными переселенцами в строгом смысле этих понятий. Так, миграция из Прибалтики, Украины и Белоруссии формально не являлась вынужденной, и поэтому статус вынужденного переселенца получил очень небольшой процент мигрантов.

К сожалению, данные по миграции не всегда легко поддаются интерпретации и не могут точно оценить нелегальную иммиграцию. Так, 100 % граждан, обратившихся за гражданством в ФОМС в 2010 году, его получили. А сколько не стало подавать обращения?

Из 14 миллионов человек, которые посетили Россию в 2011 году, по мнению руководителя ФМС, 3 миллиона нарушили сроки пребывания.

В целом можно сказать, что миграционные процессы в России протекают примерно так же, как во многих экономически развитых странах мира. Среди общих особенностей миграционных процессов можно назвать следующие: преобладание экономических побуждений; расширение диапазона областей происхождения миграционных потоков; различия в культуре между иммигрантами и населением принимающих стран; маргинализация не имеющих гражданства иммигрантов, объясняющаяся их положением на рынке труда и как этнического меньшинства.

Таким образом, трудовая миграция становится актуальным вопросом не только для европейских стран, но и для России. Отметим, что даже в рамках Европы выделяются пять различных типов стран, в зависимости от их отношения к трудовой миграции: старые реципиенты, новые реципиенты, малые острова, станы переходной экономики, страны без иммиграции. Россия, обладая своими культурными особенностями, отличающими ее от европейских стран, имеет также свои особенности в области трудовой миграции. Тем не менее, и у России, и у стран Запада есть общие проблемы, связанные с трудовой миграцией, а именно незаконная трудовая миграция и образование национальных диаспор, что мешает мигрантам ассимилироваться в странах-реципиентах.

Список литературы:

1. В Думе пугают: в РФ уже «целая Португалия» мигрантов, а к 2050 году их будет больше трети населения. — 27 июня 2011 г. // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.newsru.com/> (дата обращения: 10.06.13).
2. Житин Д.В. Методологические основы управления миграционными процессами // Вестник Санкт-Петербургского университета. — 2009. — № 1. — С. 161.
3. Колосницына М.Г., Суворова И.К. Международная трудовая миграция: теоретические основы и политика регулирования // Экономический журнал Высшей школы экономики. — 2005. — Т. 9. — № 4. — С. 565.
4. Кондратьева Т.С., Новоженова И.С. Иммигранты в Европе: модели интеграции // Актуальные проблемы Европы. — 2006. — № 1. — С. 228.
5. Михайлов С.В. Европа: от «гастарбайтеров» к новым этническим меньшинствам // Россия и современный мир. — 2005. — № 1. — С. 270.
6. Трофимова Т.И. Глобализационные проблемы современной миграции // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2010. — № 1. — С. 144.

7. Федотова М.Ф., Шойко И.С. Современная миграционная политика Российской Федерации // Право и безопасность. — 2010. — № 2. — С. 186.
8. European immigration: a sourcebook / edited by Anna Triandafyllidou and Ruby Gropas. — Hampshire: Ashgate Publishing Limited, 2007. — 397 p.
9. Dancygier R.M. Immigration and conflict in Europe. — NY: Cambridge University Press, 2010. — 369 p.
10. International Encyclopedia Of The Social & Behavioral Sciences. — United States: Elsevier Science Ltd., 2001. — 17500 p.
11. Messina A.M. The Logics and Politics of Post-WWII Migration to Western Europe. — NY: Cambridge University Press, 2007. — 310 p.
12. Migration and migrant population statistics. March 2013 [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/statistics_explained/index.php/Migration_and_migrant_population_statistics (дата обращения: 10.06.13).
13. Pilkington H. Migration, displacement and identity in post-Soviet Russia. — London; New York: Taylor & Francis, 1998. — 265 p.

СЕКЦИЯ 2. СОЦИОЛОГИЯ

2.1. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ

Гусева Татьяна Степановна

канд. социол. наук, Алексеевский филиал НИУ «БелГУ»,

г. Алексеевка

E-mail: Guseva_T@bsu.edu.ru

SOCIAL PORTRAIT OF STUDENTS

Guseva Tatyana Stepanovna

phD in sociology, Alexeyevka branch NRU BSU,

Alexeyevka

АННОТАЦИЯ

Содержание научной статьи характеризуется спецификой имущественной стратификации студенческой молодежи, обучающейся в городе областного подчинения. В качестве основных критериев анализа положены уровень потребности в получении высшего профессионального образования, уровень материального обеспечения студентов и их участие на рынке труда.

ABSTRACT

The content of the scientific article is characterized by specific property stratification of young students studying in the city of regional subordination. The level of requirement in getting higher professional education, the level of students' material security and their participation in the labor market are taken as the main analysis criteria.

Ключевые слова: образ жизни; молодежь; стратификация; занятость; имущественное положение; статус; трудоустройство.

Keywords: lifestyle; youth; stratification; occupation; property; adaptation; status; employment.

Современный этап развития отраслей народного хозяйства характеризуется процессами реформирования, направленные на совершенствование инновационных механизмов, которые обуславливают повышение социально-экономического уровня жизни населения.

В этой деятельности особая роль принадлежит социально-возрастной группе общества, которая уже имеет образовательную подготовку и определенный опыт работы. Это подтверждается тем, что руководство страны намерено создать 25 млн. рабочих мест. Для этого на ближайшую перспективу подъема экономики, основное направление выбрано на привлечение все большего числа молодых кадров.

Студенческая молодежь выступает главной стратификационной группой населения, которая имеет характерные социально-психологические особенности, которые складываются под влиянием экономического и культурного развития общества.

Особенно следует подчеркнуть социальный портрет сельской молодежи, который имеет ряд характерных свойств ее социального положения и статуса. Одной из особенностей является стремление в получении среднего или высшего образования, которое дает возможность эффективно использовать полученные знания.

Изучение социально возрастной структуры молодежи (16—35 лет) свидетельствует о том, что, несмотря на наличие интегрирующих признаков, она внутренне неоднородна, имеет сложную дифференциацию по уровню материальной обеспеченности, уровню образования, степени престижности профессии и другим статусным характеристикам.

Неравенство социальных статусов в обществе определяет социальную стратификацию молодежи: интегрированность в структуры и отношения социума отражают связи и процессы, которые характерны для современного развития общества в целом.

Критерием внешней дифференциации молодежной общности выступает стратификационный фактор, который связан с социальным происхождением и статусом молодых людей. Внутренняя дифференциация характеризует возрастные группы (подростки — до 18, молодёжь — 18—24 года, «молодые и взрослые» — 25—29 лет) и субкультурные критерии — образ и стиль жизни, ценностные ориентации.

Проводимые в последнее время социологические исследования российского общества свидетельствуют об углублении материальной дифференциации населения и сохранении бедности. Данная ситуация

затрагивает и имущественную стратификацию студенческой сельской молодежи.

Изучение данной ситуации послужило предметом исследования, а целью - ответы студентов на следующие вопросы:

- престижность получения высшего образования, связанного с дальнейшим трудоустройством, накоплением опыта и повышением профессионального уровня;
- необходимость сочетания учёбы и работы.

Алексеевский филиал федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» оказывает образовательные услуги для городской и сельской молодежи более 10 лет. За последние пять лет из стен филиала выпущено 2110 дипломированных специалистов по экономическим и юридическим специальностям.

В филиале обучается молодежь из семи сельских районов Белгородской области, трёх близлежащих районов Воронежской области, а также из Московской, Ленинградской и Мурманской областей.

Проведенный опрос свидетельствует о том, что у сельской молодежи наблюдается большее стремление и желание в получении высшего образования, так как в современных условиях это наиболее благоприятный, но затратный период становления молодого поколения.

Наибольшую численность в контингенте обучающихся (74,1 %) составляют студенты г. Алексеевка и Алексеевского района. Из Красногвардейского, Валуйского и Красненского районов обучается соответственно 10,2 %, 7,1 % и 5,6 % студентов. Наряду с отмеченными студентами в филиале обучаются из Московской области — 5 студентов, или 0,3 %, Ленинградской — 1, или 0,06 %, Мурманской — 3, или 0,18 % и Воронежской более 40 студентов, которые составляют 2,46 % от общей численности.

В настоящее время численность студентов составляет 1641 человек, из которых 1079 обучаются на заочном отделении.

В исследовании приняли участие студенты второго, третьего и четвертого курсов общей численностью 1235 респондентов, в том числе 863 студента заочной формы обучения.

При изучении вопроса престижности получения высшего образования мы исходили из мотивации как совокупности субъективных и объективных факторов, побуждающих человека к приобретению знаний по теоретическим основам общеобразовательных и специальных дисциплин, ориентированных на достижение целей по выбранной специальности.

Прежде чем дать оценку полученным результатам, следует сказать, что по заочной форме образования в основном обучаются студенты, имеющие среднее специальное или высшее образование. Такие студенты составляют 59,0 % от числа респондентов.

Результаты исследования характеризуют следующие мотивы получения высшего образования, которые приведены в таблице 1.

Таблица 1.

Мотивы получения высшего образования

Варианты ответов	дневное отделение		заочное отделение	
	чел.	%	чел.	%
Получить знания	300	80,9	396	45,9
Получить диплом	260	69,8	363	42,1
Обеспечить перспективу трудоустройства	354	95,2	520	60,2
Гарантия полного трудоустройства	278	74,6	454	52,6
Гарантия частичного трудоустройства	83	22,2	328	38,0
Образование не гарантирует трудоустройство	12	3,2	81	9,4
Приемлемая стоимость обучения	86	23,1	535	62,0
Высокая стоимость обучения	182	48,9	72	8,3

Приведенные данные свидетельствуют о том, что большинство студентов очного отделения пришли в вуз для получения знаний, которые впоследствии будут служить основой для их трудоустройства.

Студенты заочной формы обучения имеют более низкие показатели. Это можно объяснить тем, что значительное число обучающихся имеют определенный уровень знаний, навыков и трудоустройство, а 520 респондентов (60,2 %) нацелены на перспективу.

Следует обратить внимание на результаты ответов по гарантии трудоустройства. По ответам видно, что почти 75 % студентов очного отделения видят полную гарантию в обеспечении места работы, когда по заочному образованию этот показатель чуть выше 50 %, а 81 респондент ответил отрицательно.

В процессе данного исследования мы попытались получить ответ на величину стоимости предлагаемого обучения, которая в филиале самая низкая в регионе.

Результаты опроса выявили существенное расхождение между самоидентификацией молодых респондентов и их имущественным статусом. В опросах определения социально-экономического статуса респондента проводилось через оценивание прожиточного уровня родителей.

Данные таблицы свидетельствуют о том, что для 182 студентов очного отделения оплата за обучение высокая. Это требует определенных дополнительных усилий в изыскании денежных средств.

Для студентов заочной формы обучения вдвое ниже. У данной категории респондентов нет особых проблем по стоимости обучения, так как они в основном трудоустроены, хотя и для 72 студентов она является высокой.

Действующая оплата за обучение по очной форме вызывает необходимость совмещения учёбы и работы. В настоящее время поиск работы находит всё большее распространение. Это обусловлено совокупностью внешних и внутренних мотивирующих факторов трудовой деятельности, структурными изменениями в жизни современного молодого человека.

В процессе поиска работы некоторые студенты обращаются за помощью в службу занятости Алексеевского района, кадровые агентства организаций. В 2012 году в данные службы обратилось 20 студентов и только 3 студента были трудоустроены.

Обладая определенным набором характеристик (возраст, материальное и семейное положение, получаемая специальность), представитель социальной группы «студенты» переходит в социальную группу «работающие студенты».

Переход студентов в статус работника связан с рядом объективных и субъективных мотивирующих факторов. Поэтому нами в исследовании поставлены следующие вопросы:

- какие группы студентов обращаются к вторичной занятости;
- какие возможности нахождения работы;
- как работа влияет на успеваемость;
- помогает ли работа профессионализации студента?

В ходе анкетирования было опрошено 250 студентов очной формы обучения (включая 84,5 % девушек и 15,5 % юношей). Средний возраст респондентов составил 19,4 года, что в целом соответствует половозрастному составу молодёжи, обучающейся в филиале.

В процессе опроса определилось, что к группе вторичной занятости, из семей с низким уровнем доходов относится 67 респондентов, из них 45 девушек и 22 юноша. Основанием для отнесения данных студентов в эту группу является прожиточный минимум на душу населения, который по данным статистики Белгородской области в 2012 составил 5256 рублей, а размер потребительской корзины — 5895 рублей. Следует отметить, что за этот год в среднем по области минимальный размер заработной платы составил 4611 рублей.

Мотивы вторичной занятости характеризуются следующим образом:

- необходимостью оплачивать обучение — 57,8 %;

- потребностью в дополнительных доходах на личные расходы — 34,7 %;
- учебный процесс составляет достаточно времени для работы — 4,8 %;
- необходимостью в пополнении бюджета молодой семьи — 1,4 %;
- участием в пополнении родительского бюджета — 1,1 %;
- в приобретении опыта по будущей специальности — 0,2 %.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что работа не является для 73,2 % студентов условием жизнеобеспечения, а материальные потребности — далеко не единственное условие, что ставит их перед нахождением возможностей в участии на рынке труда.

На первом месте (57,8 %) оказались респонденты, для которых работа является основным источником оплаты за обучение. В этой группе преобладают (69,8 %) юноши, которые заняты на строительных работах, являются грузчиками, разнорабочими, охранниками. В этом случае работа ради денег не требует специальных знаний, навыков и, как правило, приносит дополнительный доход.

Почти 35 % респондентов трудятся в целях пополнения средств для личных расходов. В эту группу входят, в основном, девушки, которые работают в сфере торговли, услуг и коммунальном хозяйстве.

Следует сказать, что сочетание учебы и работы не всегда положительно оказывает влияние на успеваемость. Данные студенты, в основном, имеют высокий уровень удовлетворительных оценок.

У небольшого количества студентов имеется родительский бизнес, в котором будущие экономисты, в частности, бухгалтера, оказывают помощь в ведении бухгалтерского учёта и отчетности. Семь студентов-старшекурсников выполняют функции менеджеров у индивидуальных предпринимателей.

Что касается среднеобеспеченных и обеспеченных студентов, то в их мотивационной структуре соотношение отдельных мотивов иное. Как показал опрос, большинство (около 58 %) из них хотели бы получить опыт работы по специальности и стремиться к дальнейшему трудоустройству в выбранной сфере занятости.

Потребность в работе у них формируется не только под воздействием сугубо экономической необходимости. Особую роль здесь играет стремление к профессионализации, скорейшее включение в трудовую деятельность, что является позитивной составляющей социального самочувствия. Следует отметить, что в эту группу респондентов входят студенты с высоким уровнем успеваемости.

Необходимо также подчеркнуть, что численность работающих студентов находится в прямой зависимости от курса обучения

и возрастает от второго к последующим курсам. На втором курсе преобладает подрабатывание студентов, численность которых составляет 9,2 %. На третьем курсе наблюдается сочетание трудоустройства и подработки студентов, численность которых увеличилась до 26,4 %. К четвертому курсу численность работающих студентов, занятых на постоянной работе, возросло до 32,6 %.

Большинство опрошенных студентов стараются не упустить возможность заработать, хотя при этом создаются определенные трудности, когда необходимо подстраивать учебные занятия под рабочий график. Такое бывает не всегда возможным, что отрицательно сказывается на учебном процессе. У таких студентов недостаточно времени на восстановление физических сил для полноценной подготовки к учебным занятиям.

Анализ благосостояния и мотивационной структуры показал экономическую несостоятельность современного студента, его неспособность самостоятельно обеспечивать свое материальное существование. Традиционный патернализм государства в отношении студенчества, выражены в форме выплаты стипендий по успеваемости, а также материальная поддержка со стороны родителей продолжает существовать и на современном этапе развития общества.

Критическая рефлексия встроенности студенческой молодежи в систему социальных изменений и инновационных процессов показали, что нынешние выпускники не всегда находят работу по выбранной специальности. Данная ситуация не способствует повышению профессионализма и самореализации.

Однако следует подчеркнуть, что при оценке современного состояния проблемы трудоустройства и реальности достижения материального благополучия молодежь проявляет достаточно высокий уровень социального оптимизма.

Список литературы:

1. Волосков И.В. Особенности социализации учащейся молодежи // Социол. исслед. — 2009. — № 6. — С. 107—109.
2. Ворона М.А. Мотивы студенческой занятости // Социол. исслед. — 2008. — № 8. — С. 106—115.
3. Григорьев С.И. Экспертные оценки отношения россиян к реформе высшей школы // Социол. исслед. — 2008. — № 11. — С. 116—118.
4. Пасовец Ю.М. К социальному портрету российской молодежи: общие черты и региональная специфика имущественного положения // Социол. исслед. — 2010. — № 3. — С. 101—106.
5. Петров А.В. Ценностные предпочтения молодежи: диагностика и тенденции изменений // Социол. исслед. — 2008. — № 2. — С. 89—90.

УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ В ВОИНСКОМ КОЛЛЕКТИВЕ

Коваль Пётр Ростиславович

*помощник начальника учебно-методического отдела
Военного учебно-научного центра Сухопутных войск
«Общевойсковая академия Вооруженных Сил Российской Федерации»,
г. Москва
E-mail: petrkoval@yandex.ru*

A MANAGERIAL APPROACH TO THE FORMATION OF ETHNIC TOLERANCE IN THE MILITARY TEAM

Koval Peter

*assistant to the chief of educational-methodical Department
of Military educational and scientific center of the army's combined
arms Academy of the armed forces of the Russian Federation,
Moscow*

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются основы управленческой деятельности военных специалистов при формировании этнической толерантности в воинских коллективах, проведено исследование качества подготовки военных специалистов по основным направлениям деятельности, проанализировано современное состояние институционального механизма формирования этнической толерантности в условиях современного состояния Вооруженных Сил.

ABSTRACT

This article discusses the basics of managerial activity of military specialists at formation of ethnic tolerance in the military units conducted training of military specialists on the basic directions of activity, analyzes current state of the institutional mechanism of the formation of ethnic tolerance in the modern state of the Armed Forces.

Ключевые слова: воинский коллектив, этническая толерантность, работа с личным составом.

Keywords: military team, ethnic tolerance, work with the personnel

Воинский коллектив представляет собой организованное объединение военнослужащих на основе общности их идейных и морально-нравственных позиций, совместной службы и боевой (служебной, вахтенной и др.) деятельности под единоначальным руководством [4, с. 32].

Этнические особенности военнослужащих оказывают существенное влияние на весь уклад армейской жизни. Поэтому в управлении полиэтническими воинскими коллективами нужны особая чуткость и осмотрительность во всем, что затрагивает национальные чувства людей, и в то же время — принципиальная борьба против проявлений национальной ограниченности, «кичливости», интолерантности. Решение вопроса по формированию этнической толерантности у военнослужащих, начинается с подготовки офицерских, сержантских и гражданских кадров. Учебные программы военных и гражданских вузов ориентированы на взаимопонимание, укрепление толерантности как в отношениях между отдельными людьми, так и между группами.

Работа, проводимая в воинских коллективах и подразделениях, для формирования этнической толерантности отвечает следующим требованиям:

- целенаправленность,
- систематичность,
- научность,
- комплексность.

В условиях современного облика Вооруженных Сил Российской Федерации, данные требования только начали выполняться в практике руководства повседневной деятельностью воинских коллективов.

Значимость работы с личным составом по формированию социально-значимых качеств, основанная на вышеуказанных принципах подтверждается повышенным вниманием руководства Вооруженных Сил РФ к применению результатов научных исследований. В развитие этого направления Министром обороны Российской Федерации генералом армии С. Шойгу было принято решение о создании особых подразделений — «научных рот», состоящих из призываемой молодежи, имеющих глубокие профессиональные знания и склонность к научно-исследовательской работе. Формирование первых «научных рот» организовано в июле 2013 года.

Исходя из установленных параметров, налицо несоответствие требуемым условиям таких ведущих видов деятельности, как боевая подготовка и учебная работа. По своему целеполаганию и направлениям деятельности эти виды не способствуют формированию этнической толерантности напрямую. Военный специалист может

достаточно хорошо владеть своей специальностью, но наряду с этим, быть «неграмотным» в вопросах формирования и поддержания этнической толерантности или просто быть нетолерантным. При функционировании воинских коллективов, а также при управлении ими, непосредственно приходится учитывать мотивацию военнослужащих, их установки, уровни информированности. В результате, возникают проблемы взаимодействия военнослужащих и социальных групп воинских коллективов. Для разрешения подобного рода проблем на институциональном уровне существует определенный вид деятельности — работа с личным составом. Среди должностных лиц определены специалисты — заместителей командиров по работе с личным составом. В отличие от боевой подготовки и учебной работы, работа с личным составом регламентирована в меньших по количеству руководящих документах, но в достаточной степени — в учебниках и учебно-методических пособиях.

Под работой с личным составом понимается комплекс информационно-пропагандистских, индивидуально-психологических, правовых, социально-экономических, морально-этических, культурно-досуговых, спортивно-массовых и иных мероприятий, осуществляемых субъектами воспитательной деятельности и направленных на формирование у военнослужащих необходимых морально-боевых качеств. При этом, работа с личным составом проводится как при повседневной деятельности войск, так и при выполнении боевых задач.

Актуальность вопроса формирования этнической толерантности в подразделениях постоянно повышается в силу следующих обстоятельств:

- внутренняя политическая обстановка в России в последнее время имеет межнациональную интолерантную направленность;
- перевода значительного количества офицеров-воспитателей, психологов, офицеров по социальной работе и профилактике правонарушений на гражданскую основу;
- специфика проблемы формирования этнической толерантности заставляет офицеров-воспитателей самостоятельно изучать дополнительные научные публикации, методики проведения групповых занятий по формированию этнической толерантности, в силу того, что в общедоступных информационных источниках в Вооруженных Силах РФ (газета Красная Звезда, журнал «Ориентир») эта проблема не освещена;
- отсутствие достаточного уровня специальных знаний у офицера воспитательных структур, в силу того, что вопросы формирования этнической толерантности не отражены в учебных программах высших военных учебных заведениях. В перспективе

планируется уделять больше вниманию гуманитаризации военного образования. Именно способствование большей открытости людей, формирование нравственности и толерантного отношения к представителям различных этносов является главной функцией гуманитаризации высшего образования [1, с. 98]. В связи с этим, с 2010 года во всех высших военных учебных заведениях введен новый предмет: «Воспитательная работа в Вооруженных Силах Российской Федерации». В программу подготовки сержантского состава включена дисциплина «Воспитательная работа в подразделении» [2, с. 4].

В связи с этим налицо противоречие между возрастающей потребностью формирования этнической толерантности в воинском коллективе и недостаточным уровнем профессиональной подготовки офицеров воспитательных структур. Существующее противоречие характерно не только для позиций формирования этнической толерантности, но и для осуществления всей воспитательной работы в целом. В 2008 году Социологическим центром ВС РФ был исследован вопрос о соответствии подготовки офицера в военном вузе реалиям военной службы [3, с. 28]. Для сравнения, автором статьи было проведено аналогичное исследование в 2012 году (в исследовании приняли участие выпускники военных вузов Сухопутных войск, N=300).

Таблица 1.

Распределение ответов на вопрос: «Насколько полученная в вузе подготовка позволяет вам выполнять возложенные на вас обязанности?» (в%)

Основные обязанности	Позволяет полностью		Позволяет частично		Не позволяет		Затр.ответить	
	2008	2012	2008	2012	2008	2012	2008	2012
Организация и проведение боевой подготовки	28,1	29,4	60,5	59,7	6,1	4	5,2	6,9
Выполнение обязанностей по своей специальности	39,5	42,3	47,4	52,1	6,1	2,2	7	3,4
Организация и проведение воспитательной работы	28,9	26,5	50	47,2	12,3	14,1	8,8	12,2
Укрепление воинской дисциплины в подразделении	36,8	38,0	51,8	50,7	2,6	3,1	8,8	8,2
Руководство повседневной деятельностью подразделения	41,2	43,4	44,7	52,8	5,3	3,1	8,8	0,7
Выполнение задач в боевой обстановке	28,9	32,4	43	48,6	14	8,4	14,1	10,6

По результатам проведенного исследования можно констатировать, что, подготовка, полученная в военном вузе, позволяет выполнять обязанности по организации и проведению воспитательной работы в 2 раза хуже, чем боевую подготовку, в 2,3 раза хуже, чем руководство повседневной деятельностью, и в 4,7 раза хуже, чем работу по укреплению воинской дисциплины.

Для разрешения этого противоречия предусмотрена подготовка вместо некоторых военных специалистов-воспитателей, гражданских инструкторов. Так, с 1 сентября 2008 года три вуза: Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Воронежский государственный университет, Южный федеральный университет, начали подготовку из числа студентов специалистов для органов воспитательной работы: психологов, офицеров по социальной работе и профилактике правонарушений, офицеров по общественно-государственной подготовке и информированию, общим объемом около 200 человек ежегодно [3, с. 43]. Данная статусно-ролевая «рокировка» оказалась неспособной обеспечить функционирование системы воспитательной работы, в результате чего в 2013 году начальником Генерального штаба ВС РФ утверждаются новые штаты, в которые включены должности помощников командиров по работе с личным составом.

Работа с личным составом, направленная на формирование этнической толерантности в воинских коллективах, обязательно должна строиться на комплексной основе, включать всех субъектов воспитательного процесса. Данная работа имеет совокупность целей, представленных по трем направлениям:

1. Просвещение,
2. Диагностика,
3. Коррекция и контроль.

Просвещение, как направление формирования этнической толерантности, реализуется в следующем:

а) предоставление информации о толерантности и интолерантности; формах их проявления в межэтническом взаимодействии;

Это широко реализуется во время проведения информационно-воспитательной работы. Одним из основных предметов обучения в Вооруженных Силах является общественно-государственная подготовка.

б) формирование представлений о возникновении и закреплении в общественном сознании различных форм этнических стереотипов и дискриминации по признаку расы и этничности;

в) обучение навыкам распознавания проявлений этнических стереотипов, этноцентризма и дискриминации по признаку этничности и расы в различных сферах общественной жизни

г) формирование более адекватных представлений о различных культурах и психологических особенностях их представителей.

Диагностика, как направление формирования этнической толерантности, реализуется в следующем:

а) осознание участниками воспитательного процесса собственных этнических стереотипов и их влияния на различные сферы жизни;

б) определение общего уровня толерантности отдельных групп участников воспитательного процесса.

Диагностика осуществляется исключительно методами социологического сопровождения.

Коррекция и контроль как направление формирования этнической толерантности, реализуется в следующем:

а) разрядка негативных эмоций, связанных с опытом переживания дискриминации по этнической принадлежности;

б) формирование позитивной этнической идентичности;

в) осознание собственной роли в трансляции и закреплении этнических стереотипов и различных форм дискриминации по этническому признаку;

г) предупреждение конфликтов, основанных на национальных различиях.

Эти цели и задачи могут реализоваться в различных организационных формах: от включения информации, демонстрирующей значимость толерантности, до проведения специальных практических занятий.

Система управленческого контроля тесно связана с процессом коррекции и реализуется через постоянный анализ состояний трех моделей этнической толерантности воинского коллектива: идеальной, желаемой и реальной. При этом сравнение желаемой модели с моделью идеальной происходит, если цели, поставленные при формировании этнической толерантности, не достигнуты.

При рассмотрении структуры воинского коллектива, выделяются формальные и неформальные элементы. К первым относятся строевые отделения, боевые расчеты, экипажи, караулы, ко вторым — группы, формирующиеся по общим интересам (спорт, музыка) или признакам (национальность, этнические установки). Интолерантное отношение является одним из самых распространенных оснований для формирования неформальных групп. При неприятии комплекса мер, направленных на формирование этнической толерантности,

неформальные отношения могут развиваться до систем с собственными правами и обязанностями для своих участников, которые в таком случае уже будут входить в состав устойчивых неформальных ассоциаций. Кроме того, в воинских коллективах существуют ранговые группы, связанные с функциями управления и руководства личным составом. Это могут быть официальные ранговые группы сержантов, прапорщиков, офицеров, которые управляют подчиненными согласно своим функциональным обязанностям, но и возможно формирование неофициальных ранговых групп военнослужащих, которые руководят военнослужащими в соответствии со своими интересами.

Процессы формирования этнической толерантности в воинском коллективе, при правильном управленческом подходе, могут пройти гораздо легче и быть более эффективными, чем в других коллективах или организациях, в первую очередь из-за своей специфики. Участвуя в функционировании воинского коллектива, личностный барьер «свой-чужой» может поменять основание, и, вместо этнического, быть профессиональным. Этническая интолерантность может «раствориться» в условиях прохождения именно военной службы. Критерий «военнослужащий-невоеннослужащий» уже будет иметь гораздо более доминирующие позиции, чем этнический «свой-чужой».

В практике работы с личным составом, формирование этнической толерантности является не новым направлением, однако применяемые методы ее формирования носят инновационный характер, что требует от офицеров управленческого звена дополнительных специальных знаний и применение интегрированных подходов. В дальнейшем, для выявления моментов, требующих инновационной деятельности, работа с личным составом должна подвергаться социологическому сопровождению. Социологическое сопровождение реализуется посредством параллельного или последовательного способа организации и проведения конкретных военно-социологических исследований, исходя из имеющихся возможностей по использованию сил, средств и ресурсов. Другими словами, это деятельность органов военного управления, связанная с отслеживанием и регулированием процесса воспитания в целях его оптимизации посредством применения социологических знаний и соответствующего опыта.

Отслеживание процесса формирования этнической толерантности в воинских коллективах предполагает регулярное и оперативное представление органам военно-социального управления социологической информации о текущих и прогнозируемых состояниях, характере поведения объектов управления (воспитания) и эффективности реализации принимаемых решений.

Список литературы:

1. Антипов А.Г. Гуманизация и гуманитаризация образования: состояние и проблемы. // Высшее образование в России. — 2009. — № 6. С. 98.
2. Башлаков А.А. На новом этапе развития // Красная звезда. — 11.09.2009. — № 167 (25410). С. 4.
3. Захаров А.В. Молодые офицеры — выпускники военно-учебных заведений: приоритеты, ценности, проблемы становления. // Военно-социологические исследования. Сборник статей. — 2008. — № 3 (23). С. 43.
4. Колосов А. Общие признаки воинского коллектива // Ориентир — 2009. — № 3. С. 32.

**СЕКЦИЯ 3.
ФИЛОСОФИЯ**

3.1. ДИНАМИКА СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

**МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА XX ВЕКА:
К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ, ЗНАКОВОМ ОФОРМЛЕНИИ
И ТЕКСТУАЛИЗАЦИИ**

Петинова Марина Александровна

*канд. филос. наук, доцент
Самарского государственного технического университета,
г. Самара*

E-mail: shloss@yandex.ru

**MUSICAL CULTURE OF XX CENTURY:
THE QUESTION OF TIME ICONIC APPEARANCE
AND TEXTUALIZATION**

Petinova Marina

*ph.D., associate professor of the Samara State Technical University,
Samara*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена аналитике музыкальной культуры XX века в аспекте вопросов времени, текстуализации и его знакового оформления. Радикальные изменения, произошедшие в музыке, коснулись не только вопросов нотно-письменных текстов, но также области рецепции искусства в целом. Обращение к темпоральности музыки XX в. — это попытка установить посредством невербальных средств основные тенденции и коды современной культуры.

ABSTRACT

The article is devoted to the analysis of musical culture of the XX century in the aspect of time issues, textualization and its iconic design. Radical changes in the music, affected not only the issues of musical score, but also the reception area of the arts in general. Appeal to the temporality of music of the XX century. — Is an attempt to establish by means of non-verbal codes and the main trends of modern culture.

Ключевые слова: время; культура; текст; символ; знак; музыка; восприятие.

Keywords: time; culture; text; symbol; sign; music; perception.

Известное выражение М. Фуко о том, что каждой культуре свойственен свой «кодифицированный взгляд на вещи», формирующийся под целостным воздействием культуры и меняющийся вместе с ней, сегодня может служить определяющей метафорой для исследователя культуры. Ибо свойственный каждой культурной целостности индивидуальный «код», «дух эпохи» влияет на оформление языка культуры, управляет схемами ее восприятия и ценностями. Аналитике и рецепции символики музыкального текста искусства XX века в контексте учения о времени и посвящена данная статья.

Текст в системе культуры есть воплощенный в предметах реальности сигнал, который передает информацию от одного сознания к другому и поэтому не существует вне воспринимающего его сознания. Такая характеристика текста позволяет наметить в нем свойство, которое феноменологическая эстетика называет интенциональностью [8, с. 9].

Время как фундаментальная философская категория является универсальной характеристикой и природы, и мира культуры как знаковой системы. В этой связи свои свойства времени и его определения в разных онтологических системах будут различаться. Время в культуре, осуществляемое в пространстве текста, имеет значительную продолжительность, большую, чем существование любого предмета природы, ибо последний живет, согласно синергетики, в «положительном энтропийном времени», то есть «с достоверностью разрушается, образуя со средой равновероятностное соединение. Текст же с течением времени наоборот стремится обрасти все большим количеством информации» [8, с. 14]. В данной особенности прочитывается следующую закономерность: чем старше текст, тем богаче он в информативном смысле. Так получая самостоятельную жизнь в процессе своего историко-культурного бытия, он обретает новые коннотации, прочтения, формообразования и включения

в современную ткань культурного бытия. «Барочная сюита выступает для нас как «серьезная музыка», и в то же время в своей структуре она хранит следы потенциального восприятия как музыки легкой, танцевальной, какой она была в эпоху ее создания, подобно современной легкой музыке, которую, как можно вообразить, через много веков будут слушать с той сосредоточенностью, с какой мы слушаем легкую музыку прошлого. Наоборот, духовная музыка — католическая месса, реквием, пассион — воспринимается нами как светская вне того ритуального контекста, явные следы которого несет ее текст» [8, с. 15]. Следовательно, в историческом развитии произведение несет и хранит в себе не только замысел автора, но и следы последующих его рецепций. Можем ли мы знать о музыкальном сочинении больше, чем современники композитора? Этот вопрос требует серьезных семиотических расследований. Но вместе с этим, остается несомненным, что за весьма значительную свою историю культурное явление обрастает не малым количеством комментариев аналитиков. При этом, как справедливо замечает Р. Ингарден, мы не восстанавливаем непонятные места из знания реальности, а скорее наоборот, восстанавливаем прошедшую реальность по той информации о ней, которую хранят тексты: «Мы комментируем лишь произведения посредством произведений, а не произведения посредством минувшей действительности. Отсюда возможность познания содержания самих ныне нам непосредственно доступных произведений является условием возможности познания минувшей эпохи, а не наоборот, как это часто считают историки искусства» [6, с. 463].

Поэтому пока текст, получив отклик и признание в культуре, может находить отражение в сознании воспринимающего, рождая в свою очередь возможность инициировать актуальный смысл, это делает произведение искусства подлинно бессмертным, вечно живым, готовым к новым воплощениям и прочтениям.

Отношение к искусству как источнику чувственных переживаний, ведет свое начало в европейской философии искусства со времени Канта. Данная установка обращена к *субъективному состоянию* человека, которое инициируется гениальным замыслом композитора. М. Хайдеггер противопоставлял этой традиции иной способ видения художественного произведения. Иллюстрацией позиции философа может служить современное искусство и музыка, когда она «больше не стимулирует страсти, а в неискаженном виде регистрирует воплощенные в ней импульсы бессознательного, шоки и травмы. Первые атональные произведения — это протоколы в смысле психоаналитических протоколов сновидений» [1, с. 90—91].

И, несмотря на вышесказанное, мы не можем исключить переживание из художественной практики, оно по-прежнему занимает существенное и смыслозодиающее место в искусстве. В этом смысле М. Хайдеггер, отходя от традиции субъективизма, переносит когнитивный акцент на мир в целом и формулирует вопрос новой онтологии: каким должно быть бытие, чтобы оно позволяло познать себя, чтобы оно открылось человеку? В заданном проблемном поле мышление и существование человека объясняется посредством бытия как такового. Экстраполируя данный тезис в область художественного творчества, проблема восприятия музыки, как нам видится, может раскрываться через постижение самого «бытия, которое раскрылось художнику и позволило дать себе устойчивый облик, удержать себя в произведении» [3, с. 338]. Так понятие М. Хайдеггером познание происходит из традиции древнегреческой философии, где знание означает то, «что нечто увидено в широком смысле слова «видеть», то есть *воспринимать* (курсив наш — М.П.) присутствующее как таковое. Для греческого мышления основой знания является ἀλήθεια, то есть несокрытость сущего <...> порождение (его) в смысле выведение присутствующего, как такового, из сокрытости в несокрытость его вида» [Цит. по: 3, с. 339]. Сравним, у Ж. Делёза: «Созерцать — значит выманывать» [5, с. 100].

Таким образом, исследовать язык как «дом бытия», а в нашем случае — музыкальный язык и текстовые составляющие — это и есть основная интенция Хайдеггера. Вслед за ним Ж. Деррида отходит сознательно и целенаправленно от того, что традиционно почиталось за сущность, к маргинальным проблемам. Так, например, не материя, законы, бытие, время и пространство выступают фундаментальными основаниями мира. Но след, царапина и иные составляющие случайной, фрагментарной реальности, наделяются многозначностью, смыслом. Такие «игры разума» и компилятивное мышление, по мнению В. Бычкова, намечают подготовку к переходу сознания в новое состояние [2, с. 575]. В заданной установке *взгляд* перенастраивается с сущности на существование, с глобального на повседневное, место и смысловые границы которого размыты, а потому иррациональность всей картины мира достовернее всего воплощена в сфере художественного. Можно сказать, что музыка позволяет нам видеть, отсылая физический знак в область невидимого, но такого важного смыслом наполненного пространства культуры.

Именно в нем, по замечанию современного французского мыслителя Жака Рансьера, художник «возвращает незначительным деталям прозы мира их двойную, поэтическую и знаковую силу. В топографии места, <...> в хаосе выставленных товаров и сваленного

в кучу мусора он распознает элементы некой мифологии. А в фигурах этой мифологии позволяет распознать подлинную историю общества, *времени*, (курсив наш — М.П.) коллектива» [7, с. 37].

Сам Ж. Делёз, говоря об изменяющемся в современном мире отношении между словами и образами, называет эту ситуацию «педагогикой перцепции» [4, с. 12], противопоставляя ее прежней и влиятельной, но распадающейся на наших глазах «энциклопедии мира». Педагогика перцепции, или обучение восприятию, — тот важный посыл, который рождается из удивительного объединения философии и искусства. Соучастие двух форм восприятия: чувственного и интеллектуального позволяет заступить в область интуиции, нечетких образов сознания, когда не только рассудительность и целесообразность, но и спонтанность восприятий в совместном диалоге создают новую онтологию.

Поэтому, слушатель сегодня — тот, кто готов расстаться с привычными формами восприятия, кто открыт к опыту новых не предустановленных законом «жанра» установок и заранее известных фабул и темпоральных конструкций.

Кто рискует расположиться в области, где привычки мышления и восприятия должны уступить место образам, для которых еще нет территории, ибо они располагаются вне пространства власти языка и активного восприятия.

Список литературы

1. Адорно Т. Философия новой музыки. М.: Логос, 2001. — 527 с.
2. Бычков В., Бычкова Л. Предельные метаморфозы культуры XX века // Лексикон неклассики. Художественно-эстетическая культура XX века. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОС-СПЭН), 2003. — 607 с.
3. Гайденко П.П. Прорыв к трансцендентному. Новая онтология XX века. М.: Республика, 1997. — 495 с.
4. Делёз Ж. Кино. Пер с фр. Б. Скуратова. М.: Ad Marginem, 2004. — 622 с.
5. Делёз Ж. Различие и повторение. СПб.: Петрополис, 1998. — 384 с.
6. Ингарден Р. Исследования по эстетике. Пер. с польск. А. Ермелова и Б. Федорова. М.: Изд. ино. лит. 1962. — 572 с.
7. Рансьер Ж. Эстетическое бессознательное — СПб.; Москва: MACHINA., 2004. — 128 с.
8. Руднев В. Морфология реальности: Исследования по «философии текста». М.: Гнозис, 1996. — 207 с.

**ЭКЗИСТЕНЦИАЛ ЗЕРКАЛА И ЗАЗЕРКАЛЬЯ
В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНСКОЙ
ФИЛОСОФСКОЙ ПРОЗЕ**

Грибовская Дарья Анатольевна

*канд. филолог. наук,
ст. преподаватель кафедры философии и политологии
Донецкого юридического института
г. Донецк, Украина
E-mail: dashytsa@mail.ru*

Барабанова Елена Анатольевна

*канд. филолог. наук,
доцент кафедры украинского языка и литературы
Государственного высшего учебного заведения
«Донбасский государственный педагогический университет»
г. Славянск, Украина
E-mail: dgorbachuk@rambler.ru*

**EXISTENTIAL OF THE MIRROR
AND THE MIRROR-WORLD
IN MODERN UKRAINIAN PHILOSOPHICAL PROSE**

Gribovskaya Daria

*candidate of Philological Sciences, Senior Teacher of Philosophy
and Politology chair, Donetsk Law Institute of Internal Affairs of Ukraine,
Donetsk*

Barabanova Elena

*candidate of Philological Sciences, associate professor
of Ukrainian language and literature chair of State Higher Educational
Institution 'Donbas State Pedagogical University',
Slavyansk, Ukraine*

АННОТАЦИЯ

Целью статьи являются современные исследования в философии экзистенциализма на примере художественного творчества известного украинского писателя А. Федя (роман «Серый»). Введенный М. Хайдеггером новый категориальный аппарат в философии в целом

и в эстетике в частности снискал живое отображение как в научной сфере, так и в художественной. Предметом изучения в статье стал экзистенциал зеркала и зазеркалья. Авторы обосновывают терминологический аппарат и дают картину его реализации в художественном произведении. Методами изучения стал метод герменевтики, феноменологический метод.

ABSTRACT

The article is aimed at modern researches in philosophy of existentialism based on the example of artistic endeavor of a famous Ukrainian writer A. Fedya (the novel 'The grey'). Proposed by M. Heidegger a new framework of categories in philosophy and particularly in aesthetics has attained live mapping in scientific sphere as well as in imaginative sphere. The subject of study in the article is existential of the mirror and the mirror-world. The authors prove the nomenclature and show the way it realizes in fiction. The methods of study are the method of hermeneutics and the phenomenological method.

Ключевые слова: неклассическая постмодернистическая эстетика, экзистенциал, экзистенциал зеркала и зазеркалья, современный украинский философский роман, научная проза.

Keywords: non-classical postmodern aesthetics; existential; existential of the mirror and the mirror-world; modern Ukrainian philosophical novel; learned prose.

*«Зеркало может хранить отражение целой вселенной, целый звездный небосвод вмещается в кусочке маленького посеребренного стекла. Если все знаешь о зеркале, считай, что знаешь почти все»
(Т. Пратчетт)*

«Будь поосторожнее с зеркалом, не то увидишь собственное лицо» (М. Шарган)

Теория зеркального мира в философии, в отличие от первичных форм мировоззрения человека, имеет не суть долгую историю, однако снискала в кругу, как научных деятелей, писателей, так и в среде обывателей весьма откровенно заинтересованный отклик. Работы В. Зеланда «Трансферинг реальности» [2], Г. Брейдена «Божественная матрица. Время, пространство и сила сознания» [1] открывают завесу таинственной субстанции стороны за зеркалом, оформляют существование нашего отображения во времени и пространстве зазеркалья.

Зеркала, как волшебные предметы, встречаются в сказаниях многих народов, могут предсказывать будущее, давать советы,

рассказывать о судьбе и служить оберегом. Кроме того, зеркала предстают как граница между земным и потусторонним миром, это рубеж, пересекать который небезопасно.

Зеркало — это еще и портал в иной мир. Булгаковский Азazelло, например, выходит прямо из зеркала в квартире № 50 на глазах у изумленного Степы Лиходеева. А необыкновенная история Алисы из зазеркалья впечатляет своей ирреальной реальностью каждого. Кроме Льюиса Кэрролла, зазеркалье так же создавали для своих героев Гастон Леру («Призрак оперы»), Виталий Губарев («Королевство кривых зеркал»), а магическое зеркало Гарри Поттера — «Еиналеж» — показывает «самые глубокие и самые отчаянные желания сердец».

«Экзистенциал — бытийная черта присутствия, элемент экзистенциальности, полученный из анализа экзистенции. Противоположность — категория, которая относится к наличности также, как экзистенциал — к экзистенции. Различая категории и экзистенциалы, Хайдеггер вводит что-то вроде философской грамматики — вся система понятий делится по принципу одушевленности / неодушевленности. Важнейший экзистенциал — «бытие-в», означающий «быть при...», — в противоположность категории «быть в», означающее чисто пространственное отношение («вода в стакане»)» [3, с. 239]

Экзистенциал бытия в зазеркалье как бытия отображения человека (Хайдеггеровского тут-бытия) можно условно разделить, по нашему мнению, на несколько модусов:

1. Страх перед зеркалом отображает боязнь заглянуть в самого себя, неготовность к познанию своего внутреннего мира.

2. Зеркало — портал в самого себя как в известном фильме А.Тарковского «Зеркало». В Иномирье законы времени не земные, а божественные, когда все есть и начало, и конец, все есть и прошлое, и будущее, и только человек, создавая своей мыслью одну точку времени — настоящее, не только соединяет прошлое с будущим, но и моделирует его в соответствии со своими мыслеобразами, чаяниями и устремлениями.

3. Зазеркалье — для тех, кому не страшно заглянуть «за» свое отражение. Это первые шаги исследователя тайн своей Души, пока еще растождествляющего себя со своим отражением и поэтому воспринимающего зазеркалье, как мир в котором все перевернуто, все наоборот.

4. Само зеркало удваивает реальность. Мы узнаем в многоотраженном мире различные свои проявления, принимаем или категорически не принимаем себя такими, как мы есть. Соединение с самим собой многократно усиливает нас и дает нам новое ресурсное состояние.

В украинской философии к вопросу об экзистенциале бытийности в зеркале обращается А. Федь в своей философской

научной прозе. Автором выбран интересный путь реализации сложных теоретических феноменов.

Философское произведение «Серый» является таким родом романного жанра, в котором само творение автора в конечном счете изучает своего читателя через призму зеркального отражения. Знакомство с персонажем, чья первая форма общения с читателем начинается со стороны зазеркалья, дает отблеск сути личности, чья основная форма бытия — это форма смены масок, поэтому зазеркалье становится истинной экзистенцией сочетания духа и плоти, единственной формой честного и явного: «Менять имидж и это скорее всего, — нервничал Серый, смотрясь в зеркало и тщательно моя руки. Фамилия... Пусть будет такой, какая есть. Много кто подтрунивает: не существительное — определение какое-то. Когда знакомят тебя с горделивым наглецом, тот по обыкновению спрашивает: «Серый — как понимать: фамилия или судьба? Лучше уж Белый. Удобоваримо и Черный, если уж нет — то Темный. Во всяком случае, все было б яснее и доходчивее» [4, с. 7].

Итак, сам персонаж, Серый, начинает в мире здесь и сейчас, в мире рациональных категорий приобретать новую атрибутику, которая в бытии зеркала сходит на нет. Этот молодой человек даже в цветовой семантике превосходит рациональное, и в Иномирье дает серости совершенности иного, но именно истинного.

Обращаясь к трактовке серого в эстетическом, следует отметить, что тема не нова. Более того, семантика цвета закреплена в ментальной экзистенции, фольклорной традиции, религиозном дискурсе. Серый — это цвет бедности, печали, городской тесноты. Он был эпитетом к хищным животным, птицам; на этот цвет переходит антипатия. Не смотря на его тонкую красоту, это цвет, который наиболее часто обозначает бесцветность. Иногда (скажем в иудейской традиции) его связывали с мудростью зрелого человека, это как бы уже несвоевременное прозрение молодости, которая прошла. Сочетание белого, цвета невинности, и черного, цвета вины, серый был христианским символом земной смерти и духовного бессмертия; изувеченной, почерневшей невинности, которую осудили. В христианских религиозных общинах серый обозначал бессилие и подавленность, но так же эгоизм, отказ от обязательств, нарциссизм. Не зря один из героев романа «Серый», Аскольд, задумывается над историей мифологического персонажа: «Несомненно, лицо Нарцисса красивее. Но отсутствует приспособленность каждой его части к практической реализации того, что предназначено богами» [4, с. 224].

Серый цвет всегда стабилизирует процессы вокруг, но всегда выглядит раздвоенным, всегда соотносим с плохим самочувствием.

И хотя в некоторых культурах или на определенных стадиях развития человечества (Возрождение, в частности) серый и приобретал позитивное звучание, все же его ахроматичность никогда не давала ему собственного громкого звучания, и он оставался в своей аутентической тени. Одним словом, такова природа серого в мире четких категорий, в мире рационального, где бытие вещи — материально, иногда возможно солиптически, но всегда четко ограничено матрицей эмпирического опыта.

Кто, что, какой или в чем СЕРЫЙ проявляется в романе А. Федя? Ответ откровенен, это феномен экзистенции в бытии зазеркалья. Это человек, который вне морального, в хищности, беспринципальности и жестокости достигает всего желаемого, идя свой духовный путь над системой координат добро — зло, вне генетически «человеческого» рассматривает все его окружающее. Это дух, который «отпечатан» в лице конкретной плоти и крови, но ожидающий своего откровенного перехода из мира зазеркалья. Присмотревшись внимательнее, уже думается, что в конкретном человеке передана жизнь целого общества, в котором чаши весов Фемиды с закрытыми глазами просто исчезли либо их кто-то украл, такой себе Серый, который играясь всем и, как хамелеон, приспосабливаясь ко всему, просто не задумывается, что без этих чаш невозможно грандиозно важное — равновесие, гармония. Возможно и другое, Серый в своей зазеркальной апологетике просто снял повязку с глаз богини и со скабрёзной улыбкой рассматривает ее растерянный вид, потому что в ее сознание врывается субъективное, то, что уже не дает возможности видеть беспристрастно.

В экзистенции здесь-бытия Серый — в постоянной эволюции. Это персонаж-индиго, у которого общественное, интимное, личное, душевное, духовное, ирреальное, здоровое и больное объединились в эклектике необъединяемого в рациональном, но абсолютно продуктивного и жизненного в экзистенциале зазеркалья.

С одной стороны — это карьерист, человек-паразит, который четко знает, чего хочет, и четко знает, как этого достичь без существенных усилий. С другой стороны — это маленький мальчик, который боится, что бешенный темп жизни перемелет его молохом и даже не вспомнит имени. Далее — это личность, которая дает себе оценку и знает, что в конце концов получит в финале жизни, когда за все придется рассчитаться. И напоследок, это авантюрист, который идет на проу со своими человеческими, воспитанными адекватными родителями постулатами, и все время экспериментирует с общественными догмами: преступлю эту грань — и что? а ничего; обойду тут и плюну в глаза собственной совести — опять ничего; приостановлюсь

и подожду, оглянувшись вокруг, — ничего не произошло, никто не знает. И возможно все это лишь по одной причине: в отражении зеркала, в иномирьи зазеркалья его истинное лицо не меняется, он видит истинное свое финальное, знает, что выбор отсутствует, и только в реальности людей он может играть.

А.М. Федь очень умело оставляет читателя в раздумьях о возможном будущем своего Серого. Он — болен, а вот смертельно ли — неизвестно, потому что страдает единственный регенерирующий орган в человеческом организме — печень. А следовательно, возможно все повторится сначала и Серый продолжит свой жизненный путь.

В чем же особенность экзистенциала зазеркалье в философской научной прозе А. Федя? Нужно отметить, что для украинской литературы эта тема нова. Реализует ученый-писатель столь постмодернистический тип образности (достаточно элитарный, запутанный созданный по законам симулякра) умело доступно, интересно и ново. Простому обывателю, чей мир ограничен законами физики и чья жизнь «кончается не завтра», зеркальное отражение — лишь возможность оценить (в зависимости от шкалы ценностей) свой вид, не более. Так вот выводя рамки пространства и времени в зазеркалье, автор поднимает своего читателя в своих глазах, то есть суть важные проблемы экзистенции определяет выше объективной точки отсчета, и дает неограниченный мир иного, где важно зафиксировать тот облик, который будет записан в Вечности.

Список литературы:

1. Брейден Г. Божественная матрица: время, пространство и сила сознания / Г. Брейден. — СПб.: София, 2008. — 256 с.
2. Зеланд В. Трансферинг реальности / В. Зеланд. — М., 2006. — 272 с.
3. Сагатовский В.Н. Философские категории. Авторский словарь / В.Н. Сагатовский. — М., 2011. — 376 с.
4. Федь А. Серый / А. Федь. — Славянск, 2010 — 284 с.

3.2. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

ЭСТЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СОВРЕМЕННОЙ ПАТОГРАФИИ: ФЕНОМЕН «МОЛЧАНИЯ» И «ЛОЖНОЙ СМЕРТИ» В ТВОРЧЕСТВЕ А.А. АХМАТОВОЙ («СЕВЕРНЫЕ ЭЛЕГИИ»)

Петрык Янина Юрьевна

*канд. филос. наук, доцент КубГУ,
г. Краснодар*

E-mail: p_yanina@mail.ru

AESTHETIC ASPECT OF A MODREN PATOGRAFIYA: PHENOMENON OF «SILENCE» AND «FALSE DEATH» IN A. A. AKHMATOVA'S CREATIVITY («NORHTERH ELEGIES»)

Petryk Yanina Yurievna

*candidate of Philosophy,
Associate Professor FBGOU VPO "Kuban State University",
Krasnodar*

АННОТАЦИЯ

Цель данной статьи выявление и описание некоторых эстетических аспектов современной патографии на примере творчества А.А. Ахматовой.

ABSTRACT

The purpose of this article identification and the description of some esthetic aspects in a modern patografiya on the example of A. Akhmatova's creativity.

Ключевые слова: творчество; патография; эстетический анализ.
Keywords: patografiya; aesthetics analysis; poetry

Патография, как область клинической и социальной психиатрии, возникшая во второй половине XIX века во Франции, давно переросла

свое психоаналитическое назначение и перевоплотилась в философский, нравственно-эстетический феномен. Патография родилась как дескрипция девиантных перипетий жизни гения-творца, но, в конечном итоге, была модифицирована в том числе и в эстетическую оценку психопатологии отраженной в художественных текстах, в попытку анализа когнитивных и эмоциональных дисфункций автора, необычных проявлений характера и своеобразных поступков, воплощенных в художественном творчестве, имеющих особое духовно-мировоззренческое значение.

Рассуждая о патографических исследованиях современности, важно помнить, что патография всегда балансировала на грани чистой субъективности, выводы, произнесенные патографом, вряд ли обладают универсальностью и вполне могут быть оспорены, однако создать монолитный образ личности творца, перейти к целостной экзистенции в многообразии эстетической воплощенности, патография вполне способна.

Несомненно, началом современного «научного» патографического исследования, где истинно философское и эстетическое смыкается с антропологией и клиническим психоанализом, а также непревзойденным образцом и одновременно особым методологическим приемом изучения личности, явилась работа К. Ясперса «Стриндберг и Ван Гог» (1925). Весомым и значимым эвристическим потенциалом с позиции эстетического аспекта патографического анализа обладает работа Ж.П. Сартра «Идиот в семье. Густав Флобер с 1821 по 1857 гг.». Именно данное произведение, которое Сартр писал и перерабатывал до конца своей жизни, может служить тем рэпером, тем исходным методологически каркасом, который содержит основные фундаментальные философско-эстетические понятия важные в любом патографическом исследовании. К подобным фундаментальным понятиям можно отнести феномен «молчания» и «ложной смерти».

В.С. Библер писал: «... Никогда не могут быть оторваны кровеносные сосуды от произведения к неповторимой изменяющейся личности автора» [4, с. 35]. Таким образом, феномен «молчания» и «ложной смерти» — это не просто метафоры или поэтические эпитеты, применяемые для того, чтобы текст обрел большую художественную выразительность, но центральные системообразующие понятия в жизни художника и понимании эстетических основ его творчества.

Весомую роль в анализе творчества автора, как эстетической категории, с позиции патографии выступает детство творца. Ж.П. Сартр исходит из понимания детства, как ключевого периода в формировании не только самого мировосприятия, но и основ творческой деятельности художника. «Жизнь, как известно, —

это под разными соусами взятое детство» [3, с. 79]. Останавливаясь, по своей сути, на уровне чисто феноменального описания трудностей, которые приводят к формированию различных симптомов, Сартр строит свою работу о Флобере, как медленное свободное развертывание-воспоминание жизни главного героя. Сартр полагает, что «...он не перестал и никогда не перестанет быть для себя тем ребенком, которого убили» [3, с. 34], мысля «плохой старт, который навсегда помешал ему интегрироваться в мир культуры», как некую «универсальную направляющую ось», а само детство, как постоянную «возобновляемую детерминанту» [3, с. 119] его судьбы, как объяснение того, что чувствует и делает герой. Подобное трепетное отношение к «крупичам» собственной жизни, «медленное свободное развертывание-воспоминание» прослеживается в творчестве А.А. Ахматовой, которое уже является самоанализом и не требует дополнительно позиции биографов:

«Так вот, когда я вздумала родиться
И безошибочно отмерив время,
Чтоб ничего не пропустить из зрелищ
Невиданных, простилась с небытьем» [1, с. 226],

Сартр настойчиво повторяет, поднимаясь по спирали смысла: каждому человеку «свойственно тыкать пальцем в фундаментальное событие своей протоистории» [3, с. 45], просто у поэта, у творческих натур, подобное осмысление и переосмысление своих переживаний значительно тоньше, чувствительнее и глубже.

«И вот когда горчайшее приходит:
Мы сознаем, что не могли мстить
То прошлое в границы нашей жизни ...» [1, с. 226],

В подобном переосмыслении существует и выражается способность нравственно-поэтического суждения о собственной жизни, «отстранений» от собственного бытия. Поэту свойственно «разбалтывать» «тайну мирового духа», делать читателя её поверенными, одновременно осознавая то, что повседневное существование доводится «до ума» и сердца только в поэтически выраженной действительности. Поэт прекрасно осознает, что с каждым рождением, повторяется «безвыходная трагедия духа», а художественное произведение есть форма творческого самосознания, в котором автор доводит ситуации своей жизни до предела, до поэтического образа, автор выступает как «я» в своей «снятой» социально-исторической биографии (В.С. Библер). Таким образом, творчество не просто в состоянии «схватывать проблески вечной красоты» (В.С. Соловьев) в нашей текущей действительности, но сливает в монолитном эмоционально-интеллектуальном сплаве, прошлое и настоящее, возвещает будущее,

оно одновременно и вестничество и пророчество. С одной стороны, вестничество — как выражение благой вести, в её чисто христианской сакральности, а с другой — пророчество, как мистическое знание о трансцендентном, как самораскрытие и постижение мира и самого себя. Ценность творчества (для личности поэта) в том, что вестничество и пророчество соединяются в нем в донесении и возвещении «высшей правды» (в том числе и о самом себе), а отличаются — в форме выражения данной правды.

А.А. Ахматова так пишет о раннем периоде своей жизни, о детстве ставшем «возобновляемой детерминантой»:

«И никакого розового детства
Веснушечек и мишек и игрушек
И добрых тётъ и страшных дядь, и даже
Приятелей среди камушков речных» [1, с. 226],

Поэзия, как творческий акт, в данном случае есть понимание того, что существование человеческое безвыходно трагедийно — и дело здесь вовсе не в «суровости» самого бытия (или времени детства, «суровость» ощущается лишь субъективно). Любое напряжение нравственных перипетий человека высвечивает трагедийность его существования, а это означает, что только поэзия и есть возможность понять и осознать, но не выразить. Отсюда и рождается феномен «молчания». В этом смысле от слова можно отказаться и немота будет красноречивее тысячи слов свидетельствовать о муке существующего:

«А я молчу, я тридцать лет молчу
Молчание арктическими льдами,
Стоит вокруг бессчетными ночами,
Оно идет гасить мою свечу [1, с. 165].

Ж.П. Сартр пишет о том, что поэзия может стать «молчаливой авантюрой души, пережитым событием, не имеющим общей мерки с языком» [3, с. 45]. По своей сути — это афазия переходящая в солилоквию, где внутренняя речь и даже внутренний диалог возможен, но ни воплощение во вне. «Поскольку поэтический феномен выступает вне языка и без него, поскольку в нем нет связи со словом, постольку переложение его не есть само по себе поэтическое, оно не может зафиксировать, ни передать тотализирующее переживание» [3, с. 46]. Таким образом, постичь и понять многое посредством поэзии возможно, но невозможно передать глубину переживаний. Однако Сартр не останавливается на констатации факта молчания, он пытается классифицировать его виды по причинам и основаниям, и, несомненно, все элементы подобной сартровской классификации применимы к творчеству А.А. Ахматовой.

Во-первых, молчание может быть понято, полагает Ж.П. Сартр, как нечто хтоническое, первозданное, мифопоэтическое, как хаос и прорыв к бесконечному, где слово и молчание неразличимы в диалектическом единстве означаемого, означающего и значения. Неразличимость молчания (тишины) и слова произнесенного, сказанного, так воплощается в творчестве А.А. Ахматовой:

«Безветренный сухой, морозный воздух
Так каждый звук лелеял и хранил
Что мнилось мне: молчанья не бывает» [1, с. 142],

Или:

«А я росла в узорной тишине
В прохладной детской молодого века,
И не был мил мне голос человека,
А голос ветра был понятен мне» [1, с. 165],

Молчание первозданное и хтоническое, невыделенное из природного бытия, не отделенное и не отъединенное от мироздания, где поэтическое слово на грани немоты, где поэтическое слово рождается с большим трудом и вообще может быть не произнесено, но присутствует тотально.

«Мое молчанье в музыке и в песне
И в чьей-то омерзительной любви,
В разлуках, в книгах.....
В том, что неизвестней
Всего на свете.....» [1, с. 258]

Во-вторых, молчание, можно мыслить, как полагает Сартр, как примитивный вокабулярый, как использование стереотипного, серого языка клише. И не только: молчание, как механическое запоминание и заучивание текста, который ничего больше не говорить сердцу:

«Нет тому, кто ищет эти книги
Кто их украл и даже переплел,
Кто носит их, как тайные вериги,
Кто наизусть запомнил каждый слог
.....
Нет, не к тому летит мое мечтанье,
И не тому отдам я благодать,
А лишь тому, кто смел мое молчанье
На стяге очевидно — написать,
И кто с ним жил, и кто в него поверил,
Кто бездну ту кромешную измерил» [1, с. 258]

В-третьих, молчание, по мнению Сартра, может быть актом не деяния, ведь «говорить есть не что иное, как адаптировать и углублять уже говорящее, то есть само по себе выразительное

поведение» [3, с. 49]. Акт говорения в данном случае бесполезен ведь слово существует отдельно, а переживание — отдельно, и есть такое переживание и чувство, которое к тому же, как выражается Ж.П. Сартр, «невокабулябельно». Его невозможно воплотить не оттого, что автор испытывает «лингвистическую стесненность», а от того что испытывает желание компенсировать её «некоммуникабельным экстазом» «недифференцированной полноты» [3, с. 52], по своей сути впадая в «летаргическую меланхолию», соприкасаясь с «универсальной субстанцией в многообразии её единых частей». На этом уровне молчание бытийствует ввиду того, что «пережитое чувство не может дать себе имя без того, чтобы не пересочинять себя заново» [3, с. 50]. «Чувство говорит: говорит, что оно существует, что его неправильно назвали, что оно развивается плохо и вкось, что оно требует другого знака или за его не именем символа, с которым оно может слиться... [3, с. 51]. То есть это молчание существует как «недоверие к вербальной тотальности», как «выкопанная яма языка», понимание того, что не все может быть выражено словом. Молчание возникает именно от того, что слово неадекватно тому, что необходимо выразить, так как слово максимально удалено и отлично от того, что оно претендует обозначать. В данном случае не отрицается ценность сказанного слова, но молчание — это «виртуальная номинация», слово тотально, но от него можно отказаться. Здесь «молчание интенционально достигнуто не упразднением языка» [3, с. 55], потому что упразднить его невозможно.

«Мое молчанье слышится повсюду

Оно судебный наполняет зал,

И самый гул молвы перекричать

Оно могло бы, и подобно чуду

Оно на все кладет свою печать.

Оно во всем участвует, о Боже!» [1, с. 257],

В-четвертых, самый глубинный пласт молчания — это молчание — как метафизический бунт, где автор умирают для этого мира, где молчание сливается с актом смерти и рождается так называемая «ложная смерть». Это молчание, «которое замыкается на законченном произведении, то есть на тотализации языка» [3, с. 541], как лакуна смысла, когда уже все сказано, воплощать нечего. Подобное молчание — это танатическое молчание, когда все высказано, содержание и переживание воплощено, и нечего больше сказать. В данном случае феномен ложной смерти, сливаясь с актом молчания, образуют вовсе не ламинарные потоки, феномены ложной смерти и молчания скрещиваются и перемежаются.

«А я молчу.... Как будто умер брат» [1, с. 165]

Или:

«Так мертвые молчат, но то понятно

И менее ужасно....» [1, с. 257],

В этом смысле ложная смерть не просто танатологический мотив экзистенциальной лирики в творчестве А.А. Ахматовой. Сартр толкует «ложную смерть» как литературное убийство героя или приостановку — моментальную потерю смысла от которой тяжело жить. Это нечто узнанное, найденное, но ведущее к краху всего, что ценно в собственной жизни, а потому автор умирает лишь на мгновение (ложная смерть), но снова начинает существовать в прежних ценностях.

«Мне ведомы начала и концы,

И жизнь после конца, и что-то

О чем теперь не надо вспоминать....» [1, с. 229],

Таким образом, сама жизнь — это не только раскрытая книга на которую указывает автор, где присутствует бездумное прочтение глав и где автор сам волен возвращаться к первой странице или идти вперед к эпилогу, выявляя фрагменты подлинного бытия, к «возобновляемой детерминанте», но и река, меняющая русло, а осмыслить подобное изменение нелегко:

«Меня как реку

Суровая эпоха повернула

Мне подменили жизнь. В другое русло

Мимо другого потекла она

И я своих не знаю берегов» [1, с. 228],

«Ложная смерть» это ситуация спутанности, мгновенного помрачения, неустойчивости, желание другого удела, падение в бездну:

«Кто мог придумать мне такую роль?

Стать на кого-нибудь чуть-чуть похожей,

О Господи! — мне хоть на миг позволь» [1, с. 258]

Таким образом, не отрицая остроты роли поэтического творчества, в данном случае, мы позволили себе проиллюстрировать важные в осмысления патологических состояний автора феномены «ложной смерти» и «молчания» на примере поэтического творчества А.А. Ахматовой, используя лишь «незначительную» часть из того что было ею создано. Это некоторые возможные аспекты эстетического анализа патологических проявлений создающей личности в поэтическом творчестве. На самом деле область данного анализа может быть расширена за счет привлечение иных «психоаналитических констант», а также за счет эстетического анализа творчества любого художника, которому не чужд экзистенциальный пафос.

Список литературы:

1. Ахматова А.А. Узнают голос мой....: Стихотворения. Поэмы. Проза. Образ поэта. — М.: Педагогика-Пресс, 1995. — 544 с.
2. Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл. — Мн.: Книжный Дом. 2003. — 1280 с.
3. Сартр Ж.-П. Идиот в семье. Гюстав Флобер с 1821 до 1857 года. СПб. Алетейя 1998 — 420 с.
4. Этическая мысль: Науч.-публицист. чтения/Ред. кол.: А.А. Гусейнов и др. — М.: Политиздат, 1990. — 480 с.

ФЕНОМЕН «ПОЭТИЧЕСКОГО» В ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ

Петрык Янина Юрьевна

*канд. филос. наук, доцент КубГУ,
г. Краснодар*

E-mail: p_yanina@mail.ru

“POETIC” PHENOMENON IN THE HISTORY OF PHILOSOPHY

Petryk Yanina

*candidate of Philosophy,
Associate Professor FBGOU VPO "Kuban State University",
Krasnodar*

АННОТАЦИЯ

Цель данной статьи выявление когнитивного статуса поэтического творчества в истории философии.

ABSTRACT

The purpose of this paper to identify the cognitive status of poetry in the history of philosophy.

Ключевые слова: творчество; поэзия; острентивность.

Keywords: creativity; poetry; ostentivnost.

Вопрос о статусе поэтического творчества в истории философии является одним из самых значимых и актуальных. В эстетических исследованиях в эпоху немецкой классической философии, в рамках которой происходила концептуализация и литификация представлений о роли художественного творчества, как формы воплощения и постижения истинно-сущего, особенно активно дискутировался вопрос о статусе искусства как такового, и связи философии с искусством и поэтическим творчеством в частности. XIX век породил несколько интересных «пророчеств» относительно дальнейшего развития философской мысли: Шеллинг в «Философии искусства» писал о том, что связь философии и поэзии в грядущем будет столь органична, что философия переродится в «поэтическую философию или философскую поэзию» [7, с. 267]. Русская философия, в лице В.С. Соловьева, подхватила данное предсказание и в работе «Философское начало цельного знания», мыслитель упомянул о том, что в конечном итоге «истина переместится в сферу эстетическую» [5, с. 358].

Действительно, согласно прогнозу великих классиков, XX век был отмечен пристальным вниманием к эстетическим конструктам, выражавшимся в эссеизации, метафоризации и поэтизации философских текстов. Двадцатый век тяготел к альтернативным способам постижения бытия, а поэзия в данном случае толковалась, как один из возможных синтетических способов воплощения истин сущего. Таким образом, несомненным является тот факт, что ввиду филиации идей в истории философии неоднократно обсуждался вопрос о статусе поэтического творчества, и спектр суждений по данной тематике был весьма разнообразен и широк — от ярко негативного отношения к «поэтическому» и поэзии до одобрительных и даже восторженных взглядов.

Негативное отношение к «поэтическому» базировалось на формально-содержательном анализе поэзии с позиции решения гносеологических проблем. Философами ставились вопросы: что может дать поэзия в деле познания истины? Предлагает ли она, какие либо механизмы для её постижения? Истины, полученные посредством поэтических прозрений, обладают ли статусом «научной» достоверности? Вообще, применимы ли к поэтическому тексту принципы «объективности традиционной научности»? Насколько «поэтическое» обладает дефинитивной определенностью? Наконец, как возможен анализ поэтического текста?

Античность, как правило, давала отрицательный ответ на поставленные вопросы. Поэтическое творчество признавалось актом бессознательным, совершающимся по вдохновению, которое сродни безумию (Платон), бессмысленным удвоением природы (как и искусство

вообще), а стало быть, как способ постижения истинно-сущего, поэзия мыслилась, как играющая всего лишь вспомогательную роль в познавательном процессе. Нет, поэтическое не ущемлялось как самостоятельная форма мировидения, Аристотель в «Поэтике» писал о значимости «поэтического», как содержащего в себе «более философского и серьезного элемента, чем история», так как поэзия «представляет более общее, а история — частное» [1, с. 1078]. Однако о поэзии — как форме постижения сущего, а не просто дескрипции бытия, как о важнейшем когнитивном феномене, речь не шла.

Данная позиция сохранялась достаточно долго, и в дальнейшем, в истории философии вылилась в попытку представить поэтическое творчество как выполняющее только острентивную (иллюстрирующую) роль. Иными словами, признавалось, что поэзия только в наглядно-образной форме иллюстрирует идею, а стало быть, самостоятельного статуса, и тем более познавательного, не имеет. Именно в этом смысле Боккаччо в эпоху Возрождения писал о том, что злопыхатели называют поэтов только лишь «обезьянами философов», так как те изображают всеобщее «в форме чувственного наличного бытия» [8, с. 134]. Вследствие данного подхода в эпоху ренессанса распространилось представление о том, что поэтическое, как и поэзия как таковая, есть особое «языковое украшение», «прекрасный» компонент языка, но не более того.

Позитивное отношение к поэтическому творчеству, без преувеличения можно сказать, стало крепнуть во времена немецкой классической философии, когда был признан её особый когнитивный статус. Поэзия стала восприниматься, как особая специфическая мыслительная деятельность, имеющая огромную семантическую нагрузку. Не будучи просто иллюстрацией, было признано, что поэзия в состоянии повышать эффективность понимания субъектом концептуального содержания философского текста, идеи, благодаря образности поэтических конструктов. Поэзия и поэтическое мыслилось не научным мировидением, не строго логическим, достоверным и последовательным описанием бытия, однако искусство и поэтическое творчество понималось как способ постижения истинно-сущего.

Исторически сложилось так, что в ходе анализа поэзии, как собственно и любого эстетического феномена, особое внимание уделялось форме и содержанию. Вследствие этого, изыскания философов в области поэтического творчества в период «пост немецкой классики» условно разделилось на две линии. Во-первых, исследование формы поэтического творчества — то есть суггестивного языка поэзии, поэтического языка. Во-вторых, исследование содержания

поэзии — то есть наличие определенных архетипов, идей и тем поэтического творчества как такового.

Касательно первого вопроса следует отметить то, что поэтический язык всегда привлекал философов своей необычностью, и в качестве специфичности поэзии признавалась ее образность, символичность и метафоричность. О поэзии как «изысканном языке» [8, с. 285] писал Дж. Боккаччо, С. Кольридж о «лучшем порядке» в подборе поэтических слов, А. Потебня о поэзии, как «особой форме речи» [8, с. 149], а Ф. Шеллинг подытоживал тем, что именно поэты организуют речь в «нечто совершенно целое» [7, с. 187].

И действительно, когда мы говорим о форме поэтического творчества возникает целый ряд сложностей. В формировании понятия поэтического языка, как правило, участвуют оппозиции стих — проза, поэтическое и прозаическое. Стих и проза мыслятся в данном случае, как две равноправные, системно противопоставленные и взаимодополнительные, равно необходимые социуму формы речи. Это две системы художественной речи, или два основных типа художественного мышления вопрос о сосуществовании которых возник еще в период становления литературы. Представляя собой два типа выразительности, проза и поэзия, вместе с тем, всегда имели неустойчивую и размытую границу, особенно, если принимать во внимание такой феномен, как верлибр, где особенно заметен свободный размер, неровные строчки, без рифм, длинные фразы, странная расстановка слов, естественный порядок которых, словно нарочно, сбит и перемешан. Ярким примером отрицания подобных проявлений формы в поэтическом тексте стал французский унизм (М.А. Лившиц) — где верлибр, как и классический размер не признавался, как не признавались в поэтическом тексте ни аллегории, ни символы. В конечном итоге, мы можем констатировать, что в современной эстетике, отечественном литературоведении и стиховедении, благодаря деятельности А.А. Потебни, Ю.М. Лотмана, Ю.Н. Тынянова, М.Л. Гаспарова, наметилась тенденция рассматривать поэзию и прозу не только с точки зрения их «дифференциации», но как две динамические составляющие одного системного единства [4, с. 165].

Говоря о форме поэтического творчества, не менее существенной проблемой эстетической мысли остается определение самобытных и оригинальных черт поэтического языка, которые не только подчеркнули бы его значимость, но и выделили его как форму речи в сравнении с прозаическим. Однако, как свидетельствуют представители русской лингвистики А.А. Потебня, Ю.М. Лотман, Е.М. Вольф, Г.Г. Шпет, чьи работы определили движение русской мысли в анализе и критике художественно-эстетических направлений

XX века, вовсе не выявляют специфику поэтического языка — и «презупция графической упорядоченности», и интонационно-декламационный характер поэтического текста, и «эмоциональность», и «образность» и «недоговоренность», как его атрибуты. Все перечисленные черты присущи и прозаической речи. Кроме того, существенным элементом отличия поэзии от прозы считался ритм (Ю.Н. Тынянов). Бытовало мнение, что «ритм прозы» функционально далек от «ритма стиха» и они уживаются, как абсолютно разные явления. Вместе с тем, давно признанным фактом является то, что любая речь, как поэтическая, так и прозаическая — ритмична, хотя именно в поэзии ритм помогает выработать «понимательный конструкт» (А.В. Михайлов), благодаря которому мы получаем возможность проникнуть в особый замысел автора, улавливая таинственные нюансы содержания.

Касательно смысловой составляющей поэтического текста всегда был продуктивен философско-эстетический анализ на предмет обнаружения ценностей и идей, воплощенных в стихотворении. Несомненно, интересным является опыт психоаналитической традиции с выявлением архетипов и мифологических сюжетов в поэтическом творчестве, содержательный анализ «четырёх историй» [2, с. 318] в литературе, и их своеобразных модификаций в поле художественного творчества. Вместе с тем, философы, в частности один из основателей русской философской и эстетической критики В.С. Соловьев в целом ряде работ упоминает о важности поиска новых форм семантического анализа и выявления явных «недочетов» и «перегибов» в поле поэтических текстов. Русский философ в своих работах «Общий смысл искусства» и «Первый шаг к положительной эстетике» писал о том, что всегда существует опасность ухода в две недопустимых крайности: дидактичность и излишнюю субъективность [6, с. 420].

Дидактика в поэзии («мертвая суша» отвлеченной дидактики» [6, с. 421]) — это ситуация, когда логическое основание доминирует над выразительными средствами, перевешивает образность и символичность, тогда читатель, реципиент получает сухой и скучный научный трактат, написанный даже не просто в стихах, а написанный в рифму (полное отрицание поэтического языка). В.С. Соловьев в работах «О лирической поэзии» и «Иллюзия поэтического творчества» настойчиво напоминает о том, что излишняя субъективность — тоже отрицательный компонент поэтического текста, так как не всякое чувство и не всякая фантазия могут явиться формообразующим элементом поэзии: «...субъективные состояния как таковые вообще не допускают поэтического выражения, чтобы можно

было их облечь в определенную форму, нужно, чтобы они стали предметом мысли» [6, с. 399]. Своим рождением поэтический образ, без сомнения, обязан личным отношением поэта к предмету, личной страстью, однако В.С. Соловьев полагал, что в лирике интересно чувство не как изъявление чистой субъективности, но только как получающее объективное воплощение чувство. Истинным же положительным началом поэтического творчества, является такое субъективное чувство, которое стремится закрепить своё непосредственное состояние с объективным выражением [6, с. 322].

Резюмируя сказанное, можно сделать вывод о том, что «поэтическое» в истории философии прошло очень сложный путь от отрицания познавательной ценности к признанию не только эстетической, но и когнитивной ценности поэтического, что вовсе не нивелировало целый ряд проблем связанных с анализом поэтического текста, как такового. Сегодня следует констатировать тот факт, что единого подхода к его анализу все еще не выработано. В современной философско-эстетической «практике» существует чисто языковой подход, предполагающий рассмотрение на фонетическом, синтаксическом, лексическом уровнях феномена «поэтического»; либо сугубо литературоведческий подход, предполагающий анализ композиции, сюжета и мотива. Данные подходы по-своему оригинальны, и интересны, но раскрывают зачастую только лишь одну из сторон исследуемого явления. Существующие подходы не дают представление о «стихотворении как о едином целом», завершенном произведении, которое по своей сути самодостаточно и гармонично (Ю.М. Лотман). Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что значимым и продуктивным является путь анализа поэтического (в том числе и его статуса), как многоплановой системы, где формальное и семантическое пребывают в целостном единстве, то есть в «совершенной слитности содержания и словесного выражения» [6, с. 134].

Список литературы:

1. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Минск: Литература, 1998. — С. 1112
2. Борхес Х.Л. Проза разных лет М., 1984. — 320 с.
3. Лосев А.Ф. Вл. Соловьев и его время. М., 2009. — 617 с.
4. Потебня А.А. Слово и миф М., 1989. — 624 с.
5. Соловьев В.С. Философское начало цельного знания. Мн.: Харвест, 1999 — 912 с.

6. Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. М., 1991. — 701 с.
7. Шеллинг Ф.В.Й. Философия искусства. М.: Мысль, 1966. — 496 с.
8. Эстетика Ренессанса в 2 тт. Составитель Шестаков В.П. М, 1981. — 1687 с

3.3. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

МЕТОДОЛОГИЯ ФИЛОСОФИИ В ТЕХНОИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ: УНИВЕРСАЛИЗМ И ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ КРУГ

Карпенко Виталий Евгеньевич

*канд. филос. наук, доцент, Сумской государственной
педагогической университет имени А.С. Макаренко,
г. Сумы*

E-mail: v_k@ukr.net

Сумченко Светлана Владимировна

*канд. филос. наук, доцент, Сумской государственной
педагогической университет имени А.С. Макаренко,
г. Сумы*

E-mail: Lucky-sveta@mail.ru

THE METHODOLOGY OF PHILOSOPHY IN TECHNOINTELLIGENCE SOCIETY: UNIVERSALISM AND HERMENEUTIC CIRCLE

Karpenko Vitaliy

*candidate of Philosophical Sciences, assistant professor,
Sumy State Pedagogical University named after A. S. Makarenko, Sumy*

Sumchenko Svetlana

*candidate of Philosophical Sciences, assistant professor,
Sumy State Pedagogical University named after A. S. Makarenko, Sumy*

АННОТАЦИЯ

Обосновывается точка зрения, что упрощение картины мира в сознании современного философа за счет «нефилософских знаний» не всегда является методологически оправданным. Путь к решению проблемы заключается в попытках практической реализации принципа философско-герменевтического универсализма исследователя.

Современные техноинтеллектуальные средства предоставляют качественно новые возможности для применения данного принципа.

ABSTRACT

It is grounded, that simplification of the picture of the world in consciousness of a contemporary philosopher at the cost of “nonphilosophic” knowledge is not always methodologically justified. The way of overcoming the problem lies in the attempts of practical realization of an investigator’s philosophic-hermeneutic universality principle. Modern technointelligence means give qualitatively new opportunities of applying this principle.

Ключевые слова: методология, философское исследование, универсализм, герменевтический круг, техноинтеллект.

Key words: methodology, philosophic investigation, universalism, hermeneutic circle, technointelligence.

Техноинтеллектуальные артефакты на современном этапе цивилизационного развития человечества инициируют глубинные трансформации во всех сферах бытия планетарной цивилизации, поскольку способны кардинально влиять на процессы самоорганизации сложных систем, особенно социокультурных. Эти процессы непосредственно затрагивают самого человека, трансформируя его образ жизни, систему ценностей, познавательные возможности.

Ежеминутно пользователи дигитальных технологий привносят в духовную сферу человечества беспрецедентные массивы аудио-, видео- и текстуализированной информации, экспериментальных данных, научных и ненаучных (художественных, игровых, вненаучных, религиозных, мифологических, обыденно-практических) знаний. В своеобразных «дебрях» подобного рода культурных артефактов (в нашем контексте, точнее, функциональных социофактов), хранящихся в планетарных электронных сетях библио-, фоно- и видеотек, вряд ли найдем исследователя, который бы мог четко ориентироваться в них. По мнению В.С. Лукьянца, «всем этим и объясняется существенное уменьшение количества авторов, которых сегодня важно знать как личность» [6, с. 39]. Кажется, понимание универсализма как разносторонности, энциклопедичности, «тотальности» знания («владения разносторонними знаниями, сведениями, навыками» [2, с. 601]) одного человека, одного исследователя уходит в историю. Анализ термина «универсализм» в контексте современной философии обнаруживает актуализацию других его значений.

Специализация набирает обороты, между прочим и в философии, что изначально было для нее наименее характерным. Так, для

философов Древней Греции проблемы возможности знаниевого универсализма исследователя и методологического потенциала такого универсализма при осмыслении мира по сути не существовало. С одной стороны, еще не произошло разграничение философии и частных наук в современном понимании. С другой стороны, общий массив информации, накопленной человечеством, еще был относительно невелик. Несмотря на постепенную трансформацию ситуации, еще И. Кант гармонично сочетал всесторонний философский охват разумом мира не просто с экстенсивным анализом отдельных фактов и первичных эмпирических обобщений различных отраслей нефилософского знания, но и с осуществлением открытий в области частных наук. Но с XIX в. ситуация начинает кардинально меняться. А в XX в. эти изменения становятся настолько существенными, что ряд философов начинает предостерегать коллег от чрезмерной специализации (как внутри самой философии, так и с точки зрения связей философии с другими отраслями знания), которая может деструктивно сказываться на их концепциях, мешать всестороннему осмыслению мира. В XX—XXI вв. в основном даже те, кто являются специалистами не только в области философии, но и специалистами в определенных частных науках, имеют относительно узкую сферу исследовательских интересов по сравнению с философами прошлого.

В 1953 г. К. Ясперс завершил свою «Философскую автобиографию», в которой им сказано: «...в жизненной действительности нет ничего, что не имело бы отношения к философии...» [15, с. 19]. Также особый интерес представляет то, что в 1958 г. постпозитивист К.Р. Поппер констатировал угрозу превращения философии науки в моду, специализацию. В этом контексте он заметил: «философу не следует быть узким специалистом. ... я интересуюсь наукой и философией только потому, что хочу нечто узнать о загадке мира, в котором мы живем, и о загадке человеческого знания об этом мире. И я верю, что только возрождение интереса к этим загадкам может спасти науки и философию от узкой специализации...» [7, с. 44—45]. На заявленную в теме статьи проблему универсализма, по нашему мнению, прямо выводит и «понимание философии как рефлексии над универсалиями культуры» [10, с. 199] — культуры в широком смысле. Также считаем, что предостерегает от неуместной специализации и «неопределенность предмета и пределов собственно философии» [1, с. 21].

Однако до сих пор не были четко сформулированы ни основные методологические недостатки специализации, ни проанализированы реальные перспективы ее возможной альтернативы в условиях усложнения структуры человеческого знания и новой эпистемологической ситуации в техноинтеллектуальном обществе. Общеизвестным

является то, что философы в основном ограничивались указанием на конкретные области знания, которые упускают их оппоненты. Соответственно, задачей статьи становится анализ методологического потенциала универсализма (в обсуждаемом значении) в философском исследовании в условиях техноинтеллектуального общества.

Комплекс задач всего многообразия философских исследований логично интегрируется в единой цели — целостном осмыслении мира. На пути к ней философы эксплицируют всеобщие принципы бытия, универсальные закономерности развития и т. п. Но понятно, что реализация этой цели, как синтез результатов многих философских учений и научных теорий, не происходит сама по себе. Такой синтез является делом субъекта — конкретного философа. Однако общим местом является то, что современные философские учения развиваются с использованием в той или иной степени трудов философов-предшественников (принцип преемственности). Широкое распространение получило и очное сотрудничество, в частности, в виде соавторства. Так почему же мы ставим акцент на философе в единственном числе?

В этом контексте обратим внимание на слова Ж. Делеза и Ф. Гваттари (для их понимания следует вспомнить, что эти мыслители определяли философию как познание посредством чистых концептов): «философия не обретает окончательного прибежища и в коммуникации... Идея дружеской беседы в духе западной демократии никогда не производила ни малейшего концепта; она, может, и берет свое начало у греков, да только сами греки настолько ей не доверяли ... у них концепт звучал скорее одиноким голосом птицы, парящий над полем сражения и останками уничтоженных мнений (пьяных гостей на пиру)» [3, с. 15—16]. Несколько сужая их мысль, заметим: в нашем исследовании определяющим является то, что для целостного осмысления мира специфическая картина последнего должна сложиться в сознании конкретного субъекта философствования, отдельной личности. Как отмечал К. Ясперс касательно истории философии, «...для самой философии необходимо постижение всей ее истории в целом, а осуществить это может ... только один мыслитель, одна голова...» [15, с. 136—137]. Мыслитель должен охватить разумом картину мира для того, чтобы взаимосогласовать ее компоненты. То есть философ осуществляет синтез существенных для структуры его картины мира учений, теорий, их результатов. Важным также является обоснование философом (в первую очередь для себя самого) процедур отделения существенного от несущественного.

Историческое выделение многочисленных наук из состава философского знания, разветвление структуры современного философского знания как такового, специализация философов привели к сокращению круга учений и теорий, которые признаются существенными для обсуждаемого синтеза. Из предмета рассмотрения исключают многочисленные теории и учения, пытаясь компенсировать это осмыслением теорий и учений более высокого уровня обобщения, построенных на их основе. Этот прием позволяет распределить работу между исследователями, что является обязательным, учитывая невозможность для одного ученого овладеть сколько-нибудь количественно существенной долей всего массива научного знания (ныне практически каждые 10 лет общий объем научной информации удваивается, а современная наука насчитывает более 15 тысяч дисциплин [4, с. 263]). То есть методологическая оправданность подменяется аргументом практической невозможности овладения отдельным исследователем определенным объемом информации.

Ускоряя и просто вообще делая возможным развитие философского знания в современную эпоху, такой подход одновременно содержит в себе существенные методологические недостатки. В частности, современная наука характеризуется многочисленными аномалиями, конкурирующими теориями и т. д. С трансцендированием на каждую иерархически высшую теоретическую ступень часто теряется неоднозначность (если таковая имеет место) познавательной ситуации в конкретной области знания, поскольку, например, аномалии могут отбрасываться как несущественные, конкурирующие теории сводиться к общему знаменателю или в основу теории более высокого уровня обобщения кладут наиболее вероятные из них. Итак, картина мира философа с неизбежностью оказывается упрощенной и такое упрощение далеко не во всех отношениях является оправданным. Так, сопоставление теорий низших уровней сквозь призму общей панорамы картины мира вероятно помогло бы прояснить много дискуссионных вопросов, или хотя бы способствовало выдвиганию и обоснованию новых гипотез. Безусловно, среди результатов обсуждаемого упрощения можно назвать такие односторонние трактовки мира как пандиалектизм, панматематизм, пансинергетизм т. п. В целом, по нашему мнению, общая философская картина мира, с одной стороны, и совокупность учений и теорий низших уровней обобщения, с другой стороны, соотносятся по принципу герменевтического круга.

Итак, может ли важный путь смягчения остроты проблемы заключаться в применении методологического принципа философско-герменевтического («герменевтический» от «герменевтический круг»),

«мир как текст», «философская герменевтика») универсализма исследователя? То есть в современной философии, наряду со стремлением к элиминации несущественного из универсального синтеза (применение такого подхода в большинстве случаев можно считать обоснованным), является ли целесообразным поощрение отдельных философов к обратным действиям? Речь идет об одновременном углублении в подробности многочисленных сфер знаний, однако, конечно, не как конкретно-научные специалисты, но осмысливая их сквозь призму общей панорамы картины мира. Такой знаниевый универсализм для конкретного исследователя, разумеется, можно истолковать только как суператтрактор, в стремлении к которому философы будут совершенствовать свои учения, а не как конкретную финальную цель, концептуализацию аттрактора.

Так, уже в преклонном возрасте К. Ясперс отмечал: «я стремился понять, что люди знают научно, как они получают и обосновывают это знание — хотя и не слишком преуспел в этом стремлении. Это стремление сохранилось у меня до сих пор, правда, в последние годы оно удовлетворяется только за счет чтения научных статей почти из всех областей науки» [15, с. 48]. Конечно, построение грандиозных обобщений будет делом отдельных энтузиастов. Но вряд ли таких философских учений нужно много. Да они никогда и не были многочисленными в истории философии.

Так, одна из последних «до техноинтеллектуальных» попыток реализации принципа философско-герменевтического универсализма была осуществлена О. Шпенглером (1880—1936 гг.). Для создания своего учения он привлек по-настоящему энциклопедический массив данных. Для иллюстрации приведем лишь некоторые произвольно взятые примеры: биология, палеонтология [13, с. 40]; эзотерические аллюзии (в частности, «энергия формы» [13, с. 41]); экономика [13, с. 618]; живопись [12, с. 447]; история религии, теологии [13, с. 286—287]; этика [13, с. 352]; музыка [12, с. 389]; образование, воспитание [13, с. 546]; поэзия [13, с. 364]; политология, роль средств массовой информации для демократии [13, с. 610—611]; право, история права [13, с. 77—100]; скульптура [13, с. 72]; техника [13, с. 665]; физика [13, с. 661].

Автор ни в коем случае не является сторонником абсолютизации концепции О. Шпенглера. Так, примером присущих ей недостатков является значительное нивелирование фактора свободы как атрибута человека. Но в целом универсалистское исследование О. Шпенглера позволило ему не просто переосмыслить общую картину общественной жизни, но и (в полном соответствии с принципом системности)

подчеркнуть необходимость изменения трактовки ряда фактов отдельных наук ввиду того, как эти факты вписываются в его общую панораму. Именно в его учении ярко проявились методологические преимущества применения принципа философско-герменевтического универсализма.

Но мы показали ранее, почему философское сообщество стало на путь отказа от философско-герменевтического универсализма. Призыв к такому универсализму в определенном смысле противоречит объективной исторической тенденции. Так, выделение из философии многих областей знания отчасти является проявлением последней. Учитывая объем накопленной человечеством информации о мире, возвращение к древнегреческому образу философа невозможно. Тем не менее, раскроем ряд предпосылок, которые позволяют увидеть определенный методологический смысл, к теоретической экспликации которого автор обращался выше, в попытках (последние не будут и не могут быть исчерпывающими) такого возврата. Становление этих предпосылок приходится на наши дни и — в их полноте — обозримое будущее.

Речь идет о новой познавательной ситуации, которая начала складываться с разработкой средств техноинтеллекта. В техноинтеллектуальном обществе меняются способы получения научного знания, что связано с воздействием информационных технологий и компьютеров. Современные исследовательские задачи чрезвычайно сложны уже по своей постановке, так как требуют учета взаимозависимостей между огромным количеством параметров. При этом данные зависимости весьма и весьма разнообразны как по форме, так и по относительной значимости. Основу современных методов исследования составляет разработка средств преодоления и выражения новых видов сложности. Именно благодаря появлению компьютеров и их применению в научном познании появились реальные возможности и стали разрабатываться действенные методы постижения новых видов сложности, способы их анализа и выражения [9, с. 195—198], что может способствовать реализации принципа философско-герменевтического универсализма, выступая средством познания отдельных исследователей.

Влияние компьютеров на научное познание коснулось экспериментальных и теоретических его аспектов, что обусловлено исследованием преимущественно сложных и сложноорганизованных систем. В первую очередь, речь идет о процессах активной автоматизации. В экспериментальных исследованиях это предоставляет возможности значительного сокращения сроков проведения циклов экспериментального анализа и обработки результатов экспериментов. В наше время объект исследуется опосредованно — через компьютер.

На сегодняшний день проведение ряда экспериментов является невозможным без применения современной вычислительной техники (например, в исследованиях по генетике, нанохимии и других). В сфере теоретических исследований использование компьютеров способствует совершенствованию способов и форм теоретического воспроизведения действительности, оптимизации языка ее теоретического описания.

Трансформации подвергаются и формы взаимодействия экспериментальных и теоретических средств познания. В данном случае речь идет о развитии процессов вычисления. Их интенсивное использование обеспечивает решение все более сложного класса задач — нелинейных. Вычисления получают статус самостоятельного компонента научного метода, а диалог «человек-компьютер» становится элементом исследовательского процесса.

Важное значение в этом контексте приобретает математическое моделирование объектов и процессов, на которые направлена познавательная деятельность человека. Анализ экспериментальных данных зависит от вариаций начальных условий при расчете математических моделей, а разработка и уточнение базовых теоретических построений опираются на результаты соответствующих вычислительных процессов. При этом модели объекта познания отмежевываются от самого этого объекта, в результате чего возник так называемый вычислительный эксперимент. Появляются возможности формального моделирования, то есть разработка семиотических моделей. Современные компьютеры способны осуществлять и логические операции. Появилась инженерия знаний — наука о специфике функционирования информационных моделей на компьютере.

Современные модели чрезвычайно сложны, поскольку интегрируют значительное количество параметров и идею иерархии уровней внутреннего строения и организации. Модели характеризуют процессы функционирования, динамику объектов и их окружения. В них включаются высокоабстрактные идеализированные построения. Представление и восприятие в таких моделях эмоционально насыщены [5, с. 260—261].

Весьма интересным примером может служить возможность создания единой теории физических сил и взаимодействий, когда теория из «объективной» становится «проективной», то есть предполагает свое достраивание будущей практикой. Это можно проиллюстрировать на примере периодической таблицы химических элементов Д.И. Менделеева. Она построена на таких обобщениях атомных весов и химических свойств элементов, которые частично относятся к уже известным элементам, а частично — к тем, которые еще не были открыты (они символизируются пустыми клетками).

Также некоторые из элементов указанной таблицы вообще не присутствуют в природе в обычных физических условиях, но синтезируются искусственно. Так, например, атомы новых элементов 113 и 115, в 2003 г. полученные на ускорителе и существовавшие менее секунды, представляют собой необычную форму материи, которая по своим свойствам отличается от элементов, существующих на Земле. По мнению ученых, их синтез поможет создать единую теорию физических сил и взаимодействий [14, с. 24].

Итак, по нашему мнению, в основе облегчения, а зачастую и просто обретения возможности совершения обсуждаемых попыток реализации принципа философско-герменевтического универсализма лежит интенсификация разработки методологии компьютеринга. Как отмечает В.С. Лукьянец, в центре методологии компьютеринга стоят не инструментально-инженерные проблемы модернизации технопарка цифровых устройств, а проблемы научного познания Вселенной посредством интеллектуально-цифровых технологий, которые предоставляют человеку новый уровень свободы для личного развития, новый уровень качества жизни, возможность осваивать все богатства оцифрованного социокультурного наследия. С помощью дигитального способа текстообразования субъект компьютерных экспериментов может создавать и по своей воле изменять любые компьютерные модели, визуализирующие физические процессы таких миров, которые не доступны органам чувств человека и практически не поддаются исчислению с помощью человеческого рассудка. «Именно благодаря дигитальному способу создания текстов субъект научного познания приобретает новую когнитивную способность, именуемую ныне «компьютерным зрением». Используя эту способность, человек создает компьютеринг-модели, которые имитируют поведение галактик на краю нашей Вселенной, цепные реакции субъядерного мира сверхвысоких энергий, процессы, протекающие в недрах главной молекулы жизни — ДНК» [6, с. 40—41].

На этом акцентировал внимание также известный социальный аналитик Э. Тоффлер. Он указывал, что компьютер не только помогает нам организовать или синтезировать «крупницы информации» в когерентные модели реальности, но также далеко раздвигает границы возможного. Компьютер можно «попросить» «помыслить немислимое», он сделает возможным поток новых теорий, идей, идеологий, художественных озарений, технических прорывов, экономических и политических инноваций, которые до сих пор были в самом прямом смысле немислимыми и невообразимыми. Таким образом, он ускоряет процесс исторических изменений и поддерживает резкий сдвиг в сторону социального многообразия

Третьей волны [11, с. 297]. Перспективным является использование квантовых компьютеров, одним из главных применений которых станет моделирование квантовомеханических систем, которые являются слишком сложными для моделирования на классическом компьютере.

В частности, в последние двадцать лет компьютерные симуляции естественных процессов значительно облегчили сопоставление различных потенциальных форм жизни с земной реальностью, а тем самым расширили диапазон возможных обобщений. По словам биолога К. Лэнгтона, отца-основателя теории искусственной жизни, «...какую-либо закономерность можно обнаружить, лишь исследуя не просто существующий, но гораздо более широкий ряд возможных химических соединений. Закономерность имеется, но ее нельзя найти в том очень малом наборе явлений, которым природа первоначально снабдила нас. Искусственная жизнь, и вообще тот более широкий порядок, который я называю синтетической биологией, есть именно выход исследования за границы того, что происходит в природе» [Цит. по: 16, с. 199–200].

Практическим примером в нашем контексте служит т. н. «Живой симулятор Земли». Группа ученых из разных стран намерена создать симулятор, способный воспроизводить всё, что происходит на Земле, — от погоды и эпидемий до международных финансовых расчетов и заторов на дорогах. «Человечеству нужен «ускоритель знаний», который позволит сталкивать между собой не элементарные частицы, а различные области знания» [8, с. 8]. Таким образом, на основании этого и предыдущих примеров, видим, что с помощью высоких технологий даже один исследователь сможет охватывать разумом картины мира беспрецедентной сложности.

Итак, для современного этапа цивилизационного развития человечества характерно сближение техники и современных высоких наукоемких технологий с философией. Благодаря современным высоким технологиям стратегический ресурс человечества определяется не только в области преобразования вещества и энергии, но и возможными трансформациями на глубинных уровнях организации живого. Философия получает возможность не умозрительно, но действительно определять и изменять свойства мироздания. Современные сверттехнологии встречаются с философией у самих первоначал бытия, у тех истоков, которые всегда считались предметом метафизики. Возникает перспектива нового синтеза философии и техники — техносифия, которая теоретически осмысливает первоосновы и практически закладывает их в альтернативных видах материи, жизни и разума. Информационные, компьютерные технологии способствуют появлению новой синтетической мето-

логии, которая в состоянии преодолеть ограниченное понимание окружающего мира в результате изучения через отдельные элементы, и которая по-новому сочетает базовые компоненты бытия.

Обобщая, отметим, что в этом исследовании исходили из необходимости для целостного, философского осмысления мира формирования специфической картины последнего в сознании конкретного субъекта философствования, отдельной личности. Как мы показали, упрощение этой картины у современных философов не всегда является методологически оправданным, поскольку общая философская картина мира, с одной стороны, и совокупность учений и теорий низших уровней, с другой стороны, соотносятся по принципу герменевтического круга. Путь решения проблемы усматриваем в попытках применения в процессе исследований принципа философско-герменевтического универсализма исследователя, дальнейшее методологическое, общее гносеологическое обоснование которого может стать предметом отдельных исследований. Такой знаниевый универсализм для конкретного исследователя в методологии философии в условиях техноинтеллектуального общества, разумеется, следует истолковать не как конкретную финальную цель, концептуализацию аттрактора, а только как суператтрактор, в стремлении к которому философы будут совершенствовать свои учения. Такие попытки «объять необъятное» выходят на качественно новый уровень с появлением рассмотренных техноинтеллектуальных средств познания.

В современных условиях возникает необходимость создания синтетической философии, которая объединяла бы базовые компоненты бытия. Философия сейчас нуждается в синтетической методологии, которая позволила бы создавать онтологии виртуальных миров, метафизики других видов бытия и сознания, закладывать основания альтернативных вселенных. Речь идет о философии, которая будет играть ведущую роль в становлении техносреды эпохи высоких технологий. Проанализированный в статье методологический принцип должен стать одной из основ этого процесса. Разработка методологии компьютеринга, признание машинного моделирования как ведущего в структуре научного метода меняет видение мира, способствует реализации принципа философско-герменевтического универсализма.

Список литературы:

1. Бацевич Ф.С. Філософія мови. Історія лінгвофілософських учень / Флорій Сергійович Бацевич. — К.: Академія, 2008. — 240 с.
2. Булыко А.Н. Большой словарь иностранных слов. 35 тысяч слов / А.Н. Булыко. — М.: Мартин, 2006. — 704 с.
3. Делез Ж. Что такое философия? / Жиль Делез, Феликс Гваттари; пер. с фр. С.Н. Зенкина. — М., СПб.: Институт экспериментальной социологии, Алетея, 1998. — 288 с. — (Gallicinium).
4. Дулин П.Г. Потенциал духовных ценностей в консолидации украинского общества / Петр Георгиевич Дулин. — Николаев: ТОВ «Фирма Илион», 2009. — 370 с.
5. Жукова Е.А. Hi-Tech: феномен, функции, формы / Елена Анатольевна Жукова; под ред. И.В. Мелик-Гайказян. — Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2007. — 376 с.
6. Наука электронной эры: оновлення методології [відп. ред. В.С. Лук'янець]. — К.: ІФ НАНУ, 2012. — 300 с. — (Препринт).
7. Поппер К. Логика и рост научного знания: избранные работы / Карл Раймунд Поппер; пер. с англ. под общ. ред. В.Н. Садовского. — М.: Прогресс, 1983. — 605 с.
8. Проект «Живой симулятор Земли» // Открытия и гипотезы. — 2011. — № 2. — С. 8.
9. Сачков Ю.В. Развитие научного метода и виртуалистика / Ю.В. Сачков // Виртуалистика: экзистенциальные и эпистемологические аспекты. — М.: Прогресс-Традиция, 2004. — С. 186—207.
10. Степин В.С. Философия / Вячеслав Семенович Степин // Новая философская энциклопедия. — М., 2001. — Т. 4. — С. 195—200.
11. Тоффлер Э. Третья волна / Элвин Тоффлер; пер. с англ. и вступ. ст. П. Гуревича. — М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. — 784 с.
12. Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность / Освальд Шпенглер; пер. с нем. К.А. Свасьяна. — М.: Мысль, 1993. — 668 с.
13. Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы / Освальд Шпенглер; пер. с нем. С.Э. Борич. — Мн.: Попурри, 1999. — 720 с.
14. Эпштейн П. Техника — религия — гуманистика. Два размышления о духовном смысле научно-технического прогресса / П. Эпштейн // Вопросы философии. — 2009. — № 12. — С. 19—29.
15. Ясперс К. Философская автобиография / Карл Ясперс; пер. с нем. А.В. Перцева // Западная философия: итоги тысячелетия. — Екатеринбург, Бишкек: Деловая книга, Одиссей, 1997. — С. 19—152.
16. Horgan J. The End of Science: Facing the Limits of Knowledge in the Twilight of the Scientific Age / John Horgan. — NY: Broadway Books, 1997. — Pp. 1—200.

СЕКЦИЯ 4.

ИСТОРИЯ

4.1. ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

ВЛИЯНИЕ АФГАНСКИХ БЕЖЕНЦЕВ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ПАКИСТАНЕ В 80-Е ГГ. XX В.

Кулумбегов Мурман Мурадович

*старший преподаватель кафедры новой,
новейшей истории и исторической политологии Северо-Осетинского
государственного университета им. К.Л. Хетагурова,
г. Владикавказ*

E-mail: murmankulum@mail.ru

THE IMPACT OF THE AFGHAN REFUGEES ON THE SOCIAL AND ECONOMIC SITUATION IN PAKISTAN IN THE 80S OF THE XXTH CENTURY

Kulumbegov Murman

*senior Lecturer of the Department of Modern,
Contemporary History and Historical Political Science
of North-Ossetian State University after K.L. Khetagurov,
Vladikavkaz*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается социально-экономическое положение Пакистана в контексте влияния на него афганских беженцев. Выявляется ряд негативных моментов в жизнедеятельности пакистанского общества, вызванных значительным притоком в страну афганских беженцев, в частности: рост безработицы, рост наркомании и наркоторговли, увеличение незаконного оборота оружия.

ABSTRACT

The article deals with the social and economic situation of Pakistan in the context of the Afghan refugees' impact on it. The author reveals some negative aspects in the life of Pakistani society, caused by a significant influx of the Afghan refugees: increasing unemployment rate, drug addiction, drug-trafficking and illegal arms trafficking.

Ключевые слова: Пакистан, проблема беженцев, социальные и экономические проблемы, безработица, наркоторговля, незаконный оборот оружия, рост преступности.

Keywords: Pakistan, refugee problem, social and economic problems, unemployment, drug-trafficking, illegal arms trafficking, crime increasing.

Проблема беженцев является одной из сложных в мирном и безопасном развитии человечества на современном этапе. Войны, социальные конфликты, стихийные бедствия — вот главные причины появления беженцев, которые, спасая свою жизнь, покидают свою родину и ищут помощи в других странах. Проблема беженцев регулируется многими международными документами и международными организациями. Каждое государство старается оказать помощь данной категории людей. Однако, слишком большой поток беженцев является серьезной нагрузкой на принимающую их страну и способен даже дестабилизировать обстановку в ней.

События в Афганистане в последней трети XX в. вызвали нескончаемый поток беженцев, что стало причиной серьезных экономических и социальных проблем для соседнего Пакистана. Первая крупная группа беженцев запросила политического убежища в Пакистане в 1973 г., после свержения М. Даудом короля М. Захир Шаха. Это были около 2000 лоялистов-сторонников бывшего короля [4, p. 332]. С тех пор поток беженцев, являющихся в основном противниками существующего режима, не останавливался. После свержения М. Дауда в результате апрельского переворота 1978 г. и прихода к власти Народно-демократической партии Афганистана (НДПА) количество беженцев стало расти в более быстрых темпах. В результате, в июле 1978 г. на территории Пакистана находилось уже 124 тыс. беженцев [3, p. 381]. Попытки проведения НДПА радикальных преобразований встретили сопротивление населения. Начавшаяся гражданская война, с участием афганских исламских оппозиционных партий — с одной стороны и правительства НДПА и контингента советских войск — с другой, стали причиной массового исхода населения Афганистана в соседние страны, главным образом в Пакистан и Иран. Данные о количестве беженцев различны: так, в марте

1984 г. Саид Азхар, главный уполномоченный правительства Пакистана по афганским беженцам заявил, что официально на территории Пакистана зарегистрировано 2,9 млн. беженцев, которые размещены в 350 лагерях, расположенных в основном в Северо-Западной Пограничной провинции (СЗПП) и Белуджистане [6, р. 620]. И их число постепенно увеличивалось. В этих условиях, несмотря на помощь, направляемую из-за рубежа разными странами и международными организациями, основное экономическое бремя все же легло на бюджет Пакистана. По утверждению властей страны, они несли значительное бремя расходов на содержание беженцев — до 1 млн. долл. ежедневно [2, с. 173]. В то же время, расходы пакистанского правительства, выделяемые на содержание афганских беженцев, ограничивали возможности финансирования собственных программ для слаборазвитых областей, подобно Белуджистану, где к тому же была напряженная политическая обстановка, в прошлом не раз переходившая в вооруженные выступления. При этом белуджи критиковали центральное правительство за поддержку беженцев за их счет, и периодически выдвигали требования по их высылке из страны.

Прилив большого количества беженцев, вел к обострению социальных и экономических проблем Пакистана. Одной из острых проблем, особенно в СЗПП и Белуджистане, стала безработица. Огромное количество прибывшей из Афганистана дешевой рабочей силы, приводило к тому, что работодатели предпочитали афганцев, чем пакистанцев, требующих более высокой оплаты за свой труд. Это приводило к росту безработицы среди местного населения и, соответственно, их недовольству. Другой причиной их недовольства являлось то обстоятельство, что много беженцев прибывало вместе со скотом. В результате вспыхивали стычки между ними и местным населением за пастбища, земельные участки, нередко с использованием оружия, что приводило к человеческим жертвам. Использование в качестве топлива в основном дров, вело к вырубанию лесов, из-за чего наносился значительный ущерб экологии страны.

Важной социальной проблемой, также обострившейся в результате афганского конфликта, стала проблема наркомании. Хотя опий никогда не выращивался в Пакистане в особо крупных масштабах, тем не менее, усилиями Зия уль-Хака урожай опия с 800 тонн в 1979 г. к 1984 г. был снижен до 45 тонн. [4, р. 335]. Однако это сокращение стало восполняться поставками опия из Афганистана, где производство опионого мака в условиях гражданской войны с каждым годом увеличивалось, являясь одним из источников средств для афганских оппозиционных организаций. Так, объем производства опия в Афганистане возрос с 270 до 800 тонн. [1, с. 176].

До Исламской революции в Иране, большая часть урожая мака экспортировался из Афганистана через иранскую территорию. Однако с приходом к власти нового режима экспорт в Иран и использование его территории в качестве транзитного пути практически прекратился. С исчезновением иранского в качестве главного рынка сбыта и транзитным коридором стал Пакистан. На приграничных территориях между Афганистаном и Пакистаном стали создаваться лаборатории по производству более выгодного для экспорта продукта опия — героина. Несмотря на то, что основная масса героина шла за границу на Запад, побочным явлением стало массовое увеличение количества наркоманов-потребителей героина среди пакистанцев. Так в 1982 г. из 1,3 млн. наркоманов в Пакистане примерно 100 тыс. имели героиноую зависимость. В 1986 г. их число превысило 450 тыс., а в 1987 г. из 1901225 официально зарегистрированных наркоманов 657842 являлись героиновыми [4, р. 336]. Несмотря на серьезные усилия правительства по борьбе с данной проблемой, число наркоманов устойчиво увеличивалось вследствие доступности наркотического зелья на местных рынках и относительно недорогой цены на нее.

Другим побочным явлением в Пакистане в результате притока беженцев стал рост преступности с участием последних. Одной из причин данного явления — наличие в значительных количествах огнестрельного оружия у них, а также рост незаконной торговли оружием и боеприпасами. Огромное количество оружия, поставляемое Центральным Разведывательным Управлением (ЦРУ) через Пакистан афганским моджахедам зачастую не доходило до адресата, а попадало на черный рынок, чему способствовали как пакистанские чиновники, так и афганские полевые командиры. В результате, обвиняя ЦРУ в неумелой организации поставок вооружений и их распределении, американские Конгрессмены заявляли, что 40 % поставок оружия были «слиты» коррумпированными чиновниками, афганскими лидерами и самими моджахедами [4, р. 336].

Таким образом, потоки беженцев довольно часто становятся проблемой для соседних стран. Их значительное количество способно вызвать целый ряд социальных и экономических проблем для принимающей страны. И присутствие афганских беженцев на территории соседнего Пакистана — наглядное тому подтверждение.

Список литературы:

1. Жмуйда И. Экономическое развитие в 1987/88 г. и влияние войны в Афганистане на экономику Пакистана // Специальный бюллетень ИВ АН СССР. 1990 № 3. — 195 с.
2. Хаким Отман. Афгано-пакистанские отношения после апрельской революции. Дисс... канд. ист. наук. М., 1987. — 214 с.

3. Anees Jillani. Pak-Afghan Relations, 1958-1988 // Readings in Pakistan Foreign Policy, 1971—1998 / Ed. By Ali M. — Oxford: Oxford Univ. press. 2001, XIX. — P. 245.
4. Pervaiz Iqbal Cheema. Impact of the Afghan War on Pakistan // Readings in Pakistan Foreign Policy, 1971—1998 / Ed. By Ali M. — Oxford: Oxford Univ. press. 2001, XIX. — P. 322.
5. Singh U. Pakistan's Perception about Afghanistan // Afghanistan: Geneva Accord and After. - Indian Centre for Regional Affairs. New Delhi, 1988. P. 173.
6. Zonis M. Middle East Responses // Orbis. — Philadelphia, 1987. — Vol. 30, № 4. — P. 616.

АРАБСКИЙ ВОСТОК И ВЕЛИКОБРИТАНИЯ: ПРИНЦИПЫ СОСУЩЕСТВОВАНИЯ

Чикаидзе Циснами Михайловна

*канд. ист. наук, доцент СОГУ,
г. Владикавказ*

E-mail: tsisnamy@mail.ru

ARAB EAST AND GREAT BRITAIN: PRINCIPLES OF COEXISTENCE

Chikaidze Tsisnamy

*candidate of historical sciences,
associate professor of North- Ossetian State University,
Vladikavkaz*

АННОТАЦИЯ

Геополитические интересы Великобритании в первой трети XX века, отразились на ее внешнеполитическом курсе в ближневосточном регионе, где с распадом Османской империи в новых политических границах формировались обособленные друг от друга арабские государства

ABSTRACT

Geopolitical interests of Great Britain in the first third of the XX century were reflected in its foreign policy in Near-Eastern region,

where with disintegration of Ottoman Empire In the new political boundaries were formed separate from each other Arab states

Ключевые слова: ближневосточный регион; Сирия; британская стратегия.

Keywords: Middle East region; Syria; British strategy.

В начале XX столетия Великобритания умело сочетала укрепление позиций британского капитала в ближневосточном регионе с поддержкой Османской империи, призванной играть роль гаранта сохранения британского влияния на Ближнем и Среднем Востоке. По территории и демографическому весу арабский мир был сильнейшей частью Порты. Между тем, арабские административно-территориальные единицы (вилайеты) не имели реальной самостоятельности, не принимали участия в определении внутренней и внешней политики империи. Определенную роль в активизации арабских националистов сыграла младотурецкая революция 1908 г.: арабы увидели, как зашаталась некогда могущественная империя. Взятый младотурками курс на тюркизацию ущемлял права арабов и заставлял определенную их часть добиваться равных с турками прав [4, с. 177]. Радикальный поворот произошел с началом Первой мировой войны. В этот период тайные контакты между арабскими организациями достигли наибольшей интенсивности. Вскоре произошел окончательный разрыв между арабскими националистами и Стамбулом. В антитурецкой войне, начавшейся с так называемого «Великого арабского восстания в пустыне» 10 июня 1916 г. под руководством «шерифа» Мекки Хусейна аль-Хашими, в планы которого входило создание огромного арабского государства. В восстании участвовали сирийские, иракские националисты, деятели общества «Аль-Ахд», провозгласив своей целью освобождение арабов, обретение ими независимости путем отделения от Османского государства. Выступление арабов привлекло внимание союзных держав. В Лондоне нуждались в союзнике в турецком тылу, что и предопределило официальную поддержку со стороны британского правительства. Тот факт, что арабы-мусульмане выступили с оружием в руках против халифа — турецкого султана, на стороне «неверных» — англичан, нанес сильнейший удар по панисламизму, продемонстрировав торжество идеи национальной независимости. Новому движению во главе с шерифом Хусейном при участии англичан удалось освободить от турецкого владычества значительную часть арабских земель в Палестине, Иордании, Сирии, Ливане, Ираке, на Аравийском полуострове. Престол будущего

арабского государства, которое объединило бы Сирию (включая Палестину и Ливан), Ирак и земли Аравийского полуострова англичане пообещали сыну Хусейна — Фейсалу. Позднее, в марте 1921 г. Лоуренсу удалось убедить Черчилля посадить на трон Ирака изгнанного из Сирии французами Фейсала. Арабские территории планировалось поделить в соответствии с заключенным в 1916 г. соглашением Сайкс-Пико и декларацией Бальфура (1917 г.). Согласно им Франция получала западную часть Сирии, Ливан, Киликию и юго-восточную часть Анатолии; Англия овладевала — южной и средней частью Ирака, портами Хайфа и Акка в Палестине. Впоследствии премьер-министр Франции Ж. Клемансо дал согласие на модификацию соглашения Сайкс-Пико за счет «уступки» Англии Мосула и Палестины [8, с. 79]. Продолжая уверенно вести свою внешнеполитическую деятельность в регионе, в июне 1918 г. правительство Великобритании опубликовало «Декларацию к семерке», в котором Ближний и Средний Восток делился на 4 зоны. За первой и второй зонами Англия признавала полную независимость и арабский суверенитет (Аравийский полуостров от Адена до Акабы), соглашаясь применить «принцип согласия подчиненных» в том, что касалось устройства власти в третьей зоне, включавшей в себя Ирак и Палестину. В четвертой зоне (часть Сирии и Мосул в Ираке) Великобритания активно пропагандировала идею освобождения от османского гнета. С помощью указанной декларации Англия рассчитывала завоевать симпатии арабов и рассеять их сомнения относительно истинных целей своей политики. Примечательно, что в Лондоне не сомневались, что арабы будут поддерживать их ближневосточную политику, в надежде в скором времени обрести полную независимость [7, с. 121]. Несмотря на оказанное арабами содействие Великобритании в Первой мировой войне, им не приходилось рассчитывать на долгожданную свободу, поскольку им навязывалась «логика» силы и оккупации, уделом были мандатный режим и раздробленность. Повстанцы боролись с турками вплоть до подписания Турцией 30 октября 1918 г. Мудросского перемирия и ее выхода из войны в качестве проигравшей стороны. Образовавшийся идеологический вакуум на арабских территориях был заполнен арабской националистической идеей. Большая часть арабской аристократии, являвшаяся сторонницей османизма, переориентировалась на арабский национализм [4, с. 178].

В историческом контексте образование многих современных арабских государств являлось результатом распада Османской империи на составные части. Крушение турецкого господства стало результатом ослабления империи под давлением западных держав,

которые стремились получить контроль над её владениями, а также ростом национально-освободительного движения. Переход арабского мира из состояния культурного упадка в состояние политической раздробленности стало следствием осуществления договора Сайкс-Пико. Фактор военно-политического преобладания в регионе предоставил британскому правительству весомый аргумент в процессе формирования ближневосточного ландшафта. Задача стратегического укрепления позиций в зоне Суэцкого канала, обеспечение безопасности Индии являлись основными факторами, формировавшими британскую ближневосточную политику в межвоенный период. Экономическая составляющая сводилась к задаче сохранения контроля над нефтяными месторождениями Ирака, Ирана и обеспечение бесперебойных поставок нефти в метрополию. И все же в Лондоне вынуждены были сопоставлять стратегические интересы с экономическими возможностями. С 1921 г. Восточный департамент осуществлявший контроль над ближневосточными подмандатными территориями, к управлению стал привлекать и представителей арабских политических элит. Британская часть исторической Сирии — подмандатная территория Палестина была разделена на две части: территорию к западу от реки Иордан продолжали называть Палестиной, а к востоку — Трансиорданией, управление которой было предложено Абдаллаху — сыну бывшего турецкого шерифа Мекки. «Он не фанатичен, будет слушаться советов и имеет проанглийскую ориентацию» [9, с. 477]. Трансиордании отводилась роль своеобразного буфера и преграды против возможности французского проникновения из Сирии в Саудовскую Аравию и Палестину. Северная часть исторической Сирии стала называться французской подмандатной территорией Сирии и Ливан.

Стремление некоторых арабских лидеров попытаться объединить эти территории или же их часть, наложило определенный отпечаток на развитие ситуации в этом районе после Первой мировой войны. Движение за арабское единство, формировавшееся в эпоху ломки традиционных структур, было направлено на преобразование общества и носило в целом секуляристский характер. В основе его лежало сходство насущных проблем общественного развития арабских стран, общность языка и историческая близость арабских народов. Заявление министра колоний У. Черчилля, сделанное в 1921 г. о том, что в отношении арабской расы могут быть применены две политики: одна — держать арабов разделенными, другая — в попытке создать арабское государство, дружественное по отношению к Великобритании [5, с. 10], становилось лейтмотивом политики Великобритании на Арабском Востоке в последующий период.

Формирование хашимитских Ирака во главе с королем Фейсалом и Трансиордании, находившихся под мандатным управлением Великобритании, как и провозглашение независимости Хиджаза, оставшегося под контролем той же династии, становилось реальностью [4, с. 99—100]. Хотя в “Daily Mail” были против мандата, который обязывал Англию защищать Ирак, вести борьбу с многочисленными племенами Ибн Сауда, имея в тылу враждебное население Ирака [2, с. 10]. Определение южных границ Ирака и Трансиордании осложнялось как комплексом политических, этногеографических проблем, так и особенностями взаимоотношений Великобритании с Азизом ибн Саудом, испытывающим зависимость от финансовых субсидий Лондона. С официальным признанием Советской Россией 16 февраля 1926 г. правительства Ибн Сауда, он в свою очередь заверил, что «выражает полную готовность к отношениям с правительством, которые присущи дружественным державам» [1, с. 4]. В апреле 1927 г. Ибн Сауд принял титул короля Хиджаза, Неджда и присоединенных областей. В январе 1928 г. Ибн Сауд направил протест британскому резиденту в Персидском заливе, заявив, что снимает с себя ответственность за последствия, которые могут возникнуть в результате посылки карательных экспедиций в Неджд [2, с. 27]. В качестве ответной меры англичане подвергли бомбардировке недждийские города, направив в Персидский залив внушительную армаду своих ВМС. Оккупирована была и большая часть территории девяти спорных между Йеменом и Аденским протекторатом районов. Имам Яхья не склонен был мириться с подобным положением, намереваясь оказывать в течение долгого времени, хотя бы пассивное сопротивление Великобритании [2, с. 34]. В июле 1928 г. вернувшись с Ближнего Востока, полковник Джекоб, в “Morning Post” подверг критике политику английских властей в Йемене, состоящей в умышленно разжигаемой вражде и столкновениях между племенами, которые подавляются вооруженной силой. По мнению Джекоба, наилучшее средство сохранения мандатных прав Великобритании на Аравийском полуострове — это объединение Йемена под властью сильного правителя, дружественно настроенного к Англии [2, с. 3]. Дважды, в мае и в августе 1928 г. англичане направляли в Джидду на переговоры генерала Дж. Клейтона. По мере успехов в процессе объединения аравийских земель под своей властью Ибн Сауд стремился проводить самостоятельную внешнюю политику в отношении Великобритании и с хашимитскими монархиями.

Прохладными оставались отношения с Египтом, главным образом, в связи с игнорированием Каиром вакуфных претензий Мекки в размере ежегодных 20—25 тыс. эрдебов пшеницы. В апреле

1931 г. Мекку посетил иракский премьер Нури Саид, подписавший договор о дружбе английской яхте в Средиземном море [6, с. 22]. Азиз ибн Сауд шел на нормализацию отношений и урегулирование пограничных проблем с Ираком и Трансиорданией в обмен на признание Великобританией аннексии Хиджаза и заключение нового двухстороннего договора, расширяющего суверенитет Неджда. Причины же нежелания короля пойти на юридическое оформление отношений СССР связаны были нестабильной внутривосточной обстановкой и способностью Великобритании влиять на нее. Шаткость позиций саудовского монарха усугублялась истощением королевской казны. Мировой экономический кризис 1929—1932 гг. повлек за собой сокращение паломничества в Мекку — основного источника хиджазских доходов. В тот период любое территориальное образование, или группа элит региона в своей внешнеполитической деятельности должна была учитывать наличие интересов Великобритании.

Так выстроив свои взаимоотношения на формально равноправной договорной основе, Великобритания получила возможность в течение продолжительного периода осуществлять контроль за внешней политикой, финансами и оборонной сферой ближневосточных государств.

Список литературы:

1. Архив Внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 127. Оп. 1. П. 1. Д. 6. — 21 с.
2. АВП РФ. Ф/ 127. Оп. 1. Д. 17. П. 2. — 52 с.
3. Ат-Турки Маджид бен Абдель Азиз. Саудовско-российские отношения в глобальных и региональных процессах (1926—2004 гг.). М., 2005. — 416 с.
4. Ближний Восток: война и политика /под ред. Г.Г. Исаева и А.А. Сотниченко. М., 2010. — 278 с.
5. Луцкий В.Б. Лига арабских государств. М., 1946. — 28 с.
6. Назир Тюрякулов — полпред в королевстве Саудовская Аравия (1928—1935 гг.). Письма, дневники, отчеты. М., 2000. — 608 с.
7. Фомин А.М. Державы Антанты и Ближний Восток в 1918—1923 годах. // Новая и новейшая история. № 4, 2010. — 222 с.
8. Чикаидзе Ц.М. Политическое развитие Арабского Востока в первой четверти XX в. // Проблемы всеобщей истории и политологии: Сборник научных трудов. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2009. — 232 с.
9. Documents on British Foreign Policy 1919—1939. Series 1. Vol. 4. L., 1952. — 1024 p.

4.2. ЭТНОЛОГИЯ

ОСОБЕННОСТИ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ ЗАКАРПАТЦЕВ В РФ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА (РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Кичак Оксана Юрьевна

*аспирант кафедры истории Древнего мира
и Средних веков исторического факультета
ГВУЗ «Ужгородский национальный университет»,
г. Ужгород*

E-mail: sanchysja@yandex.ru

PECULIARITIES OF LABOUR MIGRATION OF TRANSCARPATHIAN LOCAL CITIZENS IN RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY (RESULTS OF THE FIELD STUDIES)

Kychak Oksana Yur'evna

*postgraduate Department of Ancient History and Medieval History
Department SHEE "Uzhgorod National University", city of Uzhhorod*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблеме трудовой миграции закарпатцев в Российской Федерации в начале XXI века. В ней на основе широкого круга полевых исследований освещаются основные черты местного зарабитчанства, в частности указывается на то, что в среде рабочих-иностранцев здесь образовались своего рода касты. В работе воспроизведен социальный портрет современного закарпатского мигранта в РФ, указано, что характерной особенностью здешних трудовых мигрантов в России является высокий уровень образования приезжающих работников, а также проанализированы условия жизни и труда жителей Закарпатья во время сезонных работ на российских стройках.

ABSTRACT

The article deals with the problem of labour migration of Transcarpathian local citizens in Russia in the early twenty-first century.

It is based on a wide range of field studies. The article highlights the main features of the local labour migration, particularly it states that among the foreign workers there was formed a kind of a caste. The paper reproduces a social portrait of the modern Transcarpathian labour migrants in the Russian Federation, and states that a characteristic feature of the local labour migrants in Russia is a high level of education. It also contains the analysis of the living and working conditions of Transcarpathian labour migrants during seasonal work at Russian construction sites.

Ключевые слова: трудовая миграция, особенности заработка, Россия, Закарпатская область Украины, XXI век.

Keywords: labour migration, peculiarities of labour migration, the Russian Federation, Transcarpathian Oblast of Ukraine, twenty-first century.

География трудовой миграции с 2009 г. существенным образом изменилась — если раньше большинство жителей Закарпатской области Украины ехали строить и собирать урожай в Европу, то теперь многие предпочитают ближнее зарубежье, в частности, Москву. Ведь поездка в Россию обходится дешевле, да и виза не нужна [16]. Именно поэтому, по данным официального органа правительства РФ «Российской газеты» на 2009 г., «по количеству иностранных рабочих Россия занимает первое место в Европе и второе в мире после США» [7]. Интересно и то, что третий в мире (*после коридора США–Мексика коридоры миграции «Россия-Украина» и «Украина-Россия» идут на 2 и 3 местах в мире по массовости — К.О.*) по интенсивности миграционный коридор пролег между Украиной и Россией. «Муж полгода строит дачу «крутому» в Подмосковье, — рассказывает Илькив Мария. — Думал податься в Италию или Испанию, но на фирме по трудоустройству подсчитали, что виза и дорога обойдутся в 800 евро! В Москву выгоднее — билет на поезд в плацкарте стоит 600 грн. На московском вокзале его встретили знакомые и помогли с регистрацией. Это неофициально стоит 50 долл.». Зарплата у мужа — 1—1,5 тыс. долл. «Но вкалывать надо по 12—15 часов, — жалуется жена работника. — А когда стояла эта жара и смог, он просто задыхался на работе. Но никто рабочим респираторов не выдавал» [27, с. 87]. До этого массовая трудовая миграция в РФ была обусловлена длительными задержками в выплате заработной платы и выше заработной платой в России, которая позволяет эмигрантам-работникам хоть как-то содержать свои семьи [5, с. 34].

С точки зрения трудоустройства, безусловно, Россия выглядит самой привлекательной страной для украинских гастарбайтеров —

здесь не требуется рабочая виза. Если вы провели в стране более 90 дней (срок, который гражданин Украины может работать без легального трудоустройства и разрешения), есть два варианта. 1 — вернуться на несколько дней домой и снова въехать в Россию на три месяца. 2 — стать на миграционный учет. По закону зарегистрировать вас в миграционной службе должна принимающая сторона, т. е. работодатель. Стоит эта процедура около 50 грн. плюс по 2 рубля за каждый из 90 дней (еще около 50 грн.) [17]. «Конечно, в государствах ЕС и в США заработать денег можно больше, чем в России, — объясняет Стець Иван. — Но с РФ у нас безвизовый режим. Да и социопсихологических барьеров нету — украинцу проще интегрироваться в русскую среду, чем в западную» [21, с. 5].

К тому же закарпатская миграция в Европе и России существенно отличается. В Европе наши мигранты, даже несмотря на то, что большинство из них (65—70 %) находятся на нелегальном положении, живут в режимах правовых государств и международном режиме прав человека. Гастарбайтеры работают и, если не нарушают закон, годами находятся в определенной стране. Могут создать общество, в частности, церковное. Украинские мигранты, согласно европейским стандартам, рано или поздно требуют легализации. Миграция в России совсем другая. 1) Она в основном сезонная — туда не едут, как в Европу, на годы, ведь там наши работники гораздо менее защищены, их могут обмануть свои же работодатели или ограбить. А в Европе большое количество рисков связано с самой процедурой выезда и проблемой адаптации. Хотя теперь мигранты едут уже к родным, знакомым, друзьям. 2) В России украинцы не собираются в сообщества, они могут раствориться в российском обществе и, по сути, остаются бесправными и беззащитными. Это является самой большой проблемой. Но есть в трудовой миграции в Европе и России и нечто общее, в частности, в последнее время многие эксперты считают, что в 2007 г. в России де-факто была проведена легализация мигрантов (до этого в СМИ неоднократно сообщалось об официальной легализации в Испании, Италии и Португалии). Там вступило в силу новое трудовое законодательство, вместо разрешительной системы оформления документов на трудоустройство был внедрен принцип регистрации для граждан СНГ [10].

К тому же с конца 1990-х именно из России получил широкое распространение жаргонизм «гастарбайтер» (от нем. *Gastarbeiter* — гость-рабочий) — любой иностранный наемный работник, проживающий и занимается определенной трудовой деятельностью вне своей страны. Но называть европейских или американских преподавателей или клерков, работающих в России, гастарбайтерами

никому и в голову не приходит. Гастарбайтеры для россиян — бывшие соотечественники из СССР и работники из Юго-Восточной Азии [6, с. 134]. И хотя слово «гастарбайтеры» вошло в лексику россиян недавно, но прижилось в этой стране прочно и получило явно негативный оттенок.

Также многие россияне называют всех приезжих рабочих «таджиками», хотя среди гастарбайтеров, прибывших в РФ в безвизовом режиме, преобладают граждане Узбекистана — 34 %, Таджикистана — около 27 %, Украины — 14,5 % и Молдовы — 12,9 % [7].

К особенностям трудовой миграции в России относится и то, что в среде рабочих-иностранцев образовались своего рода касты, представители которых, как правило, выполняют строго определенные виды работ, что обусловлено различным индустриальным развитием стран бывшего СССР. На самой низкой ступени — люди, которые занимаются тяжелым неквалифицированным физическим трудом, например, копанием ям, рытьем траншей, разгрузочно-погрузочными работами. Как отмечает Понзель Иван: «На такую работу соглашаются в основном приезжие из стран Средней Азии — с сельских районов Таджикистана, Узбекистана, Туркмении» [28, с. 43].

Более квалифицированные рабочие, например, маляры, штукатуры, каменщики, плиточники — это приезжие из Армении, западных регионов Украины, Молдовы. Наиболее сравнительно высокооплачиваемые гастарбайтеры — электрики и сварщики, среди которых жители восточных регионов Украины и уроженцы российской провинции. Отсюда — работают закарпатцы в основном на стройках разнорабочими.

Уровень образования работников, приезжающих в Россию, значительно превышает среднестатистические показатели занятых в соответствующих отраслях. Половина работников из Закарпатья, которые едут в Россию, имеют среднее специальное образование. Это высокий показатель, особенно для строительства, ведь в этой области особенно велика (более 50 %) доля неквалифицированных работников. Более половины работающих в России закарпатских строителей имеют профессиональное образование, что значительно выше этого показателя для занятых в строительстве в России (28,5 %). Немного больше 8,2 % имеют высшее и незаконченное высшее образование. Большинство работает в строительстве, причем 38,5 % на руководящих должностях, другие на рабочих. «Я делаю все, что имеет отношение к строительству, и это при том, что по специальности я зуботехник. — хвастается Петришинец Михаил.

— Но это не проблема, на заработках в России быстро переквалифицируешь» [18, с. 29].

Дополнительным фактором, повышающим качество рабочей силы из Украины, в частности из Закарпатья, есть возможность у российских предпринимателей выбора дисциплинированных работников. Кроме того, непродолжительность контрактов позволяет вовремя освободиться от нежелательных работников. «Если хозяину что-то не понравится, он может в любую минуту найти себе другого рабочего. Там, в России, уже никто с тобой не нянчится...» — говорит Симканич Татьяна [18, с. 15]. Режим труда, бытовые условия временных работников с большей вероятностью можно определить как тяжелые, чем нормальные, заметна дискриминация в оплате труда, часты случаи ее невыплаты. «Хуже в этой ситуации то, что никаких денег за свою работу можно не получить», — описывает прелести трудовой миграции в РФ Ивашко Иван, а затем со своего же опыта добавляет: «Нам в прошлом году перед отъездом, а отпускали нас малыми группами, в очередной раз пообещали рассчитаться. Утром собрали и отвезли нас на вокзал, опять же, сказав, что деньги выплатят. На перроне каждому вручили билеты и попросили дождаться кассира для окончательного расчета. Приехал поезд домой, а вот кого-либо с нашими честно заработанными деньгами мы так и не дождались» [28, с. 63].

Характерной особенностью трудовых мигрантов в РФ является то, что большинство из них, особенно водители и шахтеры (в отличие от строителей) не меняют своих профессий. Так, Малорець Иван рассказывает: «По профессии я шофер, имею три категории. В России я также нашел себе аналогичную работу. Значит, я работаю по специальности и учился не зря» [19, с. 109]. И только на строительстве в России подрабатывают люди разных профессий. Многие из них владеют несколькими профессиями. Мигранты в основном имеют высокие разряды [5, с. 35]. Но есть и ограничения, к примеру, в 2011 г. правительство РФ запретило использование иностранных работников в розничной торговле алкоголем, лекарствами, торговли на рынках и в палатках, а также в розничной торговле вне магазинов [15]. Впервые этот запрет был введен в 2007 г., но тогда каких-то видимых изменений в торговле так и не состоялось [2]. Также, начиная с 2009 г., в Москве трудовым мигрантам запрещают работать водителями маршрутных такси [13].

Основа трудовых мигрантов в Россию — это лица молодого и среднего возраста мужского пола. Работа в России позволяет им несколько улучшить свое материальное положение, но их условия

труда и быта хуже, чем у коренных рабочих, хотя последние являются менее ответственными [6, с. 137].

Основными направлениями миграции в Россию являются Москва и Санкт-Петербург. «На сколько мне известно, бригады из нашего села работают в России только в Москве, Петербурге и Калининграде» — говорит Малорець Иван [19, с. 109]. Одна из самых стихийных уличных бирж труда мигрантов рабочих специальностей, приехавших из стран бывшего СССР, находится на перекрестке Ярославского шоссе и МКАД в районе Перловка подмосковного городка Мытищи. Некоторые СМИ называют ее «невольничьим рынком» [7]. Но большинство закарпатских гастарбайтеров приезжают в Россию и ищут работу «методом втыка» — сегодня она у Новосибирске или Москве, а завтра она может быть в Нижнем Новгороде или Белгороде.

«В Москве гастарбайтер попадает на одну из строек. Это может быть аэропорт, Москва-Сити, элитный жилой комплекс, загородный коттедж, транспортная развязка — везде работает наш брат. Работа у него тяжелая, условия работы еще хуже. Спят наши там мало, питаются плохо, делают тяжелую и грязную работу. Бывают случаи, наши на строительстве умирают. Обычно этого никто не замечает, пока тело увозят в черном пакете, хозяин решает все вопросы, чтобы никто не узнал о смерти человека, которого по документам никогда не было (разве что человек работал со своими односельчанами — там деваться некуда — дают знать домой). Часто нашим не платят денег, но разборки делать нет смысла, себе же хуже будет». — описывает условия труда в РФ Данилко Иван [22, с. 2]. А Шипович Ольга, которая проработала в Москве 10 лет, добавляет: «Я встречаю соотечественников за рулем маршруток, в кафе официантами, кассирами в супермаркетах. Не представляю, как они справляются с платой за жилье. Однокомнатная сегодня стоит минимум 20 тыс. руб., это далеко от центра в районе метро «Медведково», да и условия убогие. А зарплата того же кассира бывает и 17 тыс. Люди в основном идут работать в общепит, потому что есть возможность устроиться без официального оформления. Если же работать легально — нужно платить налог 17 %. Добавьте еще 13 % подоходного, и получится, что приезжему нужно отдавать треть зарплаты на налоги» [20, с. 57]. Итак, снять квартиру в Москве для наших работников, мягко говоря, дело недешевое. Мало того что ежемесячная арендная плата по карману не каждому приезжему покорять российскую столицу закарпатцу, да еще и впервые придется заплатить не за месяц, а за целых три. Поэтому каждый выкручивается как может: кто снимает квартиру «на выселках» вместе с друзьями, кто селится в коммуналку. Однако и такой вариант под силу далеко не каждому.

Последние 2—3 года все большей популярностью пользуется аренда «койко-мест». Как рассказал Полажинець Михаил, «дешевле всего обходится арендовать спальное место в 3-комнатной квартире, где вместе живут от 12 до 15 человек. А если такая квартира еще и на окраине столицы, то стоимость проживания в ней не превысит 2 тыс. руб. в месяц» [23, с. 43]. Объявлений о сдаче такого жилья сейчас предостаточно. Кто-то специально обустроивает те самые «койко-места», а кто-то просто сдает обшарпанную, грязную однокомнатную и указывает, что в ней могут жить хоть 20 «граждан СНГ» [6, с. 138]. В общем, гастарбайтерам выбирать не приходится, особенно если они находятся в стране нелегально. И, между прочим, «квартира на десятерых — не самый худший вариант. Нередко наших селят в подземных парковках, которые только строятся, домах и детских садах, предназначенных под снос. Без света, тепла, воды и других благ цивилизации». — рассказал Кентеш Павел, который сам вот уже 7 лет зарабатывает на стройках России и живет в описанных им условиях [25, с. 19].

Привлекательность нелегальной закарпатской рабочей силы в глазах русского, особенно частного, работодателя обусловлена ее высоким качеством и относительно низкой стоимостью (сюда входят снижены расценки, отсутствие социальных гарантий и несоблюдение трудового законодательства). К тому же украинцев, в отличие от россиян, гораздо легче «кинуть в деньгах», проще говоря, россияне считают наших простачками, которые не знают фокусов хозяев, простачками, которых можно «кинуть», «бросить», «обмануть», теми, которые не пойдут искать правду в органы власти, теми, которые и на русском говорят-то не очень, то есть бесправными, от которых можно легко и быстро избавиться [3]. Но несмотря на это, закарпатские трудовые мигранты охотно занимают ремонт квартир, женщины устраиваются в Москве няньками, домработницами и сиделками, работают на приусадебных участках. «Получаю 800 долларов, питаюсь за счет хозяев», — рассказала бывшая учительница английского Попович Марьяна, которая убирает в большом доме в Подмоскowie [24, с. 10]. Поскольку в России можно находиться без разрешения на работу до 3 месяцев, то часть заробитчан раз в 90 дней доезжает до границы с Украиной, штампует паспорт, и возвращается еще на такой же срок [14]. Благодаря такой хитрости люди легально находятся в России, не встают на миграционный учет, однако не имеют возможности законно устроиться на работу.

С часу наступления экономического кризиса ужесточается и миграционная политика в России. В частности, на заседании правительства 17 декабря 2009 г. был принят, а 9 января внесен

в Госдуму законопроект, предусматривающий появление в России так называемых патентов для мигрантов [12]. С их помощью чиновники стремятся частично упорядочить труд иностранцев в стране, то есть уменьшить количество нелегалов и сладить миграционную картину. В конечном итоге, с 1 июля 2010 г. вступил в силу новый федеральный закон, согласно которому те, кто въезжают в РФ с целью трудоустройства или работают у частных лиц (например, няни и садовники) и пересекают границу РФ без визы, получали соответствующий патент, оплатив за него 1 тыс. руб. в месяц [1]. Выдаваться патент будет в Федеральной миграционной службе (ФМС), а его действие продлится в уведомительном порядке: мигранту будет достаточно переслать в ФМС по почте квитанцию об оплате на следующий месяц. Чтобы наняться на работу по патенту, гастарбайтеру необходимо легально прибыть на территорию РФ, встать на миграционный учет, иметь при себе документ, удостоверяющий личность, и оплатить госпошлину [8]. Также с каждым годом руководство страны значительно сокращает квоты на иностранных рабочих [9]. При этом, как отмечают работники из Закарпатья, введение новых условий трудоустройства в России отнюдь не уменьшило поток наших людей в эту страну, ведь для граждан Украины пока продолжает действовать льготный режим, который позволяет 90 суток находиться на территории России без постановки на миграционный реестр.

Но, как показывают результаты авторского опроса, для РФ уже сегодня проблема гастарбайтеров носит явно негативный характер. Поэтому целесообразно по словам самих же респондентов все же выделить плюсы и минусы трудовой миграции наших людей для этой страны.

Начну с позитивов. Во-первых, «у гастарбайтеров «золотые руки», которыми они если и не построили пол-Москвы, то уж точно отремонтировали» (интервьюер Фетько И.) [26, с. 27]. Во-вторых, «наши люди делают работу дешевле и быстрее, чем местные жители» (интервьюер Стець И.) [21, с. 5]. В-третьих, самым большим плюсом является то, что «мигранты значительно компенсируют естественное вымирание коренного населения. На сколько мне известно, каждый год в России население уменьшается примерно на 850 тыс. чел.» (интервьюер Скубенич М.) [24, с. 7]. В-четвертых, «не знаю как там по всей России, а Москва без нашего брата точно не обойдется, так как московская экономика так устроена, что коренным москвичам делать там, где теперь гастарбайтеры, даже если бы они очень захотели, экономически бессмысленно: им то надо налоги платить с заработанного, за квартиру заплати, за еду заплатить, за транспорт заплатить, еще надо и в дом что-то купить...» (интервьюер Ивашко И.) [28, с. 63]. В-пятых,

«в России среди богатых работодателей распространена практика: на приезжих оформляется уйма производимой работы и половина из этого заработка делится между «отцами командирами»» (интервьюер Фетько В.) [24, с. 10]. В-шестых, и на этом остановимся, как бы это не выглядело парадоксально, но «украинцы в основном занимают рабочие места, которые не привлекают русских» (интервьюер Кентеш П.) [22, с. 21].

Если же рассматривать негативы от гастарбайтеров в России, то:

1. «В государстве (*России — К.О.*) с таким количеством собственного населения такой % безработицы! Не понимаю, зачем там надо тех узбеков и других азиатов, если свои люди не могут устроиться на работу, а для молодежи вообще найти нормально оплачиваемую работу очень трудно (и то россияне нанимаются в основном грузчиками с зарплатой 4—6 тыс. руб., охранниками — 3—4 тыс. руб.). При этом с их зарплатами просто невозможно хотя бы, например, оплатить обучение для получения профессии (стоимостью в 15—20 тыс. руб.!)» (Интервьюер Фетько В.) [26, с. 11];

2. «Среди русских распространено справедливое мнение, что работодатели, пользуясь наличием дешевой рабочей силы, то есть нас, намеренно делают многие специальности «непривлекательными» для русских. Грубо говоря, если бы простой рабочий на строительстве получал достойную зарплату, то и их люди запросто шли бы на такую работу. А работая за малую зарплату, мы и такие как мы узбеки с молдаванами захватили наиболее «высокооплачиваемые» места при чем и дальше продолжаем снижать уровень заработной платы в местных» (интервьюер Мигович В.В.) [20, с. 22];

3. «Если у нас под Киевом хотя бы 50 км зона живет нормально, то у обладателей мировых энергоносителей 10 км зонадохнет, не считая коттеджных городков. А еще в России целые регионы без работы сидят, стоит сесть в любую электричку в любом направлении, посидеть примерно час-полтора и сойти где-то километров 70—80 от Москвы. Увидите — цивилизация закончилась. Вот и получается, что Россия для всех — это только Москва и Питер, а дальше непроходимая тьма... Значит, пол-России работает на Москву, СПб и другие крупные города. А районные поселки, города и деревни вымирают. При этом приезжают люди со стороны (из бывших союзных республик СССР и дальних областей, и наши закарпатцы), нормально зарабатывают, а свои рабочие в это же время находятся на 2/3 ставки, получая копейки, а не деньги» (интервьюер Скубенич П.) [25, с. 15];

4. «Из-за таких как я трудовых мигрантов, в России нередки случаи, когда здешнее население просто выгоняют с работы. В силу

того, что у работодателей есть выбор, кого нанять, на местных уже смотрят как на потенциальных алкашей» (Интервьюер Фозекош В.) [27, с. 30];

5. И наконец — «мигранты меняют культурную среду, это не так уж украинцы, как азиаты, причем в неприемлемом для россиян (и нас тоже) варианте» (интервьюер Стегура В.) [20, с. 41].

Таким образом, трудовая миграция закарпатцев в РФ хотя и довольно привлекательная, но все же имеет определенные недостатки, особенно со времени наступления мировой нестабильности. Также непривлекательным явлением для наших людей в этой стране трудоустройства является конкуренция с выходцами из азиатских стран, которых здесь очень много. Но в целом, из всей совокупности гастарбайтеров в России украинцы как опытные рабочие достаточно высоко ценятся. При этом закарпатцы в основном зарабатывают на хлеб на российских стройках, в добывающей промышленности и домашнем сервисе. И даже несмотря на то, что в связи с кризисом работы в строительном секторе снизились, в Москве, Подмоскovie и вокруг Санкт-Петербурга ведется активное возведение частных домов, где и работают наши гастарбайтеры.

Список литературы:

1. Білецький С., Хохлюк А. Соціально-економічні аспекти трудової міграції з України // Україна: аспекти праці. — 1999. — № 4. — С. 34—42.
2. В РФ украинские гастарбайтеры — на втором месте после узбеков // ИА «Росбалт». 22.07.2010. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.rosbalt.ru/ukraina/> (дата обращения: 18.03.2011).
3. Гастарбайтеров гнали-гнали, да не выгнали // «Правда.Ру». 03.12.2010. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.pravda.ru/> (дата обращения: 04.03.2011).
4. Голдберг М. Гастарбайтеры или штрейкбрехеры? // 27 декабря 2010 г. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.askguru.ru/> (дата обращения: 04.03.2011).
5. Киселев А. Владимир Путин дал возможность уменьшать число иностранных рабочих // 10 декабря 2008 г. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.vz.ru/> (дата обращения: 01.03.2011).
6. Кичак О.Ю. Трудова міграція українців Закарпаття на початку ХХІ століття та її культурно-побутові наслідки: Монографія / О.Ю. Кичак. — Ужгород: Гражда, 2012. — 368 с.
7. Кому потрібні “гастарбайтери?” // ZAROBITCHANY.org. 21 серпня 2009 р. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.zarobitchany.org/> (дата звернення: 06.03.2011).

8. Повернення заробітчан на батьківщину коштує 2 млрд. дол. // Newsland. 22 вересня 2009 р. [Електронний ресурс] — Режим доступу. — URL: <http://www.newsland.ru/> (дата звернення: 06.03.2011).
9. Пода В. 5 лідерів легалізації XXI століття // Коментарии. 18 вересня 2009 р. [Електронний ресурс] — Режим доступу. — URL: <http://www.comments.ua/> (дата звернення: 06.03.2011).
10. Прибиткова І. Зарубіжна трудова міграція, як форма самозайнятості мешканців України // Українське суспільство — 2003. Соціологічний моніторинг. — К., 2003. — С. 51—65.
11. Росія планує продавати трудові патенти мігрантам з СНД // UNIAN.NET. 11 січня 2010 р. [Електронний ресурс] — Режим доступу. — URL: <http://kharkiv.unian.net/ukr/detail/193749> (дата звернення: 02.03.2011).
12. У Москві гастарбайтерам заборонять водити маршрутки // InterMedia. 15 липня 2009 р. [Електронний ресурс] — Режим доступу. — URL: <http://www.intermedia.org.ua/>. — (дата звернення: 01.03.2011).
13. У Росії обіцяють, що закарпатські заробітчани не житимуть в підвалах і на горищах Москви // Закарпатський інформаційно-діловий портал «Мукачево.net». 20 червня 2010 р. [Електронний ресурс] — Режим доступу. — URL: [/ua/news/view/29431](http://ua/news/view/29431) // <http://www.mukachevo.net/> (дата звернення: 01.03.2011).
14. У РФ заборонили з 2011 року наймати гастарбайтерів для роботи у сфері роздрібною торгівлі // FINANCE.UA. 2 грудня 2010 р. [Електронний ресурс] — Режим доступу. — URL: <http://news.finance.ua/ua/~1/90/ru/2010/12/02/219120> (дата звернення: 01.03.2011).
15. Українські заробітчани змінюють Європу на Росію // Galinfo. 30.08.2010. [Електронний ресурс] — Режим доступу. — URL: <http://galinfo.com.ua/news/73743.html> (дата звернення: 02.03.2011).
16. Шеремет П. Мігранти оптом і вроздріб. 1000 рублів за мігранта? В Росії вирішили легалізувати трудових мігрантів // Inozmi glavred.info. 15 грудня 2009 р. [Електронний ресурс] — Режим доступу. — URL: <http://inozmi glavred.info/articles/2511.html> (дата звернення: 01.03.2011).
17. Що необхідно знати українцю при виїзді на роботу за кордон, або Сім країн, де чекають на роботу українців // Інтернет-издание UA-Reporter.com 19 червня 2010 р. — № 068-069 (21109-21110). [Електронний ресурс] — Режим доступу. — URL: <http://www.ua-reporter.com>. (дата звернення: 06.03.2011).
18. Щоденник польових досліджень автора, проведених в с. Довге Іршавського району (червень 2008 р.) // Архів кафедри історії Стародавнього світу та Середніх віків історичного ф-ту УжНУ за 2008 р. — Зошит № 1 (інтерв'ю). — 83 с.

19. Щоденник польових досліджень автора, проведених в с. Сільце Іршавського району (липень 2008 р.) // Архів кафедри історії Стародавнього світу та Середніх віків історичного ф-ту УжНУ за 2008 р. — Зошит № 2 (інтерв'ю). — 60 с.
20. Щоденник польових досліджень Британюк Марії, проведених під час етнографічної практики в смт Великий Бичків Рахівського району (літо 2010 р.) // Архів кафедри історії Стародавнього світу та Середніх віків історичного ф-ту УжНУ за 2010 р. — Зошит № 1 (інтерв'ю). — 151 с.
21. Щоденник польових досліджень Вайдич Надії, проведених під час етнографічної практики в с. Негровець Міжгірського району (літо 2009 р.) // Архів кафедри історії Стародавнього світу та Середніх віків історичного ф-ту УжНУ за 2009 р. — Зошит № 1 (інтерв'ю). — 175 с.
22. Щоденник польових досліджень Керечанин Іванни, проведених під час етнографічної практики в с. Імстичево Іршавського району (літо 2010 р.) // Архів кафедри історії Стародавнього світу та Середніх віків історичного ф-ту УжНУ за 2010 р. — Зошит № 1 (інтерв'ю). — 69 с.
23. Щоденник польових досліджень Курин Марини, проведених під час етнографічної практики в с. Лопушне Міжгірського району (літо 2009 р.) // Архів кафедри історії Стародавнього світу та Середніх віків історичного ф-ту УжНУ за 2009 р. — Зошит № 1 (інтерв'ю). — 181 с.
24. Щоденник польових досліджень Мешко І.Я., проведених під час етнографічної практики в с. Тур'я-Ремета Перечинського району (літо 2009 р.) // Архів кафедри історії Стародавнього світу та Середніх віків історичного ф-ту УжНУ за 2009 р. — Зошит № 1 (інтерв'ю). — 155 с.
25. Щоденник польових досліджень Омельчук Ганни, проведених під час етнографічної практики в с. Завидово Мукачівського району (літо 2010 р.) // Архів кафедри історії Стародавнього світу та Середніх віків історичного ф-ту УжНУ за 2010 р. — Зошит № 1 (інтерв'ю). — 95 с.
26. Щоденник польових досліджень Печкан Оксани, проведених під час етнографічної практики в с. Синевир Міжгірського району (літо 2010 р.) // Архів кафедри історії Стародавнього світу та Середніх віків історичного ф-ту УжНУ за 2010 р. — Зошит № 1 (інтерв'ю). — 57 с.
27. Щоденник польових досліджень Пінковської А.Я., проведених під час етнографічної практики в с. Тур'я-Ремета Перечинського району (літо 2010 р.) // Архів кафедри історії Стародавнього світу та Середніх віків історичного ф-ту УжНУ за 2010 р. — Зошит № 1 (інтерв'ю). — 137 с.
28. Щоденник польових досліджень Понзель Андріани, проведених під час етнографічної практики в с. Лази Воловецького району (літо 2009 р.) // Архів кафедри історії Стародавнього світу та Середніх віків історичного ф-ту УжНУ за 2009 р. — Зошит № 1 (інтерв'ю). — 73 с.

4.3. АРХЕОЛОГИЯ

АРХИТЕКТУРНЫЙ ДЕКОР ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ПАМЯТНИКОВ МИЗДАХКАНА

Уталиев Сакен Айладырович

д-р философии, история, доцент АУ им. С. Баишева,

г. Актобе, Казахстан

E-mail: sa_utaliev@mail.ru

ARCHITECTURAL DECOR OF GOLDEN HORDE MONUMENTS OF MIZDAHKAN

Utaliev Saken

d.Ph, docent of Aktobe University named after S. Baishev,

Aktobe, Kazakhstan

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается архитектурный декор на памятниках городища Миздахкан во времена вхождения в состав Золотой Орды.

АБСТРАКТ

This article is developed to architectural décor on monuments in town Mizdahkan at entering Golden Horde.

Ключевые слова: Хорезм, Золотая Орда, декор, глазурованные плитки, майолика, мозаика, терракота, мавзолей, памятник, археология.

Keywords: Khorezm, Golden-Horde, decoration, glazed tiles, majolica, mosaic, terracotta, mausoleum, monument, archaeology.

Среди золотоордынских памятников Южного Приаралья большой интерес представляет городище Миздахкан, возраст которого насчитывает около 2400 лет [9, с. 3]. В XIII—XIV вв., став одним из богатых торгово-ремесленных и религиозных центров Хорезма, Миздахкан быстрее других возродил свою материальную и культурную значимость и стал местом зарождения архитектурных идей, приемов

декоративной отделки. Поэтому древности Миздахкана становятся объектами неоднократного исследования ученых [8, с. 35—36]. Однако декоративные элементы архитектурных памятников Миздахкана не были специально изучены. В этой работе мы не ставим своей целью полное описание декоративного искусства средневекового города. Это заняло бы большое место. Анализ основных видов и форм архитектурного декора, композиции и орнаментальных мотивов, позволяет проследить достижения хорезмийских мастеров по технике облицовочного декора.

Наиболее выдающимся памятником Миздахкана является полуподземный мавзолей Мазлумхан-сулу, датируемый 20—30 годами XIV в. [10, с. 573, 576; 3, с. 131, 152]. Архитектурный декор мавзолея имеет в основном следующие виды: сталактиты-мукарны, майоликовые плитки, изразцы-перемычки «бантики» и «псевдо» мозаика.

Сталактитовая рельефная облицовка, покрывающая верхние углы главного зала, выполнена в технике резной поливной терракоты. Глубокая резьба в виде крупного растительного орнамента с плоским верхом, покрыта бирюзовой поливой. Растительная композиция состоит из однолистников, двулистников, трилистников. Сталактиты расчленены на три горизонтальные ряды, каждый из которых заполнен особыми, ячеистой формы, плитками. По форме и характеру композиции их можно разделить на четыре вида. Самая объемная из них, плитка из стрельчатой формы, украшена из ответвляющихся плетенок непрерывным узором. На розовато-желтом фоне контур растительного орнамента подчеркнут рельефной лентой бирюзового цвета. Верхние концы мукарны завершены треугольной терракотовой плиткой, поверхность которой украшена пятилепестковым цветком в центре. Контур плитки подчеркнуты бирюзовой лентой. Третья деталь сталактитовой декорации представлена узкой стрельчатой формы плитками и узором из двух четырехлистников. В отличие от других, они украшают угловые грани сталактитовых ячеек. Четвертый вид мукарны украшает «тимпаны» над плитками стрельчатой формы.

В северной и восточной нишах большого помещения мавзолея Мазлумхан-сулу до середины 80-х годов XX века находились два надгробия, облицованных майоликой с голубой поливой подглазурной росписью. Майолики состояли из отдельных плит с персидскими надписями философского характера, написанными белыми буквами на синем фоне. Оформление остальных частей состоит из позолоты, синих, белых, черных и красных цветов [6, с. 582—583]. Эффективный растительный орнамент состоит из переплетающихся стеблей, листьев, побегов и «розеток». Серединная часть саганы занята шестью майоликовыми плитками одинакового размера. В центре плиток восьмилепестковая розетка в виде большого узорного диска. Внутри

нее вкомпонированная розетка с шестилепестковыми цветками меньшего объема. Тонкие белые стебли, согнутые вовнутрь трилистником, переплетаясь, заполняют боковые пространства плитки. Листья оконтурены заштриховкой, напоминающей мелкие арабские надписи. Эпиграфический орнамент сделан почерком «насах» с вытянутыми буквами, которые размещены в хорошо отделанных верхней и нижней частях надгробия. В отличие от растительного орнамента, персидская эпитафия написана белыми буквами на темно-синем фоне.

Обводка букв местами нанесена коричнево-красной, желтой и зеленой линиями. В отличие от других архитектурных памятников Миздахкана, в колоре надгробии использованы красный цвет и высококачественная позолота [4, с. 124].

В этом мавзолее пол центрального зала имеет выстилку из поливных плит небольших размеров, набранных по принципу многоцветной мозаики. Цветовая гамма ярко-голубого, белого и фиолетового тона. Элементы выстилки набраны из треугольников (16x8 см) и шестиугольников (17x15 см). Отметим, что глазурированные плитки для выстилки полов использовались в золотоордынских городах Поволжья [1, с. 105—106]. На памятниках Хорезма XIII—XIV вв. выстилка полов поливными плитками неизвестна. Возможно, многоцветная изразцовая выстилка пола мавзолея Мазлумхан-сулу, была изначальной попыткой перехода к применению мозаики. Декоративным атрибутом мавзолея являются облицовочные плитки прямоугольной формы с бирюзовой поливой, покрывающие извне восьмигранный купол большого зала. Размеры плиток 25,5x5,5x3—4 см. Это изразцы-перемычки («бантики»). На них геометрические и растительные орнаменты. Фигурные, рельефные рисунки обрамлены плоской каймой голубого цвета. Применение «бантиков» известно в Средней Азии с XI—XII вв. вплоть до XV века. Подобным путем оформлены, например мечеть Талхата-Баба, караван-сарай Дая-Хатын (Туркменистан) [7, с. 252—253], сооружения Шахи-Зинда (Самарканд) и Поволжья [2, с. 151]. Однако, в каждом случае есть свои особенности. Так в хорезмских изразцах постоянно фигурируют изображения трехлепестковых и растительных побегов. «Бантики» из других регионов, преимущественно имеют стилизованно-геометрические мотивы. В целом, в мавзолее Мазлумхан-сулу, представлены основные образцы высококачественного архитектурного декора.

В последние годы в ходе раскопок северного квартала золотоордынского города, собрано значительное количество архитектурного декора. В их числе изразцы с красной краской и позолотой. Они имеют аналоги в хорезмийских памятниках и Золотой Орды.

Следует отметить, что в Маверанахре такой колор известен позднее, в конце XIV века [5, с. 45].

Особый интерес представляют терракотовые капители, венчающие михрабную нишу домашней молельни в квартале № 2. Они расположены в передних углах ниши, справа и слева от входа. Левый капитель расчленен на три орнаментальных ряда, каждый из которых, под глазурью украшены растительным и эпиграфическим орнаментом и рельефом. В верхнем ряду, на симметрично расположенных гранях, нанесен лирообразный орнамент из сплетающихся растительно-уветочных побегов черного цвета. Между ними тончайшая штриховка, напоминающая мелкую арабскую вязь. Общий контур крупного растительного орнамента подчеркнут черно-белой полосой, придающий узору колоритность. Свободное пространство верхнего ряда в углах завершается выемками темно-синего фона. Под верхним рядом идет горизонтальная полоса, оконтуренная черной линией с белыми рельефными точками внутри. Нижний орнаментальный ряд отделан арабской надписью почерком «наسخ», что показывает значимость терракотовой капители. Белая рельефная надпись особо подчеркнута на темно-синем фоне. В целом, орнаментальная композиция нижних рядов опоясывает четырехгранный ствол колонок.

Правый капитель по размерам и форме идентичен левому, но по композиции отличается. Так, среди переплетающих двулистников и трилистников, и стеблями в центре, в месте смыкания побегов цветы образуют орнаментальную цепочку розеток. Их фон удачно заштрихован мелкими черными точками. Пояс с арабской надписью отсутствует, вместо него — рельефный волнообразный орнамент в виде «парящего облака». В общем, в орнаментации капителей присутствуют все элементы архитектурного декора из мавзолеев золотоордынской Хивы, Куня-Ургенча и собственно Миздахкана.

Богатый архитектурный декор представлен в Соборной мечети Миздахкана. В середине южной стены сохранились богато орнаментированные михрабные ниши. Они украшены системой сталактитов, двойным обрамлением резной арабской надписью, выполненной шрифтом «куфи» и изобразительным панно, составленным из геометрических и растительных орнаментов. Композиционное построение узоров михраба требует специального исследования.

Как было отмечено выше, на территории золотоордынского города собрано большое количество архитектурного декора. В том числе — резной штампованный алебастр, резная глина, многоцветная майолика и мозаика. Найдены формы для обливки архитектурного декора. Декоры раскрашены синим, белым, зеленым, черным и красными цветами в сочетании с золотом. Даже беглый обзор архитектурного

декора золотоордынских памятников Миздахкана позволяет предположить о существовании местной архитектурной школы. Однако, она была одной из ветвей самобытной школы хорезмийских мастеров-зодчих. Эта школа внесла свой вклад в развитие архитектурного орнаментального искусства Мавераннахр, Южного Казахстана и Поволжья.

Список литературы:

1. Баллод Ф. Приволжский Помпей. М.-Пг., 1923. — с. 105—106.
2. Валеев Ф.Х. Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1975. — с. 151, рис. 62.
3. Денике Б.П. Архитектурный орнамент Средней Азии, М.-Л., 1939. — с. 131, 152.
4. Кдырнязов М.Ш. Материальная культура городов Хорезма в XIII—XIV вв. Нукус, 1989. — с. 124.
5. Кдырнязов М.Ш. Золотая Орда и культура Южного Приаралья. Нукус, 1993. — с. 45 (на каракалпакском языке)
6. Некрасов А.А. Надписи на надгробиях мавзолея Мазлум сулу в Миздахкане (ЗКВ), т. V. Ленинград, 1930. — с. 582—583.
7. Пугаченкова Г.А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. ТЮТАКЭ, т. VI, Москва, 1958. — с. 252—253.
8. Уталиев С.А. Архитектурный декор памятников средневекового Хорезма (XII—XIV вв.). Монография, Актобе, 2008. — с. 35—36.
9. Ягодин В.Н. Ходжейли-древнейший город Республики Каракалпакстан. В кн: «Ходжейли-древнейший город Республики». Ходжейли, 1998. — с. 3.
10. Якубовский А.Ю. Городище Миздахкан — Записки Коллегии Востоковедов (ЗКВ), т. V. Ленинград, 1930. — с. 573, 576.

4.4. ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И СПЕЦИАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ ГРАЖДАН СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА К СЛУЖБЕ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1960-Х—1991 ГОДЫ)

Макипов Аскар Советканович

*канд. ист. наук, докторант Национального университета обороны,
г. Щучинск, Акмолинская область, Республика Казахстан
E-mail: makipova_1998@mail.ru*

HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM OF PREPARING CITIZENS OF THE SOVIET GOVERNMENT TO THE SERVICE IN ARMED FORCES (THE SECOND MOIETY OF 1960TH—1991ST YEARS)

Makipov Askar

*candidate's degree in historical sciences ,
Ph.D. student at the National Defence University,
Shuchinsk town, Akmola region, The Republic of Kazakhstan*

АННОТАЦИЯ

В рассматриваемой статье проводится историографический анализ различного рода источников в контексте исследования проблем подготовки граждан к службе в Вооруженных Силах.

ABSTRACT

In this article conducted historiographical analysis of the different resources in the context of the studying the problem and preparing citizens to service in Armed Forces.

Ключевые слова: подготовка юношей; военно-патриотическое воспитание; историография; служба в Вооруженных Силах.

Keywords: preparing lades; military-patriotic education; historiography; service in Armed Forces.

Для того чтобы определить уровень развития исторической науки необходимо рассмотреть ее место и роль на судьбоносных этапах человеческого общества. Полнее отразить ее уровень поможет проводимый историографический анализ литературы.

В целом историографический анализ позволяет выявить степень предшествующей изученности объекта исследования, определить имеющиеся пробелы, нерешенные спорные, обоснованность имевших место подходов и использованных методов и на этой основе выдвинуть исследовательскую задачу [7, с. 225—226].

Анализ изученных источников свидетельствует, что интерес к изучению проблем подготовки граждан советского государства к службе в Вооруженных Силах в советском государстве был довольно высоким.

Рассматриваемой проблеме посвящено значительное количество литературы. Отдельные аспекты темы, в основном военно-патриотического воспитания, стали объектом исследований на уровне диссертационных исследований. Следует отметить, что в формате научной статьи приводится анализ историографии лишь малой части источников, только обозначен исследуемый проблемный вопрос. В самом исследовании дается расширенный анализ историографии проблемы, при этом только тех источников, которые изучены автором непосредственно.

Практическое значение истории для современности состоит в том, что история, являясь хранительницей опыта прошлого, помогает правильно ориентироваться в настоящем. Ни один принципиально важный вопрос в любой сфере современной жизни не может быть решен без изучения и имеющегося исторического опыта [4, с. 371].

Российский исследователь Е.В. Улезько выделяет советский период истории со второй половины 60-х годов XX века до развала союзного государства на два этапа.

Первый — вторая половина 60-х — первая половина 1980-х гг.; второй — вторая половина 1980-х — 1991 г. Подобное дифференцирование объясняется, во-первых, объективными условиями общественного развития страны; во-вторых, уровнем и содержанием научных исследований по проблеме деятельности государственных органов и общественных организаций по военно-патриотическому воспитанию граждан СССР [11].

Необходимо отметить, данное разделение анализируемого исторического периода считается наиболее целесообразным и нами принимается как основное. Отсчет со второй половины 60-х XX века связан, прежде всего, с принятием Закона СССР «О всеобщей воинской обязанности» (1967 г.). На основании Закона Советом Министров принято постановление «О сроках и порядке введения

начальной военной подготовки молодежи». Анализ изученных источников свидетельствует, что исследователями в качестве основных причин возвращения НВП в систему подготовки граждан к службе в Вооруженных Силах назывались: смена руководства в государстве; демографический кризис; сокращение сроков действительной военной службы; потребность в сильной боеспособной, оснащенной современным вооружением и военной техникой армией и др.

По деятельности общественных организаций ДОСААФ и ВЛКСМ изучено большое многообразие литературы, однако к научным исследованиям они не относятся. В огромной массе литературы выпущенной издательством ДОСААФ, необходимо выделить сборники под редакцией руководителей ДОСААФ союзного и республиканского уровня — А.И. Покрышкина [10], Г.М. Егорова [3], Б.Б. Байтасова [1]. Они обобщали аспекты деятельности руководимой ими организации, написаны в оптимистичном ключе и в целом агитационно-пропагандистском направлении.

Историографический анализ позволяет заключить, что тема военно-патриотического воспитания граждан Советского Союза нашла отражение в литературе и защищенных диссертациях, в которых анализируется участие Вооруженных Сил в военно-патриотическом воспитании гражданского населения [8, с. 57].

Опираясь на данные полученные исследователем Е.В. Улезько необходимо констатировать, что, количественный анализ диссертационных исследований советского периода истории по проблемам молодежи, в том числе и по военно-патриотической тематике показывает, что до 1980 г. внимание научной общественности к проблеме снижен. При этом в 1966, 1968, 1971, 1975 гг. не было вообще диссертационных исследований по анализируемой тематике. Периодами роста количественных показателей исследований следует считать 1980 г. — 9; 1981 г. — 18; 1984 г. — 14.

Необходимо отметить, что практически во всех проанализированных нами исследованиях отсутствует анализ характерных недостатков при подготовке граждан к военной службе и военно-патриотическом воспитании.

Наличие в анализируемом периоде большого количества публикаций агитационно-пропагандистского характера в особенности брошюр, газетных и журнальных статей, не смогли обеспечить приращение исторических знаний. Они смогли только обозначить тот, или иной проблемный вопрос.

Конечно, в данном случае нельзя вести речь о полном вакууме, так как некоторое историографическое осмысление тема нашла в историографических разделах диссертационных исследований.

К тому же, многие положения и выводы анализируемых выше научных артефактов устарели, так как анализ исследований по конкретным проблемам проводился под углом зрения господствовавших тогда исторических концепций [8, с. 66—67].

Во втором этапе (вторая половины 80-х годов до 1991 г.) условного исторического периода историографии рассматриваемая проблема получила развитие в диссертационных работах анализируемого периода. Их авторы рассмотрели отдельные стороны подготовки молодежи к защите своей страны, обобщили опыт работы по морально-политической, психологической, военной и физической подготовке молодых людей к военной службе. К примеру, выводах диссертационных исследований И.А. Зосименко [5], В.Г. Храпченкова [12], имеются практические рекомендации по улучшению подготовки молодежи к службе в Вооруженных Силах в современных условиях.

В работе И.А. Зосименко приведены ряд рекомендаций по совершенствованию системы военно-патриотического воспитания.

При областных Советах народных депутатов образовать комиссии по оборонно-массовой работе, на которые возложить следующие обязанности: обеспечение материальной базой всей системы оборонно-массовой работы; подготовка, расстановка кадров и контроль за их деятельностью; организация финансирования и проведение массовых мероприятий; поддержание связей с воинскими частями и заведениями и др. [5, с. 14].

Казахстанский исследователь В.Г. Храпченков в своей работе показал, что в основу военно-патриотического воспитания учащихся надо заложить подготовку их к службе в Вооруженных Силах.

Только в процессе обучения в общеобразовательных организациях учащиеся получают начальные военные знания, развиваются и закаляются физически, в соответствии с государственной идеологией готовятся к тому, чтобы при первой необходимости стать на защиту Родины [12, с. 15].

Российский исследователь С.Ф. Кужилин отмечает, что: «Имеется группа публикаций исторического, юридического, философского, педагогического характера, посвященных раскрытию содержания, форм и методов работы различных структур по подготовке молодежи к военной службе [8, с. 68].

Среди многообразия литературы выпущенных в контексте анализируемой проблемы, заслуживают внимание источники, раскрывающие региональный опыт вневоинской подготовки юношей к службе в Вооруженных Силах.

Автор книги «К службе готовы» генерал-майор И.Т. Губарев в 70-е гг. военный комиссар Киргизской ССР рассказывает

«...о подготовке призывной молодежи к выполнению почетного гражданского долга — службе в рядах Вооруженных Сил СССР» [2].

В постсоветской историографии изучаемый проблемный вопрос рассмотрен российским исследователем С.И. Петровым.

Исследование деятельности государственных и общественных организаций региона показало, что во второй половине 80-х годов основными направлениями духовной закалки будущих воинов были идейно-политическое, патриотическое, нравственное и правовое воспитание, реализация которых осуществлялась через широкую систему средств, форм и методов работы [9, с. 85].

Полностью согласны с мнением большинства исследователей рассматриваемой проблемы, что нельзя подготовить высокопрофессиональных защитников своего государства, не уделив при этом его моральной, психологической составляющей, а также практических навыков и физических качеств.

Исторические источники не только объективно отражают историческое прошлое и поэтому делают возможным его научное изучение, но и сами содержат информацию, необходимую для их критической оценки, для выявления в них объективного и субъективного [7, с. 131].

Правильная классификация источников является залогом дальнейших действий по выбору направления изысканий научного материала, в случае их отсутствия равноценного восполнения.

Познание прошлого помогает раздвинуть ограниченные сравнительно небольшим отрезком времени и пространства рамки опыта отдельной личности, общества, осмыслить выстраданный многими поколениями опыт. История не допускает однозначной повторяемости событий, но допускает повторяемость ситуаций. А это дает возможность устанавливать закономерности процессов и явлений, а значит, и предвосхищать будущее [13, с. 20].

В характеристике общих проблем историографии Казахстана в советский период практически отсутствуют научные работы, связанные с военным строительством и подготовкой граждан республики к военной службе.

В Казахстане сделано немало в исследовании проблем истории советского периода. Однако многое еще предстоит изучить и осмыслить и основное внимание при этом уделить вводу в науку ранее закрытых документов и материалов. А на этой основе пересмотреть устоявшиеся выводы и обобщения, освободить их от идеологических штампов прошлого и столь же идеологически окрашенных лженоваций настоящего [6, с. 40].

Таким образом, историографический анализ источников советского периода позволяют на современном этапе развития казахстанского

общества в соответствии с требованиями предъявляемых к исторической науке осуществить попытку комплексного исследования деятельности государственных органов и общественных организаций республики по подготовке граждан к службе в Вооруженных Силах.

Список литературы

1. Байтасов Б.Б., Платаев А.Г. — М.: ДОСААФ, 1980. — 96 с.
2. Губарев И.Т. К службе готовы. — Ф.: Кыргызстан, 1979. — 136 с.
3. Егоров Г.М. Дело всего народа. — М.: ДОСААФ, 1984. — 152 с.
4. Жилин П.А. Проблемы военной истории. — М.: Воениздат, 1975. — 398 с.
5. Зосименко И.А. Деятельность партийных организаций Среднего Поволжья по военно-патриотическому воспитанию допризывной и призывной молодежи. 1980—1989 гг.: Автореф. дис. ... к.и.н. — Куйбышев, 1990. — 16 с.
6. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В пяти томах. Том 4 — Алматы: Атамұра, 2009. — 768 с.
7. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. — М.: Наука, 2003. — 486 с.
8. Кужилин С.Ф. Деятельность государственных органов и общественных организаций по военно-патриотическому воспитанию допризывной и призывной молодежи СССР и РФ: вторая половина 1950-х — 2000 гг.: Дис. ... док. ист. наук. — Самара, 2006. — 516 с.
9. Петров С.И. Подготовка молодежи к военной службе в 1985-2000 годах по материалам Северо-Запада РФ: Дис. ... док. ист. наук. — СПб., 2005. — 420 с.
10. Покрышкин А.И. Краснознаменное оборонное. — М.: ДОСААФ, 1975. — 366 с.
11. Улезько Е.В. Государственно-политическое руководство подготовкой молодежи Западной Сибири к защите Отечества в 1965—1985 годах.: Дис. ... канд. ист. наук. — Барнаул, 2005. — 241 с.
12. Храпченков В.Г. Военно-физическое воспитание учащихся в школах Казахстана (1941—1945): Дис. ... канд. пед. наук. — Алма-Ата, 1984. — 178 с.
13. Чекинов С.Г. Прогнозирование тенденций военного искусства в начальном периоде XXI // Военная мысль. — 2001. — № 3. — С. 19—23.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК: СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ

Материалы XXVI международной заочной
научно-практической конференции

15 июля 2013 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 21.07.13. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 9,125. Тираж 550 экз.

Издательство «СибАК»
630075, г. Новосибирск, Залесского 5/1, оф. 605
E-mail: mail@sibac.info

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3